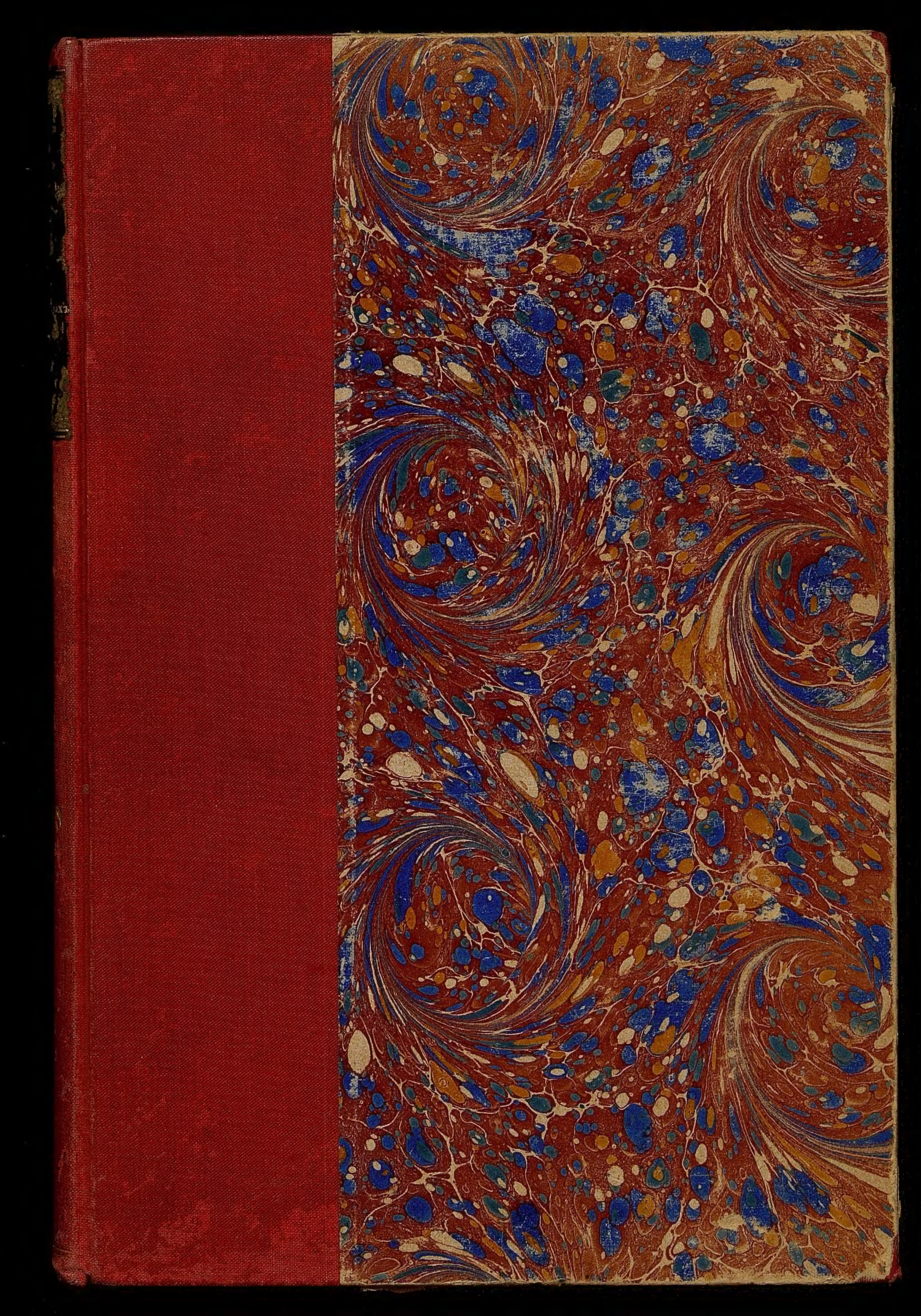
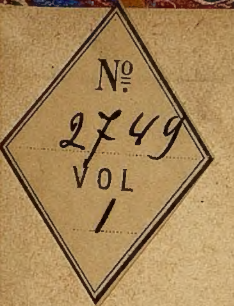
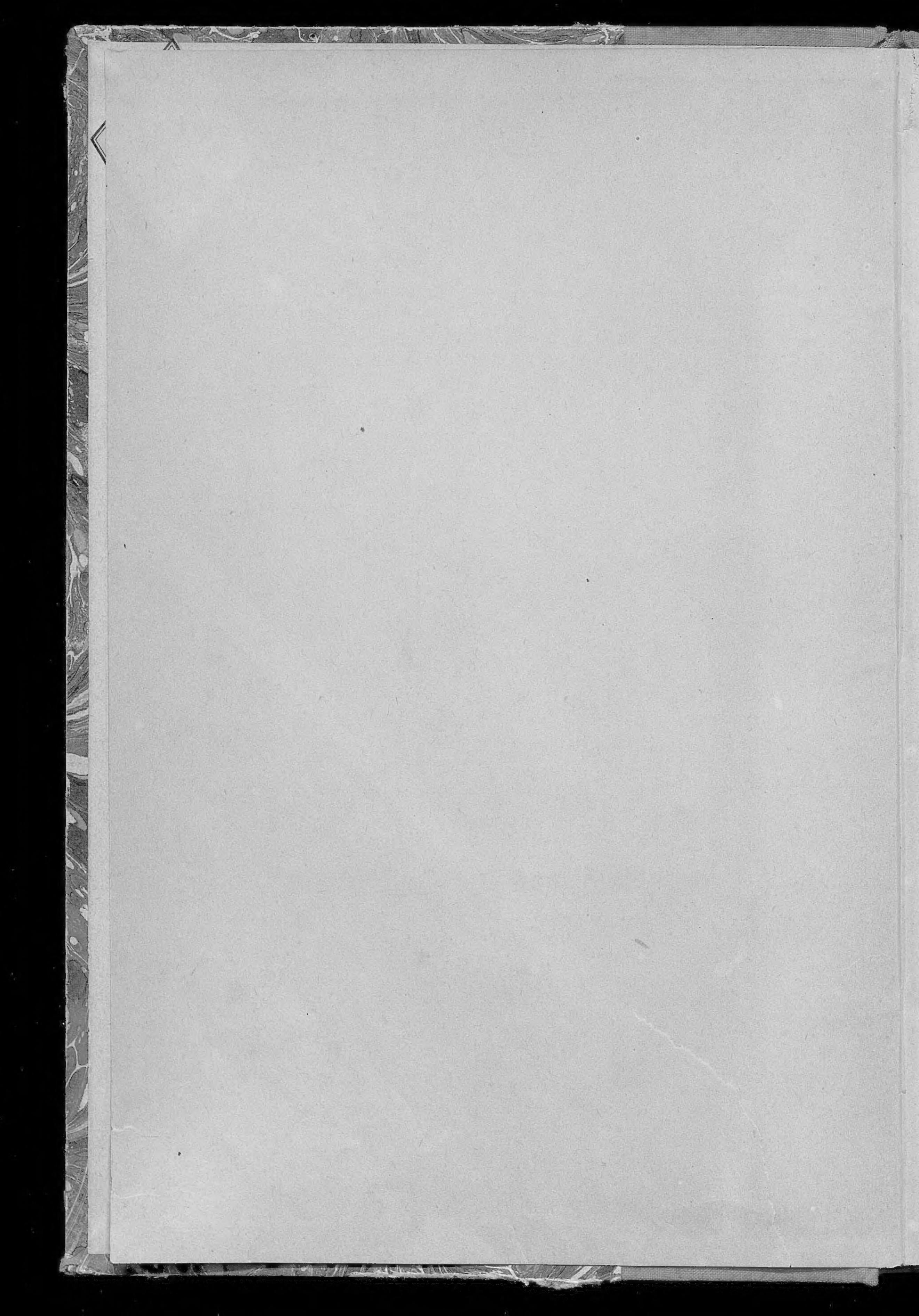

№
2749
VOL
1

Н.МАЛЬЦОВЪ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 12 СЕНТЯБРЯ 1900 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“, Б. ПОДЪЯЧ., 39.

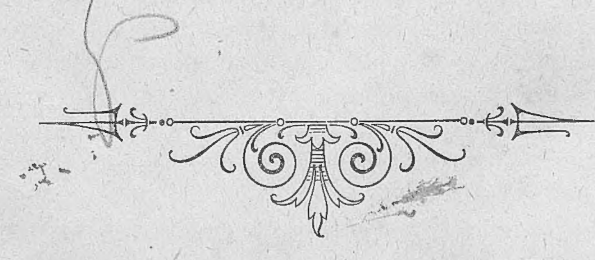
КАРЛЪ ПАВЛОВИЧЪ БРЮЛЛОВЪ.

(Съ современнаго дагеротипа).

АРХИВЪ БРЮЛЛОВЫХЪ,

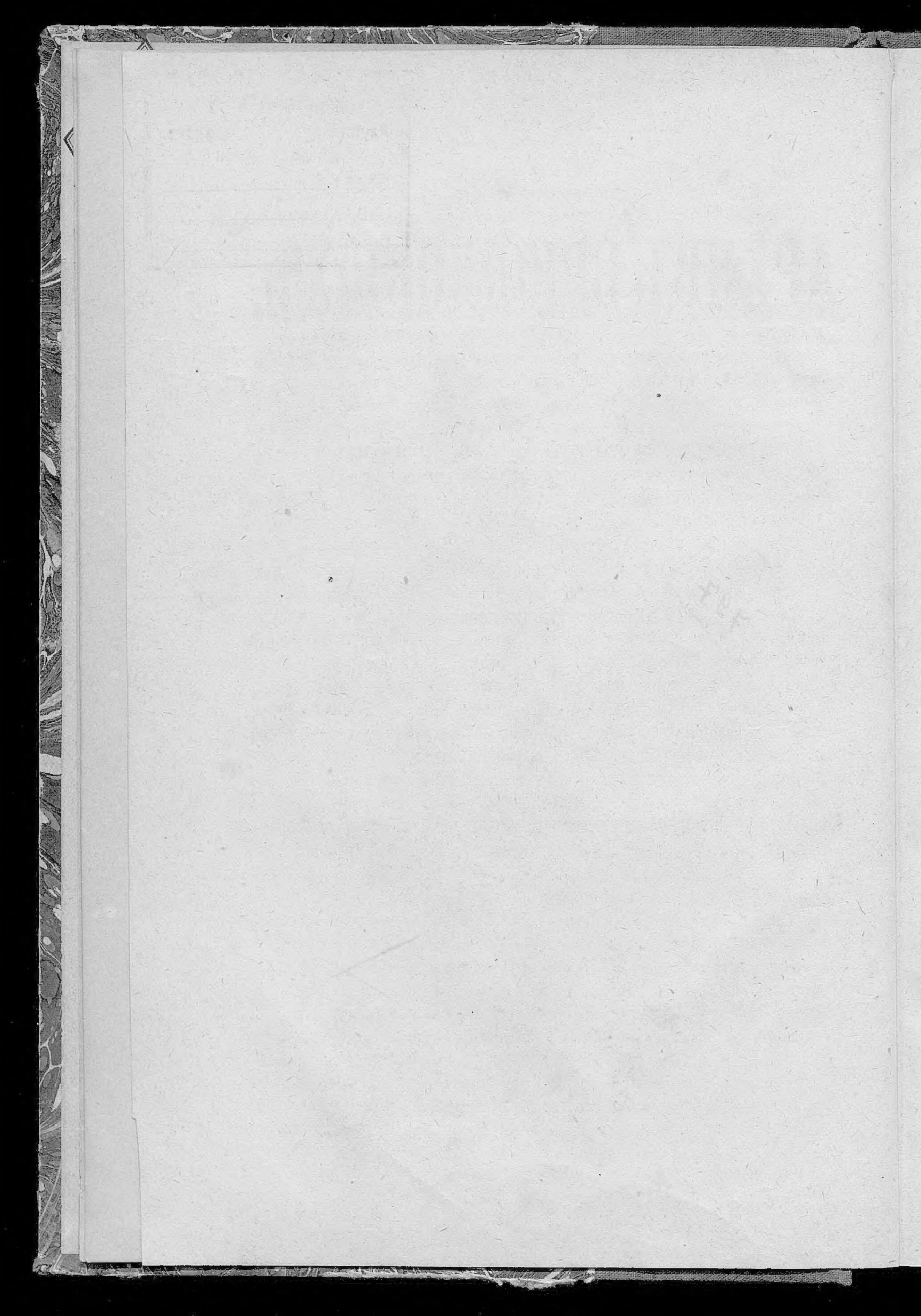
принадлежащій В. А. Брюллову.

Сообщилъ **Ив. Кубасовъ**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1900.

Архивъ Брюлловыхъ, печатаемый нами съ любезнаго разрѣшенія владѣльца его—Владиміра Александровича Брюллова, заключаетъ въ себѣ письма: Александра, Карла и Ѳедора Павловичей Брюлловыхъ, ихъ родителей и обширнаго круга лицъ, съ которыми двое первыхъ изъ поименованныхъ братьевъ находились въ болѣе или менѣе продолжительной перепискѣ. На страницахъ «Русской Старины» будутъ помѣщены письма братьевъ Брюлловыхъ и письма къ нимъ, кромѣ писемъ ихъ родителей, которыя обнародованію не подлежатъ; но мы считаемъ не лишнимъ сказать о послѣднихъ нѣсколько словъ.

Въ существующихъ свѣдѣніяхъ о Брюлловыхъ, особенно объ одномъ изъ талантливѣйшихъ представителей этой художественной семьи—Карлѣ Павловичѣ, нерѣдко повторяется ошибочное мнѣніе объ отношеніяхъ, существовавшихъ между нимъ и его родителями. Говорятъ, что Карлъ Павловичъ будто бы недолюбливалъ своего отца, не писалъ совершенно писемъ къ нему и будто бы послѣдній обращался болѣе чѣмъ грубо съ своимъ талантливымъ сыномъ еще съ юношескихъ лѣтъ его и т. п. Наоборотъ, въ архивѣ Брюлловыхъ мы нашли не одно письмо Карла Павловича къ отцу и не мало писемъ Павла Ивановича (отца) къ нему, въ которыхъ нѣтъ и тѣни какой-либо натянутости въ отношеніяхъ между собою этихъ двухъ корреспондентовъ. Знаменитый художникъ выступаетъ въ письмахъ своихъ какъ любящій почтительный сынъ, а Павелъ Ивановичъ, какъ типъ чадолюбиваго отца: безъ излишнихъ нѣжностей, но вполнѣ искренно и съ явнымъ желаніемъ добра, онъ наполнялъ свои посланія разнаго рода совѣтами и указаніями по поводу начатыхъ работъ сыновей, сообщеніемъ новостей, ихъ касавшихся и т. п. Такой же приблизительно характеръ носятъ и письма матери нашихъ художниковъ, въ которыхъ, впрочемъ, отводилось болѣе мѣста разнаго рода новостямъ, имѣющимъ чисто-семейный интересъ. Она скончалась 18-го декабря 1825 года, и по смерти ея Павелъ Ивановичъ сталъ еще болѣе дѣятельнымъ корреспондентомъ своихъ сыновей. Правда, онъ чаще писалъ сыну Александру, чѣмъ Карлу, но это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Александръ Павловичъ былъ болѣе исправнымъ корреспондентомъ, чѣмъ его братъ: онъ любилъ писать письма и не оставлялъ ни одного изъ полученныхъ безъ отвѣта, тогда какъ для Карла Павловича писаніе писемъ было одной изъ самыхъ непріятныхъ обязанностей, чѣмъ объясняется и сравнительно небольшое количество его писемъ и ихъ краткость.

Наибольшее количество писемъ Брюлловыхъ относится къ періоду съ 1822 по 1830 годъ, то-есть когда Александръ и Карлъ Павловичи были за границей, куда для усовершенствованія были отправлены Об-

ществомъ поощренія художниковъ [1]). Въ дѣлѣ отправленія ихъ въ чужіе края принималъ большое участіе одинъ изъ учредителей названнаго Общества — Петръ Андреевичъ Кикинъ, которому они и писали не мало писемъ изъ своего путешествія. Въ 1830 году Александръ Павловичъ возвратился въ Петербургъ; Карлъ Павловичъ оставался за границей до конца 1835 года, пока не былъ вызванъ для занятія профессорскаго мѣста въ Академіи художествъ. Второе путешествіе Карла Павловича въ Италію, откуда ему не суждено было возвратиться [2]), онъ предпринялъ въ апрѣлѣ 1849 года.

Ѳедоръ Павловичъ Брюлловъ—старшій изъ братьевъ, хотя и кончилъ курсъ Академіи съ аттестатомъ первой степени (въ 1815 году) и былъ оставленъ при Академіи пансіонеромъ въ ожиданіи посылки на казенный счетъ за границу, но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, туда отправленъ не былъ. Онъ оставался за время путешествія своихъ братьевъ въ Петербургѣ и дѣятельно поддерживалъ съ ними переписку. Въ чужіе края онъ отправился лишь въ 1853 году, откуда и писалъ брату Александру.

Письма Брюлловыхъ мы печатаемъ въ порядкѣ хронологическомъ, письма къ нимъ (кромѣ оффиціальныхъ писемъ отъ имени Общества поощренія художниковъ) мы сочли удобнымъ расположить въ алфавитномъ порядкѣ фамилій ихъ авторовъ. Письма, оригиналы коихъ писаны на иностранныхъ языкахъ, будутъ предложены въ переводѣ.

Для полноты собранія мы позволили себѣ включить въ рядъ писемъ архива Брюлловыхъ и тѣ немногочисленныя письма братьевъ-художниковъ, которыя полностью или въ извлеченіяхъ были напечатаны раньше въ разныхъ изданіяхъ [3]), и, наконецъ, тѣ, оригиналы которыхъ (не обнародованные) были найдены нами въ другихъ собраніяхъ: въ Императорской публичной библіотекѣ и у частныхъ лицъ. Сдѣлать это было необходимо, такъ какъ многія изъ писемъ, не находящіяся въ бумагахъ Брюлловыхъ, стоятъ въ близкой связи съ письмами предлагаемаго архива.

Ив. Кубасовъ.

---

[1]) Въ Высочайшемъ указѣ, послѣдовавшемъ по поводу этого путешествія, иностранная фамилія братьевъ-художниковъ (Brulelau) была измѣнена въ русскую „Брюлловъ“; прочіе члены этого рода остались съ прежней фамиліей „Брюлло“.

[2]) Онъ умеръ въ мѣстечкѣ Марчіано (близъ Рима) въ іюнѣ 1852 года.

[3]) Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти всѣхъ оригиналовъ ранѣе обнародованныхъ писемъ, почему за многія изъ нихъ отвѣтственности на себя не принимаемъ.

1.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

18-го августа 1822 г. Митава.

Любезные батюшка и матушка! Желая исполнить ваше приказаніе и собственное свое желаніе, я, при первомъ удобномъ случаѣ, пишу къ вамъ, и начинаю съ самаго Петербурга. Разставшись со всѣми, мы поѣхали по назначенной дорогѣ; дилижансъ былъ полонъ, что составляло шесть человѣкъ, между коими находились три знатнѣйшія художества, какъ-то: живопись, скульптура и архитектура [1], т. е. Карлъ, Лауницъ [2]) (одинъ пріѣхавшій изъ Италіи художникъ) и я, два купца и графъ Коскуль. Съ графомъ мы очень коротко познакомились,—кажется, очень добрый старикъ. Въ дорогѣ до Риги съ нами ничего достойнаго примѣчанія не случилось. Въ воскресенье 16-го августа пріѣхали въ Ригу, одѣлись и пошли къ военному губернатору Паулуччи [3]) (который также членъ Общества, насъ пославшаго). Онъ пригласилъ насъ обѣдать въ понедѣльникъ къ нему; отобѣдавши, отправились въ Митаву—графъ

---

[1]) Выраженіе это заимствовано изъ полнаго прежняго названія Академіи художествъ „Императорская Академія трехъ знатнѣйшихъ художествъ: живописи, скульптуры и архитектуры“.

[2]) Эдуардъ Лауницъ (1797 † 1869)—нѣмецкій скульпторъ, уроженецъ Курляндіи; жилъ долго въ Италіи, въ Римѣ, учился у Торвальдсена; съ 1820-хъ годовъ работалъ большею частью въ Франкфуртѣ на Майнѣ.

[3]) Филиппъ Осиповичъ Паулуччи (род. въ 1779 г.),—маркизъ, перешедшій изъ французской арміи въ 1807 году на русскую службу; былъ главнокомандующимъ въ Грузіи, въ 1812 г. начальникомъ штаба 1-й арміи; наконецъ лифляндскимъ и курляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1829 г. оставилъ Россію и перешелъ на итальянскую службу. (Въ члены Общества поощренія художниковъ вступилъ 26-го іюля 1822 г.).

(старикъ), Карлъ и я. Въ 10 часовъ вечера были мы уже въ Митавѣ. Графъ нашелъ намъ квартиру, гдѣ намъ дали очень хорошія постели, а болѣе, можетъ быть, потому (хорошія), что мы очень устали. Утромъ напились мы кофею, а въ 9 часовъ утра пришелъ къ намъ графъ; онъ познакомилъ насъ съ своимъ семействомъ. Позавтракали и пошли съ нимъ гулять по городу. Въ Митавѣ видѣли разводъ, безчисленное множество жидовъ. И вотъ покуда все. Завтра думаемъ отправиться далѣе.

NB. Въ Ригѣ насъ поразили три предмета: 1) самый городъ своею древностію и разнообразностію, 2) жиды и 3) фрукты. Представьте, что желтыя сливы продаются тамъ въ возахъ и кружками. Кружка 12 копѣекъ и дешевле, но въ дорогѣ все очень дорого. Во все время мы были очень здоровы, скучать было некогда, ибо на всякомъ шагу насъ поражали новые предметы: то какой-нибудь видъ, то какое-нибудь необыкновенное строеніе, то забавный разговоръ пассажировъ и тому подобное. Я ничего не говорилъ вамъ о прелестяхъ мѣстоположенія; это потому, что онѣ безчисленны. Но объ одномъ и здѣсь упомяну: die See Peypus—такъ его называли. Мы ѣхали, можетъ быть, съ полчаса все въ водѣ на берегу этого озера; ночь была тихая, луна была полная... однимъ словомъ, эта картина природы совершенно изображала молчаніе мудраго. Покуда перемѣняли лошадей, Карлъ и я гуляли по берегу. Черезъ нѣсколько минутъ лошади были заложены, мы сѣли въ повозку и забыли мракъ ночи, блескъ луны, шумъ стремящихся къ берегу волнъ... забыли все на нѣсколько времени въ безчувственныхъ объятіяхъ Морфея. Прощайте. Кланяйтесь всѣмъ отъ меня и Карла. Сдѣлайте милость, папенька, сготовьте скорѣй всѣ вещи, которыя нужно отослать въ Италію, и поговорите объ оныхъ съ Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ. Поспѣшите, чтобъ фрегатъ не ушелъ.

2.

А. П. и К. П. Брюлловы—родителямъ.

22-го сентября (н. с.) 1822 г. Берлинъ.

Любезные батюшка и матушка! Простите, что мы не такъ часто пишемъ, какъ вы, можетъ быть, желали бы, но это потому, что мы встрѣчаемъ слишкомъ много новаго и почти не находимъ времени писать. Но это не оправданіе... простите! Послѣднее наше письмо было изъ Митавы (я надѣюсь, что вы его получили). Оно оканчивалось тѣмъ, что мы готовились ѣхать далѣе. Итакъ, 28-го мы отправились въ Полангенъ, послѣдній пограничный городъ Россіи. Когда мы переступили черту различныхъ владѣній, то какое-то непонятное чувство овладѣло

духомъ нашимъ (я говорю нашимъ, потому что я съ Карломъ дорогой почти безпрерывно говорилъ и нашелъ, что наши чувствованія были совершенно равны). Первый одноглавый орелъ (прусскій гербъ) былъ знакомъ, что мы уже далеко отъ нашего дома. Тутъ только я увидѣлъ, что чего бы я ни пожелалъ, то надо обратиться къ чужому, и въ это время радость смѣшалась съ горестью; но это прошло, и я нашелъ вездѣ людей и узналъ, что съ добрымъ словомъ и деньгами все можно сдѣлать. Первый городъ въ Пруссіи, въ который мы пріѣхали, былъ Мемель; въ ономъ прожили мы два дня. Тамъ познакомились мы случайно съ двумя молодыми—барономъ фонъ-Киницомъ и барономъ фонъ-Функомъ, очень любезными людьми, что впослѣдствіи оказалось. Первый изъ нихъ въ прусской службѣ, а второй—студентъ—ѣхалъ въ университетъ въ Гетингенъ. Дорога намъ всѣмъ была совершенно одна, почему мы и согласились ѣхать вмѣстѣ. Итакъ, по почтѣ мы отправились въ Кёнигсбергъ и пріѣхали туда въ 23 часа. Оставались тамъ два дня; были вечеромъ въ театрѣ. Изъ Мемеля въ Кёнигсбергъ есть двѣ дороги: одна черезъ Тильзитъ и составляетъ 36 миль, а другая 12 миль—Am Strande, какъ всѣ называютъ, ибо это есть полоска песку, коей стороны омываемы моремъ и Куришскою гаванью (Kurische Hafen). Первый разъ я видѣлъ море и, признаюсь, видъ необыкновенный! прелестный! величественный! Случилось, что вѣтеръ былъ очень сильный; мы ѣхали у самой воды моря, такъ что колеса (вслѣдствіе) сильнаго прилива воды разрушавшейся волны очень часто до половины были въ водѣ, а нѣсколько разъ и мы всѣ были замочены брызгами къ намъ приближавшихся волнъ. И эту дорогу мы сдѣлали ночью. Ахъ! позабылъ: видѣли захожденіе солнца... но это былъ не Фебъ,—это была стихія огня, сейчасъ отдѣленная руками Творца отъ другихъ стихій и не получившая еще своего мѣста, своего направленія. Солнце зашло, но западъ еще долго пылалъ и какъ бы стращалъ зажечь сферу, а море казалось кипѣвшимъ не отъ вѣтру, но отъ багроваго огня, который какъ бы выходилъ изъ-подъ воды. Я оставляю окончить величественную картину вашему воображенію. 5-го числа (стараго стиля) отправились мы въ Берлинъ; 7 дней и ночей были въ дорогѣ, послѣ чего пріѣхали въ славный Берлинъ. И, надобно сказать, что послѣ Петербурга еще въ первый городъ пріѣхали, ибо прочіе города, право, можно почесть за деревни. Въ Берлинѣ были мы въ театрѣ, играли хорошо, а піесу подъ заглавіемъ «Егари», неподражаемо! Видѣли еще прекрасную оперу «Ифигенія въ Тавридѣ» [1]), играли хорошо. Но Са-

---

[1]) „Ифигенія въ Тавридѣ"—опера въ 4 дѣйствіяхъ, музыка Piccini, либретто Dubreuil'я

*

мойлова [1]) нѣтъ!!! Черезъ три дня отправились въ Потсдамъ. Городъ очень хорошъ, окрестности чрезвычайны. Были въ Санъ-Суси: садъ прекрасный, мѣстоположеніе выбрано достойно Фридриха II Великаго; намъ показывали комнаты дворца въ Санъ-Суси, видѣли библіотеку Фридриха, въ которой все оставлено въ томъ же положеніи, какъ оно находилось при его смерти; видѣли мѣсто, гдѣ умеръ Фридрихъ, и часы, которые остановились въ часъ его смерти; комнату Вольтера, исшарканный и истертый столъ, на которомъ онъ писалъ [2]); были въ картинной галлереѣ. Возвратились опять въ Берлинъ, и вотъ, вечеромъ пишу къ вамъ. Карлъ и я кланяемся всѣмъ нашимъ знакомымъ.

Остаемся ваши покорные А. и К. Брюлловы.

Ноября 4-го (н. с.) мы ѣдемъ въ Мюнхенъ.

3.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

29-го октября 1822 г. Дрезденъ.

Любезные батюшка и матушка! Честь имѣю рекомендоваться тѣмъ же самымъ Александромъ, только съ двумя маленькими перемѣнами, т. е. 1) я не зналъ прежде желанія съ вами видѣться, потому что всегда былъ съ вами, и 2) что я васъ прежде не такъ часто во снѣ видалъ, за то на-яву чаще видѣлъ. Право, странно... Еще прошлою ночью видѣлъ я во снѣ, будто я у васъ на балѣ, будто мы веселились по обыкновенному, ужинали, и, наконецъ, этотъ балъ кончился тѣмъ, что я проснулся. Видѣлъ Машу, Юлю, Өедора[3])—ну, всѣхъ, кого люблю.

Вмѣсто всякаго описанія мѣста, гдѣ мы живемъ, или чего-нибудь сему подобнаго, я скажу только, что Петербургъ—чудный городъ, и кто хочетъ видѣть [4])... городъ, такъ и не выѣзжай изъ него... Но окрестности Дрездена—вотъ о чемъ вы понятія не имѣете. Не знаю, какъ у васъ, катаются ли уже на конькахъ, но здѣсь все еще лѣто:

---

[1]) Подразумѣвается Василій Михайловичъ Самойловъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1839 г.),—актеръ, извѣстный оперный пѣвецъ; первый тенорь.

[2]) Вольтеръ прибылъ въ Санъ-Суси (по приглашенію Фридриха) въ іюлѣ 1750 года и навсегда покинулъ его въ мартѣ 1753 г., поссорившись съ королемъ. За этотъ трехлѣтній промежутокъ онъ написалъ, между прочимъ, знаменитую сатиру „Diatribe du doctor Akakia, médecin du Pape", направленную противъ Мопертюи. Король приказалъ ее сжечь, что и было исполнено 24-го декабря 1752 года въ Берлинѣ.

[3]) Сестры и братъ А. П. Брюллова.

[4]) Слѣдующая часть письма сильно испорчена.

хотя на деревьяхъ листъ уже пожелтѣлъ, но все-таки, здѣшніе жители по праздникамъ идутъ за городъ, либо на Ликшъ-Бадъ или на Финледеръ (имена мѣстъ, гдѣ они собираются) или на другое какое-нибудь мѣсто, и я—туда же; сажусь за столъ, приказываю подать кофій и цыгарку и начинаю дѣлать мои наблюденія надъ прелестными нѣмочками и надъ солидными нѣмцами, изъ коихъ первыя съ такимъ же прилежаніемъ вяжутъ чулокъ на вольномъ воздухѣ подъ тѣнью каштановаго дерева, какъ и дома (я сказалъ—прелестными, но, Боже мой!... сколько горбатыхъ и кривоногихъ!). Проведя, такимъ образомъ, нѣсколько часовъ, возвращаюсь въ городъ по каштановой аллеѣ и въ безпрерывной толпѣ (надобно допустить, что нѣмцы гораздо охотнѣе русскихъ ходятъ пѣшкомъ).

На сихъ дняхъ былъ я въ Саксонской Швейцаріи,—4 часа отъ Дрездена. Подъ симъ именемъ она извѣстна, ибо она есть изображеніе самой Швейцаріи въ миніатюрномъ видѣ; такъ говорятъ самые обитатели Альповъ. Ну, маменька, посмотрѣли бы вы, по какимъ скаламъ я ходилъ, какія пропасти подъ собою видѣлъ. Я, право, думалъ слышать вашъ голосъ сзади меня: «Шаша, берегись!» Но только, если это миніатюрный видъ Швейцаріи, такъ я не знаю уже, какъ вообразить настоящую...

4.

А. П. и К. П. Брюлловы—П. А. Кикину.

15-го ноября 1822 г. Дрезденъ.

Ваше превосходительство, Петръ Андреевичъ! Простите, что до сихъ поръ замедлили къ вамъ писать, но тому было причиною пятинедѣльное пребываніе въ дорогѣ. Въ Дрезденъ пріѣхали мы 2-го октября, почему написавши въ Кіевъ, не надѣялись, чтобы наше письмо васъ тамъ застало. Къ тому же его высокопревосходительство г. Ханыковъ [1]) былъ въ отъѣздѣ, слѣдственно, и письма, намъ врученныя, оставались у насъ, и это самое и заставило насъ не выполнить нашей обязанности. При нашемъ отъѣздѣ вы изъявили желаніе знать всѣ подробности нашего путешествія, что̀ и подало намъ смѣлость написать, можетъ быть, слишкомъ длинное письмо. Оставивши Петербургъ 16-го августа, мы были въ дорогѣ до Риги четыре дня; между нашими сопутниками находился также г. Лауницъ; онъ вамъ уже извѣстенъ. По пріѣздѣ въ

[1]) Василій Васильевичъ Ханыковъ въ то время—нашъ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Дрезденѣ и другихъ городахъ Германіи.

Ригу, нашимъ первымъ дѣломъ было пойдти къ сочлену вашего Общества, маркизу Паулуччи, которымъ и были приглашены на другой день къ обѣду. Вечеромъ гуляли въ публичномъ саду, гдѣ былъ сожженъ довольно хорошій фейерверкъ; на другой день ходили осматривать городъ и въ первый разъ видѣли готическія строенія, и хотя не очень значительныя, но готическія.

Вечеромъ 21-го августа въ дилижансѣ отправились въ Митаву; тутъ предстали намъ двѣ дороги, чрезъ Ковно и чрезъ Полангенъ, въ избраніи которой намъ было столько же затрудненія, какъ заблудшему въ густотѣ лѣса при двухъ тропинкахъ. Но мы находились не въ лѣсу, а въ столицѣ Курляндіи, и не могли узнать, есть ли дилижансъ за Ковно и за Полангеномъ. Между тѣмъ познакомились мы чрезъ одного изъ нашихъ спутниковъ, гр. Коскуля, съ вице-губернаторомъ г. Батайль [1]), которымъ были очень хорошо приняты, и который самъ посылалъ справляться у содержателя дилижансовъ, но все тщетно. Наконецъ, мы избрали, какъ казалось, вѣрнѣйшее, и рѣшились ѣхать черезъ Полангенъ; но опять новое препятствіе: пассажировъ не было, и мы должны были прожить въ Митавѣ цѣлую недѣлю, по прошествіи которой отправились въ Полангенъ; двое сутокъ были въ дорогѣ и видѣли прусскіе орлы. Въ Мемелѣ мы могли бы по пріѣздѣ прямо отправиться далѣе въ такъ называемую ordinäre Post, но она шла черезъ Тильзитъ гораздо далѣе и долѣе, почему мы вознамѣрились ѣхать водою; при хорошемъ вѣтрѣ 5 часовъ ѣзды. Но противный вѣтръ разрушилъ всѣ наши намѣренія, и мы отправились по extra-Post. Мы ѣхали у самаго моря, такъ что колеса нашей повозки были омываемы разбивающимися волнами—и тутъ мы увидѣли совсѣмъ новую для насъ картину, увидѣли, такъ сказать, страшныя прелести бушующаго моря! 2-го сентября пріѣхали въ Кёнигсбергъ, 5-го отправились въ дилижансѣ далѣе, недѣлю находились въ дорогѣ и очутились въ Берлинѣ. Мы не ошиблись, ѣхавши черезъ Полангенъ, ибо мы встрѣтили здѣсь въ Берлинѣ вещи, которыя не видать почти грѣшно, къ тому застали еще выставку въ Академіи художествъ, въ которой были выставлены всякаго рода произведенія, какъ-то: художественныя, механическія, мануфактурныя. Произведенія живописи были слишкомъ обыкновенны, и объ оныхъ можно имѣть совершенное понятіе, представивъ себѣ послѣднюю выставку въ Академіи въ Петербургѣ, кромѣ картины г. Гораса Вернета [2]), изображающей парадъ россійскихъ и прусскихъ войскъ въ Парижѣ. Длина оной была около 3 аршинъ, а вышина около $2^1/_4$. Въ этой кар-

[1]) Мартинъ Яковлевичъ Батайль—былъ съ 1818 г. курляндскимъ вице-губернаторомъ.

[2]) Эмиль-Жанъ-Орасъ Вернэ (Vernet), болѣе извѣстный подъ именемъ Ораса Вернэ—знаменитый французскій батальный живописецъ (1789 † 1863).

тинѣ онъ показалъ всѣ достоинства, какія только можно требовать отъ этого рода. Произведенія скульптуры были очень достойны замѣчанія, между коими находится канделябръ г. Рауха [1]) лучшаго вкуса и прекрасной отдѣлки. Хотя общее мнѣніе было, что эта выставка бывала обыкновенно въ другіе годы богаче хорошими вещами, нежели въ этотъ разъ, но все-таки оную нельзя было назвать бѣдною. Не знаемъ, видѣли ли вы въ Берлинѣ новый театръ? Онъ выстроенъ по проекту г. Шинкеля [2]). Многіе охуждаютъ его, что онъ сдѣлалъ внутренность театра слишкомъ малу, судя по внѣшности, но это было требованіе короля, который желалъ, чтобы оный служилъ для однихъ драматическихъ представленій; къ тому же устроена въономъ прекрасная концертная зала, слѣдственно, это нельзя вмѣнить архитектору въ ошибку. Вообще зданіе прекрасное; чужестранецъ, пріѣхавъ въ Берлинъ, никогда не будетъ имѣть затрудненія искать театра,—такъ хорошо соблюденъ характеръ публичнаго строенія. Два монумента, поставленные по сторонамъ гауптвахты и сдѣланные изъ бѣлаго мрамора г. Раухомъ, превзошли наше ожиданіе. Они помѣщены на высокихъ пьедесталахъ, стороны коихъ украшены барельефами, въ коихъ скульпторъ умѣлъ соединить простоту греческихъ ваятелей первыхъ временъ съ точностью и вкусомъ позднѣйшихъ. Изъ Берлина ѣздили мы на два дня въ Потсдамъ, были въ картинной галлереѣ, богатой Рубенсомъ и лучшими можетъ быть произведеніями Вандерверфа, изъ коихъ два написаны на золотомъ грунтѣ, имѣютъ и колоритъ очень хорошій; Гвидо-Ренія—Туалетъ Венеры; и вообще объ этой галлереѣ можно сказать, что хотя она и не очень многочисленна, но имѣетъ много хорошаго. Были въ Санъ-Суси, видѣли покои Фридриха Великаго и возвратились въ Берлинъ. 30-го сентября выѣхали изъ Берлина съ фурманомъ, нанявъ у него два мѣста въ коляскѣ. На другой день, какъ начало смеркаться, а фурманъ и пассажиры, утомившись отъ дневнаго пути, заснули,—вдругъ коляска опрокинулась, и счастье, что лошади были одного характера съ саксонцами! На третій день мѣстоположеніе начало насъ какъ бы приготавливать ко вступленію въ прелестную Саксонію; тутъ, кажется, природа въ первый разъ улыбнулась, или она такъ рѣдко показывала веселый видъ, что мы почли это за первое. Вечеромъ въ девятомъ

---

[1]) Христіанъ-Даніель Раухъ (род. въ 1777 г., ум. въ 1857 г.). Ниже говорится о двухъ его статуяхъ генераловъ Бюлова и Шарнгорста, которыя этотъ знаменитый нѣмецкій скульпторъ производилъ въ теченіе семи лѣтъ, (1815—1822), начавъ работу надъ ними въ Каррарѣ, гдѣ, между прочимъ, по заказу Остермана-Толстаго исполнилъ статую императора Александра I.

[2]) Шинкель (1781 † 1841),—извѣстный нѣмецкій архитекторъ и декораторъ, по проектамъ котораго выстроено не мало общественныхъ зданій въ Берлинѣ. Между прочимъ, онъ былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ нашей Академіи художествъ.

часу въѣхали мы въ Дрезденъ. При видѣ (Видъ) моста, который видѣли мы прежде на рисункахъ, а теперь сами переѣзжаемъ,—прелестные виды по обѣ стороны, вдоль Эльбы,—лунный теплый вечеръ, толпящійся на мосту народъ,—это все вмѣстѣ насъ такъ пріятно привѣтствовало, что, не видавъ города, мы рѣшили, что онъ прекрасенъ. На другой день отнесли мы письма къ посланнику и директору Академіи, Зейдельману... Были также у г. Маттеи, директора галлереи, отъ котораго получили позволеніе посѣщать натурный классъ [1]). Не опустили также случая посѣтить Grünes Gewölbe [2]), (были) въ арсеналѣ, гдѣ между прочими вещами видѣли также треугольную шляпу и шпагу Петра I; въ Японскомъ дворцѣ, гдѣ находится значительное собраніе антиковъ. Успѣли застать также и здѣсь выставку; оная была гораздо малочисленнѣе берлинской, но имѣла достойныя вещи: тутъ находилось нѣсколько пейзажей отличной работы, также картонъ г. Маттеи имѣлъ много достоинствъ. О самомъ Дрезденѣ и вообще о всѣхъ городахъ, которые мы проѣзжали, ничего не можемъ сказать, ибо мы видѣли Петербургъ. А что̀ и есть хорошаго, какъ-то: католическая церковь [3]) и еще другая, называемая Frauen-Kirche, такъ и то въ такомъ несчастномъ вкусѣ, что только одно намѣреніе надобно хвалить. Не могши похвалить городъ, должны о окрестностяхъ, потому что ихъ чтобы достойно похвалить, то надобно выдумать новую похвалу (sic). Сказать только можно, что при прогулкахъ за городъ съ этихъ возвышеній видѣли мы все пространство... нашего счастья, и эти минуты совершеннаго нашего удовольствія были вамъ посвящены. Приближающаяся зима прервала всѣ способы для занятій, ибо какъ картинная, такъ равномѣрно эстампная и античная галлереи уже затворены. И мы готовимся уже оставить Дрезденъ. Но если и въ Мюнхенѣ все закрыто, то мы думаемъ и тамъ не очень долго оставаться. Впрочемъ, мы смѣемъ надѣяться, что ваше превосходительство будете намъ писать, и мы узнаемъ ваше желаніе. Остаемся совершенно преданные Александръ и Карлъ Брюлловы.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1863 г., т. 35, стр. 364—366).

---

[1]) Между тѣмъ какъ этотъ же самый Маттеи нѣсколькими годами раньше грубо обошелся съ другими нашими молодыми художниками, которые во главѣ съ С. И. Гальбергомъ явились-было къ нему тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Дрезденъ (См. „С. И. Гальбергъ въ его заграничныхъ письмахъ и запискахъ“ въ „Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ“ за 1884 г.—приложеніе, стр. 105).

[2]) „Зеленое подземелье“, гдѣ хранится масса драгоцѣнностей старыхъ и новыхъ.

[3]) Имѣется въ виду придворная церковь, въ стилѣ рококо; въ ней находится склепъ королевскаго дома; въ самой церкви много картинъ знаменитыхъ художниковъ.

5.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину [1]).

По требованію вашему откровеннаго мнѣнія насчетъ дрезденской галлереи, осмѣливаюсь начать съ того, что всѣ шесть Корреджіевъ,— славныхъ картинъ, дѣлающихъ дрезденскую галлерею славнѣйшею, по словамъ здѣшнихъ бѣснующихся потомковъ Альбертъ-Дюреровыхъ, никогда не сдѣлаютъ и сотой пользы, что одна Пуссенова картина, о которомъ здѣсь едва знаютъ, что онъ какой-то французъ [2]). Поэтому, можете увѣриться, какова здѣсь школа; почему можно сказать, что опасно долѣе оставаться между сими антихудожниками, если бы не Рафаэлева Мадонна, на которую чѣмъ болѣе смотришь, тѣмъ болѣе чувствуешь непостижимость сихъ красотъ: каждая черта обдумана, преисполнена выраженія; грація соединена со строжайшимъ стилемъ (еслибъ я видѣлъ ее прежде, моя Антигона болѣе бы выиграла), потому что, рисуя съ невольнымъ вниманіемъ, мало-по-малу, я открылъ секретъ, который состоялъ въ томъ, чтобы болѣе рисовать съ антикъ и Рафаэля, и славному Егорову [3]) скажу, что онъ не былъ бы то, что онъ есть, если бы не видалъ Рафаэля. Прочія картины историческія состоятъ всѣ изъ Альберта Дюрера и ему подобныхъ, то-есть ни одной классической, выключая Гвидова Христа [4]), который едва-ли не есть нерукотворенный, и котораго я скопировалъ, и сія копія да будетъ моимъ путеводителемъ въ вѣрѣ, головахъ и экспрессіяхъ [5]). Его же Венера,— краски сдѣлались жертвою времени, но рисунокъ—потретъ Венеры! Вотъ картины, съ коихъ можетъ учиться и выучившійся. О Тиціанѣ— простите, мнѣ кажется, что молва объ его картинахъ сдѣлалась какъ бы завѣсой, сквозь которую трудно видѣть Тиціана! Восхищающій Стефанъ Микель-Анджело есть или не его, или работа первыхъ недѣль его занятій, или послѣднихъ часовъ его жизни, когда исчезли жизнь и разсудокъ.

---

[1]) Приложено при предыдущемъ письмѣ

[2]) Nicolas Poussin (1594—1665)—извѣстный французскій историческій живописецъ и пейзажистъ. Въ нашемъ Эрмитажѣ есть болѣе 20 картинъ этого художника.

[3]) Алексѣй Егоровичъ Егоровъ (род. 1776 г., ум. въ 1851 г.),—съ 1812 г. профессоръ живописи въ Академіи художествъ, учитель К. П. Брюллова.

[4]) Говорится о картинѣ Гвидо Рени: „Ecce homo!"

[5]) „Желаніе юнаго художника"—какъ замѣчаетъ А. И. Сомовъ въ своей статьѣ о К. П. Брюлловѣ—„исполнилось, потому что на всѣхъ его работахъ, даже позднѣйшихъ и самыхъ зрѣлыхъ, лежитъ печать сродства съ Рени и вообще съ Болонскою школой". (См. „К. П. Брюлловъ и его значеніе въ русскомъ искусствѣ", брошюра А. И. Сомова, Спб. 1899, стр. 6).

Точно и вѣрно за подписаніемъ моего къ вашему превосходительству почтенія К. Брюлловъ.

Если бы нашему Эрмитажу хоть одного крикуна изъ здѣшнихъ, то онъ стоилъ бы всѣхъ сокровищъ Европы, Азіи, Африки и Америки, не выключая и другихъ.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 367).

6.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

21-го декабря 1822 г. Мюнхенъ.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю, чтобы я могъ это повторять много лѣтъ. Я теперь долженъ къ вамъ пересылать мое поздравленіе и желаніе за 2.000 верстъ. Но вы его примете, любезные друзья и родственники (къ вамъ я обращаюсь, всѣ меня помнящіе!), съ такимъ же удовольствіемъ, какъ бы я самъ присутствовалъ, и что само заставляетъ меня на минуту забыть насъ раздѣляющее разстояніе, переселиться къ вамъ, мысленно съ вами бесѣдовать, веселиться. Это, конечно, будетъ мечта, но мечта пріятная, услаждающая,—а я желалъ бы, чтобъ меня всегда могла обманывать прелестная мечта, нежели безпрерывно терзали мрачныя истины...

Я пишу къ вамъ уже 21-го декабря, а снѣгъ только третьяго дня, что выпалъ; въ среду—Рождество (черезъ 4 дни), и, признаться, его ожидаю я почти съ тѣмъ же нетерпѣніемъ ребенка, какъ за 10 лѣтъ не потому, что я дѣйствительно могъ бы что-нибудь ожидать отъ сего дня, но потому, что воображеніе представляетъ мнѣ прошедшія удовольствія въ такихъ прекрасныхъ краскахъ, что нельзя не ощущать удовольствія, вспоминая оныя. Вотъ мы въ Мюнхенѣ уже 18 дней, и почти всякой день встрѣчали что-нибудь новое, прекрасную галлерею картинъ, прекраснѣйшую библіотеку, нѣсколько партикулярныхъ галлерей, также нѣсколько хорошихъ строеній и очень хорошо учрежденную Академію; и имѣемъ еще въ виду много достойныхъ предметовъ для путешествующихъ. Короче сказать—проводить время нельзя лучше. Мы намѣрены здѣсь пробыть до 1-го февраля (н. с.)...

Васъ, матушка, особенно поздравляю съ днемъ вашего рожденія (4-го генваря); желанія мои вамъ очень извѣстны, и сожалѣю только, что не могу оныя по-обыкновенному праздновать. Но за то черезъ четыре года... ужъ будетъ!

Всѣмъ поклонъ отъ Карла!

7.

А. П. и К. П. Брюлловы—Обществу поощренія художниковъ.

28-го января 1823 г. Мюнхенъ.

Почтеннѣйшее Общество!

Мы льстимся надеждою совершенно исполнить ваше требованіе, если напишемъ наше мнѣніе открыто, не боясь иногда сказать слишкомъ много, или дерзко, ободряя себя надеждою, что симъ исполняемъ свою обязанность.

Нѣсколько дней нашего пребыванія въ Берлинѣ употребили мы на осматриваніе выставки, въ которой особенно отличался Горасъ Вернетъ. Прочія же были или самыя обыкновенныя или очень слабыя, и, по словамъ жителей Берлина, сія выставка заключала въ себѣ гораздо менѣе предшествовавшихъ; изъ сего исключить надобно еще произведенія Рауха [1]). Имъ сдѣланы два монумента генераламъ Бюлову и Шарнгорсту, помѣщенные по сторонамъ главной гауптвахты. Въ сихъ двухъ монументахъ сдѣлалъ онъ все, что только можно сдѣлать изъ костюмовъ нынѣшняго времени. Но барельефы, аллегорическія изображенія сихъ генераловъ, коими украшены пьедесталы, соединяютъ всѣ достоинства барельефовъ. Съ превосходною композиціей соединялъ онъ чрезвычайную правильность рисунка и самый лучшій вкусъ, который столько времени былъ забытъ. Осмѣлимся сказать, что эти барельефы можно поставить на-ряду съ лучшими произведеніями древности въ семъ родѣ.

Въ Потсдамѣ въ картинной галлереѣ нашли прекрасныя собранія Рубенсовъ, чрезвычайную картину Гвидо-Рени, представляющую туалетъ Венеры. Странно, что здѣсь всѣ восхищаются тремя граціями Доменикино, не имѣющими однако никакихъ достоинствъ сего мастера. Въ Дрезденѣ также застали выставку въ Академіи художествъ. Лучшія произведенія были г. Маттеи, нынѣшняго директора Академіи, съ коимъ нашли случай познакомиться, и получили позволеніе посѣщать натурный классъ по вечерамъ. Въ противность мнѣнію, быть можетъ, многихъ должны сказать, что въ Дрезденѣ художества вообще въ самомъ жалкомъ положеніи; царствующая школа здѣсь нѣмецкая, здѣшніе молодые художники восхищаются Альбертомъ Дюреромъ [2]), Гольбейномъ [3]) и имъ

---

[1]) См. примѣч. къ письму № 4.

[2]) Альбрехтъ Дюреръ—знаменитый нѣмецкій живописецъ и писатель-теоретикъ (1471 † 1528).

[3]) Имѣется въ виду Гольбейнъ Младшій (1497 † 1543).

подобными, и хладнокровно проходятъ Рафаэля; хвалятъ Микель-Анджело, потому что эта картина Микель-Анджело, и не хотятъ видѣть въ ней, что она должна бы его пристыдить, если бы всякій человѣкъ не дѣлалъ худо. Самая галлерея въ такомъ небреженіи, что безъ горести и сострадапія нельзя въ оной находиться; ни одна картина не покрыта лакомъ, что много способствуетъ къ сокрытію половины достоинствъ сихъ картинъ.

Въ Мюнхенѣ нашли болѣе, нежели, сколько ожидали: прекрасную галлерею, сколько достойныхъ художниковъ, очень хорошо учрежденную Академію, прекрасную библіотеку, и все сіе во всякое время и всякому открыто. Мы познакомились съ г. Кленцемъ [1]), архитекторомъ при казенныхъ строеніяхъ, который намъ доставилъ случай видѣть много достойнаго примѣчанія, между прочимъ глиптотеку, зданіе, служащее для собранія антиковъ. Онъ—архитекторъ сего строенія; у него видѣли мы еще проектъ для нѣмецкаго пантеона; сіи два строенія всегда будутъ сильно говорить за его способности. Въ первомъ изъ оныхъ видѣли мы плафонъ работы г. Корнеліуса [2]). Отдавъ должную дань его достоинствамъ, не смѣемъ похвалить его живопись (но впрочемъ это альфрески). Въ числѣ лучшихъ художниковъ, знакомство коихъ мы пріобрѣли въ Мюнхенѣ, считается г. Лангеръ, сынъ директора Лангера. Онъ занимаетъ въ Академіи мѣсто профессора исторической живописи [3]). Школа его есть ничему не подражать, кромѣ самой природы; по его словамъ, простота есть девизъ художествъ, а самъ оной удаляется. Нельзя однако не отдать должной справедливости нѣкоторымъ частямъ въ его произведеніяхъ: колоритъ, расположеніе тѣней и свѣта, при воззрѣніи на его картину, дѣлаютъ самое пріятное впечатлѣніе, но слѣдствія совсѣмъ противныя. Чѣмъ болѣе разсматриваешь, то болѣе открываешь недостатки въ композиціи, чрезвычайныя погрѣшности въ рисованіи; такъ что наконецъ оии совсѣмъ помрачаютъ то, что и есть хорошее въ картинѣ.

(Далѣе слѣдуютъ подробности о производствѣ литографіи въ Мюнхенѣ, такъ какъ общество поручило Александру Брюллову собрать свѣдѣнія объ этомъ новомъ тогда искусствѣ).

(Напечатано въ «Русск. Вѣстн.» 1861, т. 35, стр. 368—369).

---

[1]) Лео von Klenze (1706†1814)—одинъ изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ архитекторовъ; между прочимъ онъ былъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ, гдѣ по его чертежамъ и рисункамъ строился нашъ Эрмитажъ.

[2]) П. Корнеліусъ (1783†1867)—нѣмецкій историческій живописецъ, съ 1825 г.—директоръ Мюнхенской академіи художествъ.

[3]) Робертъ фонъ-Лангеръ (1783—1846),—нѣмецкій историческій живописецъ, ученикъ своего отца-художника и гравера Іоганна фонъ-Лангеръ. Профессоромъ въ Мюнхенѣ Робертъ фонъ-Лангеръ былъ съ 1806 года.

8.

П. А. Кикинъ—К. П. и А. П. Брюлловымъ.

10-го марта 1823 г. С.-Петербургъ.

Здравствуйте, любезные друзья Брюлловы! Если желали вы имѣть отъ меня письма и по сіе время не получали оныхъ, то вините сами себя. Вы такъ долго не отзывались, что, посылавъ къ вамъ деньги, я исполнялъ токмо обязанность свою, но разговаривать съ вами не считалъ ни нужнымъ, ни приличнымъ. По продолжительномъ мученіи, наконецъ, разрѣшились вы бременемъ и произвели на свѣтъ первое дитя, которымъ, однако же, Общество было довольно, съ удовольствіемъ читало и, принимая въ васъ живѣйшее участіе, желаетъ и надѣется, что вы, чувствуя цѣль и намѣренія его, оправдаете выборъ васъ и доставите собою явное ручательство въ томъ, что можетъ сдѣлать общее соревнованіе къ пользѣ отечественной. Со всѣмъ тѣмъ оно замѣтило, однако же, нескромный, если не сказать даже дерзкій, приговоръ вашъ, а болѣе еще Карла насчетъ Корреджія и прочихъ. Надѣянность на себя во всякія лѣта, не токмо въ ваши, всегда гибельна для людей всякаго состоянія, художникамъ же безпрестанно служила препоною къ достиженію цѣли ихъ. Вы готовитесь еще начинать ученіе, а на изученіе, извѣстно, что цѣлой жизни нашей недостаточно, то не слѣдуетъ ли изъ сего неопровергаемая аксіома, что недовѣрчивость къ себѣ есть первое основаніе человѣка, желающаго идти съ пользою къ истинѣ; она спасаетъ насъ отъ гибельныхъ заблужденій. То, что превозносится цѣлыми вѣками и лучшими и строжайшими критиками и писателями, а не временнымъ энтузіазмомъ и модою, но твердо и постоянно, то, кажется, не можетъ быть безъ особенныхъ величайшихъ достоинствъ! Ниспровергнуть однимъ почеркомъ пера легко, но доказать, если не невозможно, то, по крайней мѣрѣ, трудно. Въ семъ случаѣ благоразуміе должно остановить васъ отъ рѣшительнаго приговора, оказывающаго одну надменность и самонадѣяніе тамъ, гдѣ нужна осторожность и скромность. То, что намъ кажется, не всегда есть самая истина и впослѣдствіи самимъ представится въ другомъ видѣ. Не слѣдуетъ, конечно, рабски подчиняться мнѣніямъ другихъ, но когда оно общее, то слѣдуетъ изыскивать и разсуждать, что, конечно, они имѣютъ свои причины и между большимъ числомъ криво и косо толкующихъ и служащими, такъ сказать, отголосками другихъ. Были и есть люди съ природными отличными дарованіями и опытностію, слѣдственно, непозволительно и нескромно, осудить ихъ судъ. Я лично вамъ совѣтовалъ и теперь позволяю себѣ повторить, что вамъ нужно и полезно замѣчанія свои класть на бумагу, и потомъ впечатлѣнія, на васъ сдѣланныя, повѣрять съ сужденіемъ другихъ и съ писателями, объ оныхъ вещахъ

говорящими. Сіе также и даже болѣе поучительно, нежели скопировывать и писать самому. Наши художники, какъ и вамъ самимъ извѣстно, теряли себя по двумъ причинамъ, которыхъ должны вы остерегаться для себя, то-есть: по самолюбію и невѣжеству. Послѣднее неразрывно съ первымъ и часто первое рождаетъ послѣднее. Кто собой доволенъ, тѣмъ рѣдко довольны другіе. Выходку сію не толкуйте иначе, какъ отъ истиннаго желанія пользы вамъ происходящую. Не сочтите, однако же, что мы недовольны вашею откровенностію, напротивъ, она похвальна, и мы ее одобряемъ, ибо она даетъ возможность быть вамъ полезнѣе. Не мнѣ, при томъ, возставать противъ оной, ибо и самъ не хотѣлъ казаться другимъ, чѣмъ есть. Совѣтъ же сей есть также доводомъ моихъ на сей счетъ правилъ, и впередъ прошу, если вы дорожите моимъ на вашъ счетъ мнѣніемъ, то быть всегда и навсегда откровеннымъ со мной. Писаніе ваше изъ Мюнхена получено, по коему считаемъ васъ теперь или во Флоренціи или даже въ Римѣ. Пишу уже въ Римъ для того, что вы, уже бывъ на мѣстѣ, получите на обзаведеніе и устройство деньги, кои, можетъ быть, въ дорогѣ не сберегли бы. Посылаю вексель на 300 червонныхъ и письмо отъ здѣшняго банкира Ливіо къ одному дому въ Римѣ, который вамъ будетъ въ случаѣ помогать. Пишите чаще, Обществу будетъ пріятно, извѣщайте именно, что вы дѣлаете и не забывайте, что здѣсь есть люди, которые принимаютъ въ васъ участіе—сіе въ жизни не худо. Общество наше усиливается безпрестанно, и теперь 41 членъ. Бога ради, не теряйте время: работайте, читайте, совѣтуйтесь и не лѣнитесь вести замѣчанія и изслѣдованія ваши какъ перомъ, такъ и карандашомъ: со временемъ будетъ для васъ драгоцѣнно и сдѣлается памятникомъ вашего пребыванія въ Италіи. Прощайте; родные ваши здоровы. Ѳеодоръ прилежитъ къ работѣ. Усердствующій вамъ Петръ Кикинъ.

9.

П. А. Кикинъ—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

8-го мая 1823 г. С.-Петербургъ.

Здравствуйте, любезные друзья, Александръ и Карлъ! Я замедлилъ письмомъ и присылкою денегъ, ожидая публичнаго нашего отчета, который печатанный при семъ къ вамъ присылаю и 250 червонныхъ. Вы усмотрите въ немъ, сколько утѣшаемся мы хорошими о васъ слухами и истинно вполнѣ будемъ вознаграждены за усердіе ваше, если успѣхи будутъ соотвѣтствовать нашему ожиданію. Вамъ, кажется, предназначено сдѣлать эпоху по художествамъ на сѣверѣ, но, Бога ради, не обнадеживайтесь слишкомъ и, не теряя времени, запасайтесь капиталомъ познаній, который есть вѣрнѣйшій въ жизни. Я сегодня ѣду съ семействомъ на Кавказъ, а дѣла Общества идутъ постоянно хорошо.

Вы писать лѣнивы, и это худо! Прощайте, усердствующій вамъ Петръ Кикинъ.

10.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

26-го марта 1823 г. Мюнхенъ.

Я знаю, что прошедшимъ письмомъ очень мало удовлетворилъ ваше любопытство, а потому намѣренъ поправить мою ошибку, написавъ вамъ всѣ мелочи, встрѣтившіяся намъ въ Мюнхенѣ. Прежде однако, нежели приступить къ сему, не могу, чтобъ не поздравить сестру (Марія)—ей извѣстно уже съ чѣмъ. Итакъ прибывъ 5-го числа въ Мюнхенъ, мы почли за нужное сдѣлать прежде всего знакомство съ городомъ, нежели съ людьми, въ ономъ живущими. Дождавшись разсвѣта (я позабылъ вамъ сказать, что мы пріѣхали въ 4 часа утра), пошли, руководимые случаемъ, который насъ скоро привелъ къ церкви, называемой Frauen-Kirche. Вступивъ въ церковь, первый поразившій насъ предметъ была картина: Снятіе съ Креста. Окинувъ взоромъ все зданіе, увидѣли огромное готическое строеніе (для насъ совершенно новое). Эта церковь и картина (кажется,—маловажности) сдѣлали на насъ такое впечатлѣніе, что мы расположены были въ Мюнхенѣ видѣть все хорошими глазами. Достоинства опредѣляетъ часто мѣра чувствъ, а мы были тогда въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, встрѣтивъ неожиданность. Ибо, нашедши такъ мало въ Дрезденѣ, мы надѣялись найти въ Мюнхенѣ еще ничтожнѣе. Такимъ образомъ, провели мы 5 дней, бродя изъ конца въ конецъ, а по вечерамъ посѣщали театръ, который здѣсь въ хорошемъ положеніи.

Квартиру мы наняли у оберъ-лейтенанта фанъ-де-Вельцъ,—люди очень хорошіе; мы не могли бы жить дома безпечнѣе. Карлъ сдѣлался боленъ и очень опасно, было близко воспаленіе головы, но хорошій врачъ и попечительность хозяйки скоро прервали болѣзнь. Надо сказать, что климатъ хуже, чѣмъ въ Мюнхенѣ, не можетъ быть. Зима здѣсь была довольно холодна и продолжительна, а послѣ начались дожди, а иногда снѣгъ; солнце видно очень рѣдко. Время отъ Рождества до послѣдняго дня масленицы называется здѣсь Карнавалъ; въ это время даются балы каждую недѣлю въ трехъ обществахъ на-подобіе клубовъ, съ тою только разницей, что въ каждомъ изъ сихъ обществъ сбираются только члены онаго. Но по праву чужестранцевъ мы имѣли во всѣхъ трехъ доступъ; слѣдовательно, вы можете судить, какъ я проводилъ время. Но я былъ почти на всѣхъ балахъ, а танцовалъ мало болѣе потому, что никого не имѣлъ знакомаго; не могу, однако, сказать, чтобы мы проводили здѣсь время скучно. Мы познакомились съ барономъ Хорнстейномъ, человѣкомъ около 60-ти лѣтъ,—онъ здоровъ, веселъ,

дѣятеленъ (ничего не дѣлая). Узнавши, что мы чужестранцы, самъ предложилъ намъ доставить случай увидѣть все достойное примѣчанія. Онъ доставилъ намъ знакомство почти со всѣми здѣшними художниками. Карлъ предложилъ ему написать съ него портретъ; онъ принялъ со свойственной ему простотой, по окончаніи отвезъ его ко двору, показалъ его королевской фамиліи и нѣкоторымъ министрамъ; двое изъ оныхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ финансовъ просили сдѣлать имъ честь (!!) и написать портреты, у перваго—съ дочери, а у другаго—съ него самого и жены (чѣмъ онъ теперь и занимается). Отъ барона получилъ онъ въ знакъ памяти прекрасную подзорную трубу, отъ министра внутреннихъ дѣлъ—золотую табакерку...

Для продолженія нашего путешествія нашли мы еще двухъ товарищей-художниковъ; они оба скульптора; намѣрены взять въ Мюнхенѣ ветурина (извощика) и отправиться весною въ страну вѣчной весны. Съ какимъ нетерпѣніемъ проживаю я послѣдніе дни въ Мюнхенѣ!.. Прощайте! Александръ Брюлловъ.

11.

А. П. и К. П. Брюлловы—Обществу поощренія художниковъ.

25-го мая 1823 г. Римъ.

Почтеннѣйшее Общество! Въ предписаніи, намъ данномъ, вы полагали (намъ) не много пробыть въ Мюнхенѣ: два мѣсяца; мы осмѣлились остаться въ ономъ около четырехъ мѣсяцевъ, слѣдуя совѣту многихъ художниковъ, дѣлавшихъ вояжъ сквозь Тироль уже нѣсколько разъ. Продолжать нашу дорогу въ столь неблагопріятное время года, по ихъ мнѣнію, было непріятно и безполезно. 3-го апрѣля выѣхали изъ Мюнхена и взяли дорогу чрезъ Инспрукъ, Боценъ, Тріентъ, Бассано, Тревизо въ Венецію и пробыли въ оной 6 дней. Тутъ въ первый разъ увидали все достоинство Тиціана, Тинторетто [1]), Паоло Веронезе [2]) и многихъ другихъ венеціанскихъ художниковъ. «Вознесеніе Богородицы» (картина) Тиціана, находящаяся теперь въ ихъ Академіи, была найдена директоромъ оной, графомъ Чиконьяра, вся закопченная, такъ что едва можно было различить, что она представляла, но ему удалось оную очень хорошо вычистить, и они [3]) справедливо могутъ сказать, что ни одна

---

[1]) Якопо Робусти, прозванный Тинторетто (Tintoretto—род. въ 1512, ум. 1594 г.)—ученикъ Тиціана.

[2]) Veronese—прозвище нѣсколькихъ итальянскихъ художниковъ родомъ изъ Вероны, изъ нихъ Paolo—наиболѣе извѣстный.

[3]) Т. е. венеціанцы.

галлерея не имѣетъ подобнаго Тиціана; образъ письма прекрасенъ, а краски непостижимы.

Изъ Венеціи отправились черезъ Падую и Виченцу въ Верону, гдѣ провели день въ осматриваніи нѣкоторыхъ церквей и древнихъ строеній, которыхъ такъ много осталось въ семъ городѣ. 18-го апрѣля пріѣхали въ Мантую. Здѣсь надобно осмотрѣть Юлія Романо [1]). Во дворцѣ, въ одномъ оставленномъ и совершенно разрушившемся флигелѣ, открылъ въ своемъ вояжѣ по Италіи нынѣшній директоръ картинной галлереи въ Баваріи г. Диллисъ превосходныя фрески Юлія Романо, представляющія Троянскую войну. Въ первый разъ видѣли мы отъ сего мастера столь говорящую композицію и такой чистый и благородный стиль, особенно же отличалось «Похищеніе Елены»; на другой же стѣнѣ, изображавшей, какъ Патрокла убитаго выносятъ съ мѣста сраженія, почти совершенно было скопировано съ античнаго берельефа, находящагося въ античномъ собраніи въ Мантуѣ. Его же фрески и плафоны, писанные масляною краскою, находящіеся въ замкѣ дель-Те [2]), почитаются, и, кажется, справедливо, его лучшими произведеніями. О строеніяхъ же сказать можемъ, что вездѣ должно хвалить болѣе духъ, а не вкусъ архитекторовъ. 19-го апрѣля поѣхали, черезъ Модену, въ Болонью; обстоятельства не позволили намъ пробыть въ ней болѣе полудня: однако увидали въ ней тамошнюю Академію и двѣ галлереи: Мерескальки и Цамбекани. Въ первой, хотя она состоитъ только изъ трехъ залъ, столько прекрасныхъ вещей, что почти каждая изъ оныхъ можетъ служить украшеніемъ всякой галлереи: тутъ отечество Гвидо-Ренія, и тутъ же онъ произвелъ свою лучшую, можетъ быть, картину, называемую Благовѣніе Богородицы: колоссальная картина; внизу помѣщены купидоны, которые такъ написаны, какъ только одинъ Гвидо-Рени могъ написать. Принятіе святыхъ тайнъ Іеронима (Карраччa), картины Доминикино, изображающія мученицу Агнесу и Мадонну, Рафаэля Цецилія—произведенія неподражаемыя. 21-го апрѣля пріѣхали во Флоренцію. Первое наше дѣло было осмотрѣть музеумъ, и хоть онъ превзошелъ наше ожиданіе, однако должны сказать, что картинная галлерея онаго не можетъ считаться славною, исключая одной залы, такъ называемой Трибюнъ; въ ней находятся картины Рафаэля, Тиціана, Микель-Анджело и Леонардо да-Винчи (весьма рѣдкаго), и пять знаменитыхъ антикъ: Венера

---

[1]) Джуліо Романо (1492†1546)—наиболѣе значительный изъ учениковъ Рафаэля. Фрески, изображающія сцены изъ миѳа о Діанѣ и изъ исторіи Троянской войны, о которыхъ говорится въ этомъ письмѣ, исполнены имъ въ Мантуѣ, куда онъ былъ приглашенъ герцогомъ Франческо-Гонзаго. (Нѣкоторыя его работы есть въ Спб. Эрмитажѣ).

[2]) Въ Палаццо дель-Те находится его колоссальная фреска: „Низверженіе Гигантовъ"—одно изъ самыхъ крупныхъ его произведеній.

Медицейская, Фаунъ съ тарелками, группа бойцовъ, Аполлино и точильщикъ. Но за то всякаго должна удовлетворить картинная галлерея въ Палаццо-Питти. Намъ говорили, что всѣ лучшія картины сей галлереи вынесены изъ музеума, почему, можетъ быть, и остались тамъ только рѣдкости, и по своей древности знаменитыя картины. Надобно быть флорентинцемъ, чтобы такъ почитать Адониса въ загородномъ дворцѣ Поджіо, какъ они его почитаютъ (онъ сдѣланъ Микель-Анджеломъ). Г. Сверчковъ [1]) доставилъ намъ знакомство съ г. Ненчи. Отдавъ должную справедливость его талантамъ, удивляемся, что и въ Италіи французская школа начинаетъ распространять свое могущество. Бенвенути [2]) не находился въ то время во Флоренціи, но мы видѣли двѣ его картины въ партикулярныхъ галлереяхъ: одна изъ нихъ, изображающая милосердаго Самарянина и почитаемая его лучшимъ произведеніемъ, имѣетъ много достоинствъ, а болѣе на счетъ рисунка; но вторая уже совершенно французская. 28-го, наконецъ, отправились въ послѣдній путь до нашей цѣли, и 2-го мая пріѣхали въ Римъ.

Простите, что ничего не пишемъ изъ Рима, но вы снизойдете, представивъ себѣ положеніе чужестранцевъ въ Римѣ въ первыя двѣ или три недѣли. Остаемся ваши покорные Александръ и Карлъ Брюлловы.

(Напечатано въ «Русск. Вѣстн.» 1861, т. 35, стр. 371—372).

12.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

26-го мая 1823 г. Римъ.

Любезные батюшка и матушка! Я очень радуюсь, что вы теперь всѣ здоровы, и желаю, чтобъ вы всегда и оставались здоровыми, мы же равномѣрно ни на что не можемъ жаловаться. Итакъ, намъ остается только желать, чтобы все оставалось въ этомъ порядкѣ... Теперь нѣчто о вояжѣ. Итакъ, мы въ Римѣ. Но вы захотите безъ сомнѣнія узнать, какимъ образомъ мы тамъ очутились. Очень просто! А чтобы увѣриться, то поѣзжайте сами. Разверните ландкарту. Отъ Петербурга до Мюнхена найдете вы сами дорогу, а отъ Мюнхена до Рима я уже долженъ показать вамъ дорогу. И, такимъ образомъ, наши путешествія не будутъ имѣть

---

[1]) Алексѣй Васильевичъ Сверчковъ, въ то время—коллежскій совѣтникъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ во Флоренціи (съ 1819 по 1825 годъ).

[2]) Піетро Benvenuti (1769 † 1844),—итальянскій живописецъ; писалъ въ французскомъ академическомъ стилѣ. Во Флоренціи занималъ должность директора Академіи художествъ. Главныя произведенія его—фрески въ куполѣ мавзолея Медичисовъ и во дворцѣ Питти.

другаго различія, какъ только, что мы поѣхали по землѣ, а вы по бумагѣ, мы ощущали перемѣну климата, а вы этого не будете чувствовать. Но... я вамъ вкратцѣ опишу, а ваше воображеніе его дополнитъ; слѣдовательно,—вамъ не нужно будетъ выходить и изъ дома для столь далекаго вояжа, а просто, сѣвши на стулъ предъ большимъ столомъ и раскрывъ почтовую карту Германіи и Италіи, отправитесь въ путь, не чувствуя неудобствъ и всѣхъ прочихъ безпокойствъ дороги. Итакъ начнемъ. Мюнхенъ оставили мы 3-го апрѣля,—что называется уже весною; въѣхавъ на горы Тироля, нашли опять зиму, но скоро опять, спустившись съ горъ, встрѣтили весну; пріѣхавъ въ Венецію, очутились въ совершенномъ лѣтѣ. И все это въ 9 дней. Каково? Изъ Мюнхена дорогу мы взяли чрезъ Инспрукъ, Тріентъ, Боценъ, Бассано, Тревизо, Местрисъ и въ Венецію. О Венеціи я могъ бы исписать вамъ нѣсколько листомъ кругомъ, и вамъ не было бы скучно читать; но я удовольствуюсь описаніемъ важнѣйшаго. Вы очень вѣрно вообразите себѣ Венецію, ежели представите оную выросшею изъ воды. Да оно такъ и будетъ, когда вы примете сваи за коренья, а домà за цвѣты, ибо весь городъ выстроенъ на сваяхъ и состоитъ изъ 64 островов—какое ужасное, огромное болото! Въ Венеціи каждое мѣстечко говоритъ о прошедшей славѣ и богатствѣ и нынѣшней бѣдности. Площадь Св. Марка (вотъ одна невыгода вашего путешествія на бумагѣ, ибо я не могу вамъ описать и вы не можете себѣ вообразить эту площадь)... я скажу вамъ, что не мудрено, если на этой площади нашли господа романисты такое плодородное поле для своего предмета, гдѣ красавицы, кинжалы бандитовъ и всякія другія интриги играли такія блестящія роли, гдѣ... Но я оставляю эту площадь и мое разгоряченное воображеніе и иду во дворецъ Дожа. Вступивъ въ эти богатые чертоги, я, самъ не замѣчая, перемѣнился. Молчаніе и важность заступили мѣсто болтливости, и въ семъ положеніи я вступаю въ залъ сената республики, приближаюсь, хочу съ почтеніемъ поклониться, но вижу, что тутъ никого нѣтъ, и вспомнилъ, что время республики и славы венеціанской прошло; признаюсь вамъ, что невольно отозвалось въ сердцѣ какое-то грустное чувство, хотя я и не венеціанецъ. Осматривая залу, приблизился къ тѣмъ кресламъ, гдѣ сидѣли дожи, сажусь и опять на одну минуту забываюсь, хочу начать говорить сенаторамъ, хочу призвать для содѣйствія къ возстановленію благополучія венеціанцовъ; но скоро прошла моя мечта, и я хладнокровно беру мою шляпу и слѣдую за проводникомъ, вспоминая о видѣнномъ, какъ о снѣ. Подобнымъ образомъ провели мы въ Венеціи слишкомъ 5 дней. Выѣхавъ изъ оной, мы взяли нашъ путь чрезъ Падую, Виченцу, Верону, Мантую, Болонію и пріѣхали во Флоренцію. Кромѣ всего прекраснаго, находящагося въ сихъ городахъ, какія у нихъ окрестности!!... Чрезъ шесть дней отправились въ Римъ. Надобно вамъ знать, что самое не-

*

пріятное въ Италіи было для насъ dogana [1]) и трудность объясняться по-италіански (но нынче ужъ гораздо легче). Итакъ, мы отправились въ Римъ черезъ Сіену, и по пяти-дневномъ пути намъ открылся куполъ Св. Петра. Я потому говорю «куполъ Св. Петра», что городъ мы не могли различить еще, а куполъ былъ уже очень ясно виденъ. Вы желаете вѣрно знать, что я почувствовалъ при семъ, и я вамъ скажу на это только, что ничего не чувствовалъ: ожидать, встрѣчать, находить, видѣть, обманываться, снова ожидать—сдѣлали изъ моихъ понятій такой хаосъ, что ничего не могъ въ полнотѣ чувствовать, но за то теперь, бродя изъ одного края Рима до другаго, изъ Колизея въ Ватиканъ, оттуда на Trinita di monti или въ какую-нибудь виллу за городъ и рисуя что-нибудь съ древнихъ остатковъ, я день-ото-дня живѣе чувствую наше счастливое состояніе. Какъ жаль, что нельзя перенестись иногда на нѣсколько минутъ къ вамъ. Благодарю всѣхъ, которые меня вспоминаютъ, а кланяться прошу даже и тѣмъ, которые меня забыли... къ чему называть каждаго по имени? Всякій, котораго люблю, пойметъ меня и безъ того.

13.

К. П. Брюлловъ—родителямъ.

Іюнь 1823 г. Римъ.

Мало вамъ, что одинъ пишетъ: что за радость платить вдвое за одно и то же извѣстіе; вѣдь только и перемѣнъ, что онъ (т.-е. братъ Александръ) видитъ одно во снѣ, а я—другое, либо совсѣмъ ничего. Хотите новостей: въ Мюнхенѣ я писалъ портреты съ Каммерера [2]), съ дочери министра финансовъ, съ министра финансовъ, съ министра внутреннихъ дѣлъ и его жены: королевская фамилія была очень довольна, и если бы не отъѣздъ короля и всей фамиліи въ Дрезденъ, то, можетъ быть, мнѣ пришлось бы писать ихъ всѣхъ, однако, не пришлось и не придется потому, что я уже въ Римѣ! Папенька! если хотите знать, гдѣ я съ десяти часовъ утра по шесть часовъ вечера, посмотрите на эстампъ Рима, который у васъ висѣлъ: тамъ увидите маленькій купольчикъ св. Петра, первый домъ на правую руку или по лѣвую—это называется Ватиканъ. Вотъ тамъ-то я смотрю на Рафаэлеву картину «Преображеніе» [3]), которой эстампъ у насъ есть и виситъ надъ «Евой» и «Ада-

[1]) Таможня.

[2]) Адальбертъ-Филиппъ Каммереръ (1786—1848),—писатель; былъ учителемъ въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ.

[3]) Послѣднее произведеніе Рафаэля, начатое въ 1519 г. Картина эта при похоронахъ Рафаэля была выставлена у его гроба, „какъ памятникъ его

момъ»; какъ эта Ева не похожа на настоящую Grossmuterchen Евушку, такъ точно эстампъ «Преображенія» не похожъ на картину,—такъ можете судить, что̀ это за вещь! Потомъ иду въ античныя залы, украшенныя древними оригинальными антиками: Лаокоонъ, Антиной, Аполлонъ, Мелеагръ, торзъ..., кои такъ чисты и новы, какъ бы работы послѣднихъ вѣковъ; слѣдовательно, мы еще такъ счастливы! Время, равнодушное ко всему безъ разбора, истребляющее все, что только имѣло начало, пощадило Лаокоона и четырехъ родственниковъ его. Сей Ватиканъ состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ комнатъ и во всѣхъ—древности и антики, съ коихъ я рисовалъ. Наконецъ, видѣлъ фрески Рафаэля, видѣлъ и сталъ уважать еще болѣе нежели прежде, судя по эстампамъ; (видѣлъ) Микель Анджеловъ плафонъ, который вы заставляли меня дѣлать иногда и при свѣчкѣ сквозь увеличительное стекло... Помните? Вы, можетъ быть, сердитесь, что я мараю бумагу вздоромъ, вмѣсто того, чтобы писать о Римѣ: gedult! [1]) Я хочу теперь разговаривать съ вами, а не писать по принятому общему правилу. Но зато въ слѣдующемъ, когда буду рисовать съ рѣдкостей древности, съ Рафаэля, съ Микель Анджело, съ Доминикина и прочихъ... Боюсь ломать голову за именами: безъ того у меня кровь идетъ изъ-носа сію минуту на-подобіе тивольскаго водопада. Въ скоромъ времени мы отправляемся туда, ибо всѣ бѣгутъ изъ Рима въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда наступаетъ Cattiva aria, т.-е. скверный воздухъ. Изъ Тиволи поѣдемъ въ Фраскати, невдалекѣ отъ Албанскихъ горъ. Возвратившись оттуда обѣщаюсь подробнѣе описать. Желаю отъ всей души быть вамъ здоровымъ, я же въ Мюнхенѣ такъ выхворался, что не придется, кажется, долго быть больнымъ [2]). Кланяйтесь всѣмъ знакомымъ.

Покорный сынъ Карлъ Брюлловъ.

14.

А. П. Брюлловъ—Ѳ. П. Брюлло.

25-го іюня 1823 г. Римъ.

Любезный братъ! Ты, я думаю, уже и меня поставилъ въ число лѣнивцевъ писать, не получивъ такъ долго отвѣта на твое письмо отъ 6-го января. Но обѣщаюсь тебѣ поправиться и никогда не заставлять тебя такъ долго дожидаться. Я себѣ очень живо воображаю твое любопытство и нетерпѣніе узнать, что̀ мы въ Римѣ дѣлаемъ, что такое Римъ, что мы видимъ, чувствуемъ, слышимъ; я желалъ бы тебя удовлетворить, но не

славы, достойный всеобщаго поклоненія". Въ нашей Академіи художествъ имѣется копія „Преображенія", писанная въ 1826 г. І. И. Габерцеттелемъ.

[1]) Погодите.

[2]) См. письмо № 10.

могу: тутъ слишкомъ много. Вездѣ, проѣзжая Германію, обманывались мы въ своей надеждѣ, вездѣ находили менѣе, ибо мы видѣли Петербургъ. Но въ Римѣ, — какъ о немъ ни воображалъ,—но нашелъ болѣе; я не сравниваю его съ Петербургомъ, онъ—нѣчто другое: тутъ невольно вообразишь римлянина—древняго римлянина, среднихъ вѣковъ и римлянина во фракѣ. За перваго говорятъ храмы боговъ ихъ, за втораго—огромныя зданія худаго вкуса, а за третьяго—все ничего не значущее, слабое, дурное. Взойдемъ на Форо-Романо—народное торжище и гдѣ отправлялись тріумфы, а нынѣ называемое Campo Vaccino (Коровье Поле). Какое различіе! У древнихъ это мѣсто было украшено богатыми храмами, на этомъ мѣстѣ давали законы вселенной, а теперь... на этомъ мѣстѣ пасутся коровы!!! Итакъ, ты можешь симъ себѣ представить, что̀ такое Римъ и можно ли его сравнить съ какимъ бы то городомъ ни было; въ другомъ городѣ я хожу и воображаю себѣ: вотъ это выстроили вчерась, а это—за годъ, а это—за два. Но въ Римѣ хожу и поневолѣ переношусь за 2.000 лѣтъ; каждый остатокъ строенія есть свидѣтель колоссальнаго духа римлянъ. И этотъ колоссъ поверженъ!.. А на его мѣсто воздвигнутъ безобразный карла — изображеніе всѣхъ недостатковъ, хитрости, коварства и дурачества. Ты скажешь, можетъ быть, или подумаешь, что, слѣдуя моему описанію, было бы въ Римѣ скучно, ибо въ настоящемъ ничего нѣтъ хорошаго; но на это я тебѣ скажу, что въ Римѣ можно мечтать, а мечта часто, можетъ быть всегда, имѣетъ болѣе прелестей, нежели самая сущность. То же самое и тутъ. Смотря на древній Римъ, чувствуешь что̀ (чувствуетъ) старикъ при послѣднихъ дняхъ жизни своей, вспоминая свою юность... Оставляю тебѣ самому докончить картину, которую наше воображеніе такъ прелестно умѣетъ начертывать, вспоминая прошедшее. Пріѣхавши въ Римъ, мы очень скоро познакомились тамъ со всѣми русскими пенсіонерами; но что̀ я говорю! намъ и не надо было съ ними знакомиться; даже Гальбергъ [1]) и Щедринъ [2]), съ которыми мы никогда ни слова не говорили, и они насъ первый разъ въ Римѣ только лично узнали, черезъ пять минутъ послѣ нашей встрѣчи были такъ знакомы, какъ будто мы были съ ними знакомы съ малолѣтства... Сазоновъ [3]) хлопоталъ, чтобы намъ доставить все, что только нужно было намъ на первой случай и, такимъ образомъ, мы начали на-

---

[1]) Самуилъ Ивановичъ Гальбергъ—скульпторъ, впослѣдствіи профессоръ Императорской Академіи художествъ (1787 † 1839). Между прочимъ, за время пребыванія въ Римѣ сдѣлалъ прекрасную статую: „Происхожденіе музыки".

[2]) Сильвестръ Ѳедосеевичъ Щедринъ — художникъ-пейзажистъ, сынъ скульптора Ѳ. Ѳ. Щедрина; род. въ 1791 г., съ 1818 г. до конца жизни находился въ Италіи. Умеръ въ Сорренто въ 1830 г.

[3]) Василій Кондратьевичъ Сазоновъ, въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ; впослѣдствіи академикъ исторической живописи.

шу жизнь въ Римѣ очень пріятно. За нѣсколько времени сговорилось насъ пять человѣкъ: Гальбергъ, Щедринъ, Басинъ [1], я и братъ и сдѣлали маленькое путешествіе по Альбанскимъ и Тускуланскимъ горамъ. Если хочешь знать какъ, то возьми подробную карту Италіи и вообрази насъ прогуливающимися около Альбанскаго [2]) и Немигоскаго [3]) озеровъ, бродящими отъ одного города до другаго, отъ Альбано до Кастель-Гандольфа, отъ него во Фраскати и проч. и проч. Недѣли полторы сдѣлали маленькое путешествіе въ Тиволи, оттуда заѣзжали въ городокъ, называемый Палестрина. Въ этомъ городѣ Сулла послѣ побѣды надъ Маріемъ выстроилъ храмъ Фортунѣ, коего еще очень много осталось. Онъ выстроенъ на скатѣ почти половины горы; нынче же городъ почти весь помѣщается на террасахъ сего храма. Можно бы было написать очень много любопытнаго; но я прошу тебя удовольствоваться только тѣмъ, что я тебѣ скажу — именно, что, видѣвъ Дудергофъ, Павловское и проч. и проч., ты ничего не видѣлъ. Мы видѣли прелестную Саксонію, ужасныя Альпы, но не видали божественныхъ мѣстоположеній горъ Апеннинскихъ до самыхъ тѣхъ поръ, пока не съѣздили въ находящіяся между Тиволи и Субьяки.

Карлъ потому къ вамъ не пишетъ, что остался на нѣсколько времени въ Тиволи и пишетъ съ натуры; я думаю чрезъ нѣсколько дней также отправиться туда.

Кланяйся, пожалуйста, всѣмъ. Прощай, до свиданья!

Тебя любящій Александръ Брюлловъ.

15.

Ѳ. П. Брюлло—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

18-го августа 1823 г. Петербургъ.

Любезные братья! Письмо твое, Александръ, получили, и много благодарны за любовь къ намъ... Я былъ на сихъ дняхъ у Стасова [4]); вечеромъ мы разговорились о тебѣ, чужихъ краяхъ и что въ нихъ есть достопримѣчательнаго и зачѣмъ архитекторъ долженъ ѣздить въ Италію,

---

[1]) Петръ Васильевичъ Басинъ—историческій живописецъ и портретистъ; род. въ 1793 г.; былъ посланъ Академіей художествъ въ 1819 году въ Италію, гдѣ пробылъ до 1830 года; вскорѣ по возвращеніи въ Россію былъ назначенъ профессоромъ; умеръ въ 1877 г.

[2]) Lago di Castelli.

[3]) Озеро Nemi—въ Альбанскихъ горахъ, около Рима. По удивительной красотѣ мѣстности слыветъ перломъ Альбанскихъ горъ. Въ древности около него находился храмъ Діаны и самое озеро называлось „Зеркало Діаны".

[4]) Василій Петровичъ Стасовъ—извѣстный архитекторъ (1769 † 1848).

Флоренцію, Парижъ и проч., гдѣ только есть что хорошее. Во-первыхъ, ты не имѣешь надобности рисовать какую-нибудь обломанную капитель, которая уже за 1000 лѣтъ потеряла свою пропорцію такъ, какъ теперь Мельниковъ [1]), Калашниковъ [2]) все своё время рисовали въ Италіи, а теперь маленькій сводъ не умѣютъ вывести. Государь говоритъ: «я далъ клятву болѣе ни одного не посылать для усовершенствованія, потому что поѣдутъ поросятами, а пріѣдутъ свиньями. До сихъ поръ ни одинъ не возвращался, чтобы былъ человѣкъ дѣльный, и у меня нѣтъ никого изъ художниковъ, опричь одного Стасова». Это слова царя [3]). Оправдайтесь же, покажите, что вы ѣздили и путемъ замѣчали каждое строеніе. Стасовъ наставленіе далъ то, чтобы сравнивать одно строеніе съ другимъ и что въ немъ есть хорошее и отчего оно такъ хорошо. Во-первыхъ, какая кладка была кирпичемъ, гдѣ укрѣплена; во-вторыхъ, какая известь, какая пропорція песку, какъ заварена и какъ она была употреблена; въ-третьихъ, сравнить одно строеніе съ другимъ и вымѣрить какъ можно вѣрнѣе; въ-четвертыхъ, читать лекціи, читать извѣстнѣйшихъ архитекторовъ описанія и сравнивать ихъ описанія съ древними храмами и зданіями, которыхъ ты много еще найдешь для своей пользы. Вотъ Василія Петровича (Стасова) совѣтъ насчетъ архитекторовъ, какъ имъ учиться въ чужихъ краяхъ, чтобы со временемъ творить такія же зданія, какъ въ Италіи были за 2.000 лѣтъ. Нельзя гнѣваться, что царь столь много требуетъ, потому что Монферрантъ [4]) запряталъ нѣсколько милліоновъ въ землю и теперь не знаютъ, что начать... Прожекты твои, какіе тебѣ покажутся выгодными, доставляй прямо царю чрезъ посланника русскаго для того, чтобы царь имѣлъ тебя въ замѣчаніи уже въ Италіи. Петръ Андреевичъ (Кикинъ) говоритъ: «боюсь, крайне боюсь, чтобъ Александръ не сдѣлался рисовальщикомъ, а не архитекторомъ на-подобіе Монферрана, а Карлъ—на-подобіе надутаго Кипренскаго [5]), который, пріѣхавши сюда, говорилъ, что въ Италіи на-

---

[1]) Авраамъ Ивановичъ Мельниковъ (1780 † 1854), — впослѣдствіи архитекторъ и ректоръ Академіи художествъ.

[2]) Дмитрій Михайловичъ Калашниковъ (1780 † 1845), — впослѣдствіи академикъ-архитекторъ.

[3]) Это онъ сказалъ одному изъ нашихъ друзей, который къ вамъ скоро пріѣдетъ.
Прим. Ѳ. П. Брюлло.

[4]) Августинъ Антоновичъ Монферранъ (Auguste Ricart de Montferrant. (род. 1784 г., ум. 1858 г.)—строитель Исаакіевскаго собора.

[5]) Орестъ Адамовичъ Кипренскій (1783 † 1836)—знаменитый портретистъ. Въ 1823 году онъ только-что вернулся изъ своего путешествія за границу; былъ, между прочимъ, въ Италіи, гдѣ пользовался громаднымъ успѣхомъ среди италіанскихъ художниковъ (См. его любопытное письмо изъ Рима, напечатанное Н. А. Рамазановымъ въ его книгѣ: „Матеріалы для исторіи худож. въ Россіи“. М. 1863, стр. 238).

писалъ кардинала портретъ, что Рафаэль, Микель Анжело, Тиціанъ, Кореджъ, никто противъ его произведенья не устоятъ: «какая кисть! какой рисунокъ! какое сходство! что за колоритъ!» За эту его скромность отказали ему во многихъ домахъ Петербурга. Какъ вамъ это нравится? Оленинъ [1]), Крыловъ [2]), Гнѣдичъ [3]) истощились надъ нимъ, чтобы посмѣяться. Молва большая идетъ у насъ, что Гальбергъ дѣлаетъ чудеса въ Италіи, и что вся работа, оставшаяся послѣ Кановы [4]), передана ему; большіе успѣхи оказываетъ Щедринъ; Сазоновъ—знатный колористъ; Басинъ—хорошій франтъ; Крыловъ [5])—сухой грекъ; Глинка [6])—bonvivant. Тонъ [7]) возвращается назадъ съ Глинкою. Такъ описали мнѣ русскихъ-италіанцевъ [8])... Прощайте, друзья! Вы теперь по теплымъ горамъ разгуливаете, а мы теплые сюртуки надѣваемъ, чтобы укрыться отъ буйныхъ вѣтровъ, которые насъ этотъ годъ преслѣдуютъ.

16.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

9-го октября 1823 г. Roma.

Любезные батюшка и матушка! Какъ Италія прекрасна!! Въ минуту, когда восхищаешься, часто невольно вкрадывается мысль, что надо будетъ оную оставить и, если бы и сильнѣйшія узы привязывали къ отечеству, то эту мысль можно было бы назвать ужасною.

---

[1]) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ (1763 † 1843) — извѣстный меценатъ; президентъ Академіи художествъ.

[2]) Иванъ Андреевичъ Крыловъ—баснописецъ. (Съ него, между прочимъ, О. А. Кипренскій писалъ портретъ).

[3]) Николай Ивановичъ Гнѣдичъ—поэтъ.

[4]) Antonio Canova (1757 † 1822), — самый крупный изъ италіанскихъ скульпторовъ новаго времени. (Повторенія нѣкоторыхъ его работъ есть въ нашемъ Эрмитажѣ).

[5]) Михаилъ Григорьевичъ Крыловъ,—въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ; впослѣдствіи академикъ скульптуры (род. въ 1786 г., ум. въ 1850 г.). Здѣсь названъ онъ грекомъ за свои скульптурныя работы въ античномъ вкусѣ.

[6]) Василій Алексѣевичъ Глинка, — въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ, архитекторъ (род. въ 1788 г., ум. въ 1831 г.).

[7]) Константинъ Андреевичъ Тонъ, — въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ, впослѣдствіи профессоръ и ректоръ Академіи; извѣстный архитекторъ (род. въ 1793 г., ум. въ 1881 г.).

[8]) См. о работахъ поименованныхъ художниковъ, сдѣланныхъ ими за это время и находившихся на Академической выставкѣ 1824 г., въ „Журн. изящн. искусствъ“, 1825 г., № 1, гл. III.

Я не умѣю сдѣлать красиваго описанія оной, да и нельзя. Даже самые поэты, которые хорошо описали Италію, сдѣлали только прекрасныя изображенія, а не выразили тѣхъ чувствъ, которыя рождаются въ душѣ человѣка, когда оную видишь или вспоминаешь... я говорю вамъ о природѣ, а не о народѣ и его образѣ жизни.

Я писалъ еще изъ Мюнхена, что случай намъ очень много благопріятствовалъ и представлялъ очень много любопытнаго во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались. Въ Римѣ равномѣрно онъ насъ не оставилъ: въ теченіе шести мѣсяцевъ мы успѣли быть уже свидѣтелями смерти папы [1]), собора новаго, пожара базилики св. Павла, основаніе которой положено было Константиномъ Великимъ въ 324 году. Время щадило оную 1499 лѣтъ, а огонь разрушилъ менѣе нежели въ четыре часа,—около 80 мраморныхъ, гранитныхъ и порфировыхъ колоннъ въ семъ пожарѣ почти совсѣмъ разрушились; стропилы были изъ кедръ ливанскихъ и служили для перевозу обелисковъ изъ Египта. Теперь эта церковь представляетъ прекрасный руинъ; я сдѣлалъ онаго рисунокъ и перешлю его его превосходительству Петру Андреевичу (Кикину); онъ вамъ дастъ лучшее понятіе, нежели мое описаніе. Я вамъ писалъ о баронѣ Хорнштейнѣ, съ которымъ мы познакомились въ Мюнхенѣ [2]); на сихъ дняхъ получили мы отъ него письмо. Этотъ веселый и добрый старикъ почти непонятенъ: оказавъ такъ много привязанности въ Мюнхенѣ, онъ до сихъ поръ своихъ временныхъ знакомцевъ не забываетъ,—въ послѣднемъ письмѣ онъ приглашаетъ насъ на обратномъ пути изъ Италіи въ свои помѣстья, находящіяся въ Нейбургѣ...

Наканунѣ и въ день св. Петра и Павла 29-го іюня церковь св. Петра была иллюминована и послѣ Ave Maria (такъ называютъ здѣсь время черезъ полчаса послѣ захожденія солнца), когда вся церковь была уже иллюминована, вдругъ съ ударомъ колокола были зажжены по всей церкви котлы съ стружками и смолою менѣе нежели въ одну минуту. Это зрѣлище прекрасное. Вообразите ночь, церковь св. Петра всю покрытую шкаликами и волшебное появленіе огромныхъ огней. Я говорю появленіе, ибо людей, зажигающихъ огни, не видно ночью на сей высотѣ и въ отдаленіи.

Полюбовавшись св. Петромъ, я поздравилъ васъ съ днемъ вашего ангела, пожелалъ вамъ счастія и побѣжалъ смотрѣть жирандолу (такъ называютъ здѣсь фейерверкъ, который спускаютъ на крѣпости св. Ангела). Надо сказать: прекрасно, мѣсто очень выгодно для фейерверка. Я забылъ вамъ сказать, что одинъ изъ зажигавшихъ иллюминацію (при церкви)

---

[1]) Пія VII-го, тревожное и полное бурь понтификатство котораго продолжалось 23 года (съ 1800 † 1823).

[2]) См. письмо № 10.

св. Петра упалъ изъ окна и, коснувшись земли, оставилъ тѣло свое оной. Прощайте, очень ужъ темно. Я слышу колоколъ, подающій знать жителямъ, что наступило время Ave Maria, надѣваю фракъ, чтобы идти сегодняшній день еще послѣдній разъ полюбоваться Римомъ...

Приписка Карла Павловича Брюллова.

Любезные папенька и маменька! Въ прошедшемъ письмѣ обѣщался я вамъ описать Римъ подробнѣе, но это невозможно на этихъ семи строкахъ, которыя жадный Александръ мнѣ оставилъ. Скажу вамъ: только въ Римѣ человѣкъ живетъ точно, а вы тамъ, сѣверяки, живете безъ проку; у насъ ужъ 9-е октября, а въ рубашкѣ потѣемъ. Сію минуту входитъ ко мнѣ мой пріятель, нѣмой унгарецъ—Signiore Balasse, который живетъ подъ нами и въ недавнемъ времени поймалъ онъ у себя въ мастерской скорпіона... Какъ страшно! Мы здоровы и счастливы, то-есть живемъ въ золотомъ вѣкѣ; извѣщайте почаще о васъ, если хотите сдѣлать вѣкъ сей брилліантовымъ.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и счастья.

Покорный сынъ вашъ Карлъ Брюлловъ.

17.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

10-го октября 1823 г. Римъ [1]).

Ваше превосходительство, Петръ Андреевичъ! Уже четыре мѣсяца, какъ вы не получаете отъ насъ извѣстія; безъ сомнѣнія, это непростительно съ нашей стороны; но въ Римѣ такъ случается со всѣми, ибо и до сихъ поръ еще не знаемъ, видѣли ли мы все то, что должно видѣть, то-есть, такіе предметы, которые не для однихъ глазъ. Напримѣръ, Ватиканъ, который въ длину простирается съ версту, и на каждомъ шагу встрѣчаешь вещь, на которую чѣмъ болѣе смотришь, тѣмъ болѣе чувствуешь ея достоинство; фрески Рафаэля, Микель-Анджела—въ капеллѣ Систинѣ, то-есть—непостижимость; Гвидо-Рени; ихъ послѣдователей, періодическія измѣненія вкусовъ и всѣ имѣющія свои достоинства; паденіе искусства и опять новое возстаніе въ мастерскихъ Торвальдсена [2]). Вотъ мужъ, который не устрашился отшатнуться отъ об-

[1]) Напечатано впервые М. Желѣзновымъ въ его брошюрѣ „Неизданныя письма К. П. Брюллова“ 1867 г. (заграничное изданіе), стр. 1—4.

[2]) Бертель Thorwaldsen (1770 † 1840),—величайшій скульпторъ нашего вѣка. Между прочимъ, былъ почетнымъ членомъ нашей Академіи художествъ; въ бытность братьевъ Брюлловыхъ въ Римѣ принималъ большое участіе въ ихъ работахъ и вообще хорошо относился къ русскимъ художникамъ, проживавшимъ въ Римѣ.

щаго вкуса и мнѣнія; предпріялъ и рѣшилъ, и всѣ сдѣлались его последователями. Онъ открылъ истинный путь ко вкусу древнихъ грековъ, что подтверждаютъ его работы, напримѣръ, «Три Граціи» кажутся отпечатками натуры, но очень увѣренъ, что нѣтъ въ живыхъ такой прелести. Надобно быть болѣе, нежели хорошимъ поэтомъ, чтобъ описать подобную красоту.

Въ Римѣ настоящій Тиціанъ, это—портретъ имъ любимаго предмета: это прелесть, тутъ свѣтитъ солнце, никогда не затмеваемое облаками. Я хотѣлъ скопировать ее, просилъ его сіятельство князя Гагарина [1]), и министръ Италинскій [2]) написалъ письмо къ Принчипесѣ, но съ давнихъ временъ фамилія Шара положила никому не позволять копировать съ картинъ, находящихся въ ихъ галлереѣ. По крайней мѣрѣ я хожу всякое воскресенье скрадывать глазами. Въ продолженіе сего времени я началъ для почтеннаго Общества поощренія художествъ картину, представляющую «Итальянское утро», то-есть, дѣвушку умывающую(ся) у фонтана; также намѣренъ произвесть картину слѣдующаго сюжета: «Юдиѳь и Олофернъ»; моментъ, мною избранный,—когда прелестная Юдиѳь съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ сдѣлавъ послѣдній шагъ, уже готова поднять мечъ, но обращается вторично съ молитвою къ Богу. Торвальдсенъ одобрилъ эскизъ и весьма интересуется видѣть картину (какъ онъ говоритъ). Дюпре,—французскій живописецъ, выставилъ картину слѣдующаго сюжета: «Камиллъ, перевѣшивающій мечемъ своимъ тяжесть меча галла Бренна». Картина во всѣхъ частяхъ очень исправна; нѣмцы критикуютъ ее и говорятъ, что Камиллъ очень горячъ; по ихъ мнѣнію, можно ковать и холодное желѣзо. Въ скоромъ времени нѣмецъ Пегасъ выставитъ въ Пантеонѣ картину, представляющую «Крещеніе Христово»—совершенно изъ дерева, и это, по ихъ мнѣнію, совершенный штиль (и въ Римѣ можно скверно работать). Мы также обѣщались прислать вамъ рисунокъ моей мастерской, которую я намѣренъ перемѣнить по ея неудобности, почему и отложилъ выполненіе сего обѣщанія до слѣдующаго раза, также и наши портреты,

---

[1]) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, въ то время—посланникъ при тосканскомъ дворѣ (до 1827 г.); онъ принималъ большое участіе въ нуждахъ К. П. Брюллова и оказывалъ ему свое покровительство. См. подробности въ воспоминаніяхъ его сына Григорія Григорьевича Гагарина, напечатанныхъ въ альманахѣ „Зурна". Тифлисъ, 1855 г., стр. 83—108. (Въ сокращенномъ видѣ и въ новомъ переводѣ воспоминанія эти напечатаны въ „Новомъ Времени" 1899 г., № 8549).

[2]) Андрей Яковлевичъ Италинскій—докторъ медицины, дипломатъ; въ то время,—нашъ полномочный министръ при неаполитанскомъ и римскомъ дворахъ; почетный членъ различныхъ академій, между прочимъ—Академіи художествъ. (Род. въ 1743 г., ум. въ Римѣ въ 1827 г.).

за кои вы, безъ сомнѣнія, заплатите своимъ портретомъ, ибо вы обѣщались, ваше превосходительство, а таковыя обѣщанія я не забываю. Еще осмѣливаюсь просить васъ, Петръ Андреевичъ, дать намъ извѣстіе объ Александрѣ Ивановичѣ г. Мамоновѣ [1]), въ Москвѣ ли онъ, или участвуетъ опять въ засѣданіяхъ, которыя, безъ сомнѣнія, увеличились.

Въ моей мастерской находятся: Аполлонъ Бельведерскій, Венера Медицейская, Меркурій Ватиканскій, торзъ Бельведерскій, нога Геркулеса (правая) и голова Аякса! Какое пріятное и полезное общество!

На сихъ дняхъ я былъ въ Тиволи, видѣлъ Аніо! Я хотѣлъ вамъ написать его, но картина шумѣть не будетъ, какъ шумитъ Грото Нептуна, какъ Грото Сиренъ, и очаровательныя казкатели подъ виллой Мецената! «Но не онъ одинъ любилъ искусства, и на сѣверѣ умѣютъ любить ихъ!»—такъ говорилъ я, сидя на мшистыхъ скалахъ, окружающихъ Аніо, или у уцѣлѣвшихъ колоннъ храма Весты;—такъ сюда-то приходилъ Горацій настроивать свое воображеніе и лиру; послѣ чего пошелъ въ его виллу, ходилъ по ней не съ меньшимъ удовольствіемъ, какъ и у васъ въ виллѣ на Каменномъ островѣ, гдѣ часто въ часы досуга вы сѣяли сѣмена, плоды коихъ чувствую теперь; надѣюсь, ваше превосходительство, что и впредь не оставите своимъ наставленіемъ.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Карлъ Брюлловъ.

18.

П. А. Кикинъ—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

25-го октября 1823 г. С.-Петербургъ.

Милостивые государи! Съ мая мѣсяца, то-есть съ самаго пріѣзда вашего въ Римъ, Общество не имѣетъ отъ васъ ни строки. Не имѣете, кажется, причинъ думать, чтобы оно съ своей стороны не принимало въ васъ участія, а потому судите сами, не заслуживаетъ ли и оно отъ васъ большаго вниманія. Что касается до меня, то я тотъ же, и ничто постороннее измѣнить меня не въ состояніи, ибо дѣйствую для себя и по правиламъ, единожды принятымъ. Бесѣдовать же хорошо взаимно,

---

[1]) Александръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 1788 г., † 1836 г.), въ то время дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1832 г. почетный вольный общникъ Академіи художествъ. Между прочимъ, онъ, вмѣстѣ съ П. А. Кикинымъ и И. А. Гагаринымъ, принималъ участіе въ основаніи Общества поощренія художниковъ (въ 1820 году).

а одному неприлично и незабавно. При семъ препровождаю вамъ отъ Общества (кредитивъ?) на сумму трехъ сотъ червонныхъ, о полученіи коихъ проситъ оно увѣдомленія вашего.

Членъ и казначей Общества Петръ Кикинъ.

19.

Ѳ. П. Брюлло—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

23-го ноября 1823 г. Петербургъ.

Любезные братья! Уже проходитъ долгое время, что мы отъ васъ не имѣемъ никакого извѣстія; стали уже сомнѣваться, что не расположились ли вы жить въ горахъ вмѣстѣ съ итальянскими бандитами, чего очень легко можно ожидать... Какъ въ воду канули: не извѣстно, что̀ вы въ Римѣ дѣлаете, чѣмъ занимаетесь и что̀ производите. Я уже слышалъ, что Карлъ изъ Ватикана не выходитъ. Хорошій знакъ: поболѣе привезетъ, нежели Кипренскій, котораго императрица оставила безъ всякаго вниманія; однако Шереметевъ-богачъ [1]), который въ кавалергардахъ служитъ корнетомъ, взялъ его къ себѣ своимъ живописцемъ. Теперь я долженъ вамъ также сказать и о себѣ. Написалъ я сего года иконостасъ Екатерины мученицы—12 образовъ (Александръ знаетъ ихъ, какой мѣры, какіе сюжеты). Послѣ освященія сей церкви Кусовъ [2]) пріѣхалъ ко мнѣ депутатомъ отъ всего Общества съ благодарностью; Андрей Алексѣевичъ [3]) и весь Совѣтъ благодарятъ за мое стараніе. А Оленинъ сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, что онъ очень удивляется моей работѣ, видя такія перемѣны какъ въ композиціи, такъ и въ рисункѣ и кисти. По освященіи, на третій день, Кусовъ, чтобъ ускорить временемъ, просилъ написать придѣлъ съ правой стороны. Въ день освященія былъ большой обѣдъ у Кусова: до 400 человѣкъ были за столомъ, гдѣ пили здоровье участвующихъ оной церкви; кажется, Александръ, и ты не былъ забытъ, ибо ты также рисунокъ дѣлалъ для церкви. Во-

---

[1]) Графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ (род. 1803 г., † 1871 г.),—впослѣдствіи гофмейстеръ, извѣстный своей благотворительностью. О портретѣ, писанномъ съ него въ это время О. А. Кипренскимъ, см. „Журналъ изящныхъ искусствъ“ 1825 г., № 1, стр. 41—43.

[2]) Николай Ивановичъ Кусовъ, съ 1824 г. по 1833 г. городской голова С.-Петербурга.

[3]) Андрей Алексѣевичъ Михайловъ (род. 1773 г., † 1840-хъ годахъ),—старшій профессоръ архитектуры въ Академіи художествъ, по проектамъ его строилась церковь св. Екатерины. (См. оцѣнку работъ Ѳ. П. Брюлло для этой церкви въ „Журналѣ изящныхъ искусствъ“ 1824 г., кн. V, стр. 420—426)

образите себѣ,—я просилъ Оленина, чтобы мнѣ задали програму на академика! Отзывъ его былъ, чтобы я сперва выставилъ на «назначеннаго». Вотъ, господа, сколь нынѣ строго; не такъ-то лѣзутъ въ академики, какъ прежде.—Пожалуйста, любезный братъ Карлъ, пришли ты мнѣ, въ знакъ старой всегдашней неугасаемой нашей пріязни, съ первыми кораблями своихъ рисунковъ съ антикъ или скитцъ, тѣмъ ты много обрадуешь брата Θедора. Только, Бога ради, старайся перемѣнить свой колоритъ, потому-что, не исключая ни одного профессора, всѣ пророчатъ, что ты еще чернѣе будешь писать, какъ «Эдипъ и Антигона». Соколовъ [1]) уѣхалъ въ Москву для пріобрѣтенія богатства—прекрасная выдумка!..

20.

К. П. Брюлловъ—Обществу поощренія художниковъ.

9-го декабря 1823 г. Римъ.

Почтеннѣйшее Общество! Причиною замедленія нашихъ донесеній противъ данной намъ инструкціи было чрезвычайное множество предметовъ, требующихъ болѣе назначеннаго времени, для замѣчанія какъ достоинствъ, такъ и погрѣшностей разбираемыхъ предметовъ; не желая вторично подвергнуться ошибкѣ, замѣченной вами въ первомъ нашемъ донесеніи, мы, не довѣряя себѣ, пользовались по возможности мнѣніями опытныхъ людей, и сообразивъ наши замѣчанія, имѣемъ честь донесть оныя.

Занимаясь первые пять мѣсяцевъ въ Ватиканѣ, съ него начинаю мои замѣчанія. Ватиканъ содержитъ въ себѣ, по части живописи, слѣдующія отличныя произведенія:

1) «Преображеніе Христа» (писанное Рафаэлемъ Урбинскимъ) [2]). Прежде нежели начну замѣчанія о сей славной картинѣ, содѣлавшей безсмертнымъ творца ея, долгомъ считаю сказать, что, будучи еще въ С.-Петербургской Академіи Художествъ, видѣлъ достойную копію съ сей картины, рисованную учениками (?) Рафаэля Менгса, подъ его надзоромъ; видѣвши нѣсколько копій въ краскахъ, эстампъ Рафаэля Моргена, казалось, не могъ ожидать я того впечатлѣнія, какое обыкновенно происходитъ, при первомъ воззрѣніи на отличную вещь; но увидѣвъ оригиналъ, увидѣлъ, что картина сія превосходитъ всякую похвалу и всякое ожи-

---

[1]) Петръ Θедоровичъ Соколовъ,—историческій живописецъ и портретистъ (род. 1791 г. † 1847 г.). Особенно цѣнились его акварельные портреты; между прочимъ онъ писалъ портретъ съ К. П. Брюллова.

[2]) См. письм. № 13.

даніе. Картина освѣщена свѣтомъ при раскрытіи неба; фигуры кажутся дѣйствующими, различіе головъ поразительно, живость каждой экспрессіи заставляетъ воображать голосъ, даже каждая складка не кажется написанною: извѣстно по рисункамъ, находящимся въ Мюнхенской библіотекѣ, что онъ надѣвалъ платья на натурщика, потомъ, давши ему должное движеніе, копировалъ главный ходъ складокъ, что̀ видно во всѣхъ его картинахъ послѣдней эпохи. Отдѣлка доведена до такой степени, какъ глазъ можетъ видѣть натуру въ томъ разстояніи, въ которомъ находится зритель отъ картины; сія тонкость обработки приближаетъ къ натурѣ, не мѣшая общему. По мѣрѣ удаленія плановъ, фигуръ, тонкость сія уменьшается; въ свѣтахъ строго соблюдена воздушная перспектива; тѣни кажутся немного темны, что̀ приписываютъ краскѣ, имъ употребляемой, которая впослѣдствіи чернѣла. Яркость платьевъ переднихъ плановъ не безъ причинъ, ибо такое количество фигуръ на столь узкомъ мѣстѣ требовало употребить сіе средство для отдѣленія. Осмѣливаюсь замѣтить, что Рафаэль позволялъ себѣ дѣлать упущенія насчетъ перспективы для обобщенія главныхъ предметовъ: напримѣръ, нижняя часть картины занята фигурами въ ростъ, за коими видна гора, на коей преобразился Христосъ; три фигуры, находящіяся на горѣ, гораздо менѣе вознесшихся на воздухъ: Христа, Моисея и Иліи, кои гораздо далѣе отъ точки зрѣнія; полагаю причиною то, что (онъ) желалъ обратить болѣе вниманіе зрителя на главныя фигуры. Сіе подтверждается также, смотря на платье Христа, Моисея и Иліи, коихъ платье и волосы развѣяны въ обѣ стороны, чего быть не можетъ, разбирая сіе физически, ибо при поднятіи фигуръ, платья оныхъ должны быть подавляемы внизъ тяжестью воздуха, чрезъ что̀ произошли бы три непріятныя и параллельныя линіи, и не было бъ тѣхъ крупныхъ массъ, на коихъ теперь находится главный свѣтъ, что̀ заставляетъ зрителя обратить взоръ на главное лицо, потомъ слѣдовать порядку композиціи; по той же причинѣ, краски и тѣни верхнихъ фигуръ усилены. Въ заключеніе о сей картинѣ скажу, что разбирая сіи мнимыя погрѣшности, картина сія болѣе и болѣе доказываетъ свои достоинства.

2) «Причащеніе св. Іеронима», Доменикино [1]. Св. Іеронимъ преисполненъ выраженія, ослабленіе изображено во всѣхъ членахъ; священнослужитель, готовящійся причастить св. Іеронима, написанъ съ чрезвычайною правдою, блики на парчевой его ризѣ кажутся моментно освѣщающимися; также два прислужника церкви, представленные въ

[1]) Знаменитѣйшее произведеніе Доменикино; писано въ 1614 г., въ 1797 г. увезено было французами изъ Рима въ Парижъ для Наполеоновскаго музея; въ 1817 г. возвращено папскому правительству. Въ бытность К. П. Брюллова въ Италіи его товарищъ по Академіи П. В. Басинъ писалъ съ этой картины копію, которая въ настоящее время находится въ Академіи художествъ.

ризахъ, первый въ красной съ золотомъ, а второй въ бѣлой,—различіе сихъ матерій единственно; вниманіе четырехъ прихожанъ вызываетъ душевное участіе и почтеніе къ св. Іерониму; женщина, стоящая на колѣнахъ и цѣлующая руку пустынника, заключаетъ картину. Все сіе достойно самого Рафаэля. Нѣтъ той отработки, но сіе замѣняется частью пріятною, мягкою и смѣлою кистью. Колоритъ также превосходитъ всѣ прочія, мною видѣнныя картины сего мастера, исключая «Іоанна Богослова», находящагося въ галлереѣ его высококопревосходительства А. Л. Нарышкина [1]).

3) «Положеніе во гробъ», писанное Караважемъ [2]). Рисунокъ и композиція весьма натуральны, но какъ рисунокъ, такъ и композиція лишены благородства; сей художникъ не избиралъ натуры; одинъ сей недостатокъ замѣтенъ въ сей картинѣ; все прочее: свѣтъ, колоритъ, согласіе, общій тонъ, и даже экспрессія и правильность рисунка могутъ стоять на-ряду съ первыми картинами.

4) «Мученіе св. Эразма», писанное Пусеномъ. Сей художникъ, названный художникомъ, никогда бы не рѣшился избрать столь жестокаго сюжета, если бы не былъ ему заказанъ. Главное достоинство сей картины есть противоположность характера и вѣрное выраженіе чувствъ каждаго лица; о колоритѣ нельзя ничего сказать, ибо картина сія не кончена.

5) Картина подъ названіемъ «Madonna di Foligno», писанная Рафаэлемъ Урбинскимъ. Картина сія заказана была кардиналомъ, портретъ коего представленъ въ нижней части картины [3]); по другую сторону св. Францискъ, подлѣ него Іоаннъ Креститель, въ среднемъ поставленъ ангелъ, держащій въ рукахъ дощечку, назначенную для какой-нибудь надписи; на верху поставлена Матерь Божія со Спасителемъ. Сія картина оправдываетъ мнѣніе, что одинъ Рафаэль умѣлъ истинно воображать Матерь Божію, и, какъ говорятъ, итальянцы, въ сей картинѣ Рафаэль превзошелъ самого себя.

---

[1]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ (род. 1760 г., † 1826 г.),—оберъ-камергеръ, главный директоръ театровъ; у него была богатая коллекція художественныхъ произведеній, особенно картинъ итальянскихъ мастеровъ.

[2]) Michel-Angelo Amerigi, прозванный Caravagio; оригиналъ картины его „Положеніе во гробъ“ въ 1797 г. былъ взятъ французами для Наполеоновскаго музея и возвращенъ папѣ послѣ паденія Наполеона. Въ нашей Академіи художествъ есть копія этого произведенія, писанная въ 1830 году І. Гофманомъ.

[3]) „Madonna di Foligno“ писана Рафаэлемъ по заказу перваго секретаря папы Юлія II-го Джисмондо-Конти. Въ нашей Академіи художествъ имѣется копія этой картины работы М. Т. Маркова (1821 года).

6) «Воскресеніе Христа» [1]), картина П. Перуджинія. Христосъ представленъ остановившимся на тоненькомъ облачкѣ и благословляющимъ; по обѣимъ сторонамъ по одному ангелу, внизу два бѣгущихъ воина и два спящихъ. Все сіе разставлено совершенно симметріально. Христа окружаетъ сіяніе гораздо темнѣйшее воздуха, и симъ-то сіяніемъ освѣщены по бокамъ находящіеся ангелы, бѣгущіе по параллельному тоненькому облачку. Картина имѣетъ своихъ обожателей, множество нѣмцевъ предпочитаютъ ее всему Ватикану.

Въ слѣдующемъ донесеніи буду имѣть честь сдѣлать замѣчаніе объ остальныхъ картинахъ, которыя не могутъ равняться съ первыми, но имѣютъ также свои достоинства.

Занятія мои большею частію состояли въ рисованіи со статуй и фресковъ, находящихся въ Ватиканѣ, и въ натурномъ классѣ обоего пола. Для почтеннѣйшаго Общества началъ головку, представляющую умывающуюся итальянку у фонтана. Я освѣщалъ модель на солнцѣ, предположивъ освѣщеніе сзади, такъ что лицо и грудь въ тѣни, и рефректируются отъ фонтана, освѣщеннаго солнцемъ, что дѣлаетъ всѣ тѣни гораздо пріятнѣе въ сравненіи съ простымъ освѣщеніемъ изъ окна.

Также началъ модель въ ростъ, представляющую Филоктета, не столько для сюжета, какъ для модели, прекрасно сложенной какъ вообще, такъ и каждой части въ особенности. Сдѣлалъ картонъ, представляющій Юдиѳь и Олоферна. Юдиѳь готова уже поднять мечъ для отсѣченія главы упоеннаго Олоферна, и обращается съ молитвами къ Богу. Сей моментъ мною избранъ для избѣжанія крови [отсѣченная глава Олоферна мѣшала мнѣ видѣть прелестную Юдиѳь, написанную Брондзиномъ [2]), сія картина находится въ картинной галлереѣ Паллацо-Питти]. Трудность освѣщенія заставляетъ меня оставить сей сюжетъ, хотя г. Торвальдсенъ и совѣтуетъ мнѣ освѣтить картину дневнымъ свѣтомъ, ссылаясь на картины сего сюжета древнихъ мастеровъ; однако сіе отступленіе отъ исторіи кажется мнѣ непозволительнымъ.

Сильнѣйшимъ моимъ желаніемъ всегда было произвести картину изъ россійской исторіи. Читая оную, избралъ я слѣдующій сюжетъ: Олегъ, подступивъ подъ стѣны Константинополя, принуждаетъ оный къ сдачѣ, въ знакъ побѣды онъ повѣсилъ щитъ свой на градскихъ вратахъ, послѣ чего заключенъ былъ миръ. Императоръ греческій клялся Евангеліемъ, а Олегъ съ воинствомъ клялся Волосомъ, Перуномъ и оружіемъ. Я соединилъ сіи два сюжета, представляя на первомъ планѣ заключеніе

---

[1]) Одна изъ лучшихъ картинъ Перуджино, написанная въ расцвѣтѣ его художественной дѣятельности.

[2]) Анджело Brondzino, называемый тоже Angeolo di Cossimo — флорентійскій художникъ (род. 1501, ум. 1572).

мира, на второмъ видны городскія ворота, на кои поставлены лѣстницы, и двое русскихъ прибиваютъ щитъ Олеговъ. Осмѣливаюсь просить мнѣнія на счетъ сего сюжета, въ ожиданіи чего займусь окончаніемъ начатыхъ мною работъ. Передавая себя въ дальнѣйшее покровительство почтеннѣйшему Обществу поощренія художниковъ, имѣю честь быть и пр.

(Напечатано въ «Рус. Вѣстн.» 1861, т. 35, стр. 373—376).

21.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

1823 г. Римъ.

Ваше превосходительство, Петръ Андреевичъ! Ваши и почтеннѣйшаго Общества замѣчанія принимаю съ истинною благодарностію за полезное наставленіе отъ истинныхъ доброжелателей; но осмѣливаюсь также сказать, что я былъ не совсѣмъ не правъ, сличая Рафаэля съ другими; извѣстно, что сравненіемъ опредѣляется достоинство; посему, кому правится Рафаэль, можетъ ли тому нравиться работа совсѣмъ противной школы? Скажутъ, что всякій имѣетъ свои достоинства, но за то достоинства второго такъ далеки противъ перваго, что едва-ли можно назвать ученическими. Опираясь на сіе, принимаю на время возложенныя на меня титла нескромнаго и дерзкаго, помня, что юный Сципіонъ никогда бъ не побѣдилъ опытнаго Аннибала, если бы не дерзнулъ себя сравнить съ нимъ. Простите мнѣ сіе уподобленіе—я въ Римѣ! Таскаюсь по грудамъ камней, кои точно говорятъ, по словамъ Дюпати: «умѣйте спрашивать сіи камни, они точно будутъ вамъ отвѣтствовать». Вчерашній день былъ я въ дому Рафаэля, который теперь принадлежитъ какому-то помѣщику; старыя деревья и кипарисы окружаютъ его (кто знаетъ: можетъ быть, они посажены его рукой!); предъ домомъ маленькая площадка, на коей находятся четыре пьедестала, которые были украшены любимыми его антиками, вкусъ коихъ виденъ во всѣхъ его работахъ, и здѣсь-то, можетъ быть, онъ отдыхалъ, дѣйствовалъ, восхитился вкусомъ грековъ, возстановилъ его и себя. Сидя на одномъ изъ сихъ пьедесталовъ, я непримѣтно перебиралъ въ памяти жизнь сего феномена. Вспомнилъ замѣченное вами («надѣянность на себя во всякія лѣта опасна и даже гибельна»): Рафаэль подтвердилъ сему противное—онъ учился до смерти, онъ три раза перемѣнялъ вкусъ свой, не устыдился заимствоваться Микель-Анджеломъ, будучи выше его. Имѣя въ виду всегда сего генія, никогда не осмѣливался я приблизиться къ мысли самодовольствія. Замѣчанія мои на счетъ Корреджіо суть лишь впечатлѣнія, имъ на меня сдѣланныя.

Второе замѣчаніе ваше: «то, что намъ кажется, не всегда есть ис-

[1]) См. письмо № 8.

тина». По счастію, я всегда держался сей аксіомы, ибо многое, что̀ въ прошедшемъ вѣкѣ считалось красотою, то въ нынѣшнемъ едва удостоиваютъ критики, а гдѣ бы и не воцаряться вкусу, какъ не въ XVIII вѣкѣ, между истинныхъ покровителей художествъ и всего изящнаго, между Вольтерами и Руссо! Послѣдствіе доказало совсѣмъ противное. Руководствуясь симъ, я никогда бы не дерзнулъ быть столь откровеннымъ, если бы не истинное желаніе быть исправленнымъ въ своихъ погрѣшностяхъ.

Гуляя по Триннта̀-де-Монти, въ виду великаго Петра [1]), переношусь на вашу дачу, въ мою свѣтелку, въ садъ, въ вашъ кабинетъ; вспоминая все, что̀ вспомнить должно, беру смѣлость просить васъ засвидѣтельствовать наше нижайшее почтеніе ея превосходительству М. А., М. П. и всему почтеннѣйшему семейству вашему. Ваше превосходительство, имѣю честь пребыть и пр.

(Напечатано въ «Рус. Вѣст.» 1861, т. 35, стр. 369—370).

22.

К. П. Брюлловъ—родителямъ.

1823 г. Римъ.

Здравствуйте, любезный батюшка, маменька, сестры, братья, зятья [2]) Многія лѣта вамъ! Наконецъ и я пишу къ вамъ, если это вамъ такъ хочется и если вы думаете, что только переписка можетъ доказать вамъ преданность и любовь сыновнину. На сихъ дняхъ мы получили письмо отъ Тона, въ которомъ увѣдомляетъ онъ насъ, что вы, папенька, были у него и жаловались, что дѣти васъ забыли. Вы сами помните, какъ я не любилъ съ вами спорить,—теперь нахожусь принужденнымъ, будучи правымъ, что̀ и докажу логически. Я въ Римѣ,—въ хранилищѣ всѣхъ почти драгоцѣнностей міра! Вижу Рафаэля, разсматриваю Микель-Анджело, вижу Ватиканъ. Слѣдовательно, вижу все, что̀ можетъ принесть пользу, чѣмъ немногіе могутъ пользоваться. Всѣмъ симъ обязанъ я вамъ, и чтобы забыть это, надобно быть неблагодарнымъ, а что я не неблагодарный, то докажу вамъ перепискою, продолжаться которая будетъ до нашего свиданія. А вы, маменька,—я думаю, называете меня мерзавцемъ просто; вы ошибаетесь, если такъ думаете о лѣнивомъ, но не безчувственномъ Карлѣ. Правда, Римъ начинаетъ казаться мнѣ моимъ отечествомъ, однако небольшаго труда мнѣ стоитъ разувѣриться въ этомъ:—стоитъ придти домой, какъ желаешь изъ него бѣжать потому,

[1]) Т. е. собора св. Петра.

[2]) Петръ Θедоровичъ Соколовъ (женатъ былъ на Юліи Павловнѣ Брюлловой) и Илья Андреевичъ Тёрлевъ—въ то время сенатскій чиновникъ (женатъ былъ на Маріи Павловнѣ Брюлловой).

что дьявольская скука быть въ компаніи со скукой! Дорого заплатилъ бы иногда, въ злой часъ, чтобы Павелъ и Ванька [1]) пошумѣли бы хоть немножко... Вздохнешь, да и вонъ пойдешь. Ну, выйдешь на улицу, встрѣтишь итальянку, съ которыми я объясняюсь нарѣчіемъ сердца... Отъ того только не влюбляешься, что онѣ—одна другой лучше, одна другой невѣрнѣе и одна другой лукавѣе...

Червончики—тю-тю! и не найдутся. Желаю отъ всего сердца, чтобъ у васъ тамъ не сдѣлалось тю-тю. Прощайте, пишите чаще: грамотка матушки стоитъ друга. Васъ любящій сынъ Карлъ.

23.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

8-го января 1824 г. Римъ.

Любезные батюшка и матушка! Наступившій 824-й годъ заставилъ меня бросить взоръ на протекшее въ разлукѣ время, и въ ту же минуту родилось въ душѣ смѣшанное чувство удовольствія и непріятности; первое почувствовалъ я при мысли, что однимъ годомъ ближе къ тому времени, когда опять съ вами увижусь, второе же, когда вообразилъ себѣ, что прошелъ уже годъ вояжа... Но все это замѣнилось радостью, что могу васъ поздравить съ новымъ годомъ, пожелать вамъ... но къ чему желанія свои писать вамъ? Они всегда будутъ слишкомъ невыразительны,—я увѣренъ, что вы знаете мои чувства. Книги мы получили, надѣялись найти въ нихъ письма, но тщетно... Скажите, пожалуйста, за что лишаете вы насъ сего удовольствія? Развѣ не довольно, что васъ не видимъ? А вы отнимаете и послѣднее средство къ услажденію разлуки. Можетъ быть, вы забыли адресъ? вотъ онъ: al signor Brullow, Via condatti, al Cafe grecco. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы переѣхали на другую квартиру, не могши найти правосудія противъ хозяина, который, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, долженъ быть непремѣнно воромъ; самъ министръ два раза говорилъ объ этомъ домѣ начальнику при полиціи, но тщетно: здѣсь бездѣльникъ сидитъ на бездѣльникѣ, и, можетъ быть, что еще подѣлились съ воромъ; для меня еще досаднѣе видѣть этого каналью, что онъ, какъ честный человѣкъ, пользуется этимъ, а мы не можемъ и суда найти... Но полно кровь портить, и въ ту минуту, когда я къ вамъ пишу, мы уже живемъ на Monte Kvirinale возлѣ папскаго дворца; но какъ папскій дворецъ занимаетъ много мѣста, то и выходитъ, что его окна на Monte Kavallo, а наши на Quarto fontani (я вамъ пишу всѣ подробности, потому что надѣюсь, что вы, нашедъ карту Рима, лучше

---

[1]) Младшіе братья К. П. Брюллова.

себѣ представите то прекрасное положеніе, гдѣ мы теперь живемъ). Изъ нашихъ окошекъ во всѣ стороны виды прекраснѣйшіе (домъ нашъ, или дворецъ, лучше сказать, угловой—на перекресткѣ двухъ длинныхъ прекрасныхъ улицъ): въ одну сторону видны горы Альбанскія съ разсѣянными и бѣлѣющимися по оному городками; прямо предъ нами горы Сабинскія, верхи коихъ теперь покрыты снѣгомъ—видъ очаровательный въ ясный день. Въ другой сторонѣ большая часть Рима надъ нами, такъ сказать, и владычествующій надъ онымъ куполъ св. Петра. Изъ нашего дома можно видѣть древній Римъ, гдѣ Колизей, хотя разрушенный, но прекрасный заставляетъ забывать все окружающее, чтобы смотрѣть на него. Нашъ домъ раздѣленъ отъ папскаго только одной стѣной и маленькимъ переулкомъ, посему мы можемъ видѣть очень хорошо папскій садъ, гдѣ деревья, покрытыя апельсинами и трава гораздо зеленѣе, нежели лѣтомъ, заставляютъ насъ забывать, что уже январь мѣсяцъ; но холодъ, который, какъ бы не могши найти мѣста на улицахъ, тѣснится въ дома, очень даетъ намъ чувствовать, что наступили святки.

Я почти ни одного дня не могу провести, ни одного мѣста въ Римѣ, или около онаго не могу посѣтить, чтобы не подумать: «Ахъ! есть ли бы вы, любезный батюшка, тутъ были!» Тогда вы бы почувствовали со всѣмъ огнемъ юноши всѣ прелести Италіи, ибо вы сохранили ту пылкость, которая прилична только юношѣ, хотя 68 разъ (если не ошибаюсь) вы встрѣчаете возобновляющуюся природу. Очень часто говоримъ мы о васъ, вспоминаемъ о всемъ, что вы для насъ сдѣлали, и благодарность съ новою силою рождается въ нашемъ сердцѣ; мы желали бы въ то же время быть съ вами, но должно еще три года писать къ вамъ, желать, чтобы продлилась ваша жизнь, а тамъ жить съ вами и заслуживать ту любовь, которою вы насъ до сихъ поръ такъ щедро награждали.

Остаюсь съ глубокимъ почтеніемъ вашъ покорный Александръ Брюлловъ.

24.

Ѳ. П. Брюлло А. П. и К. П. Брюлловымъ.

24-го января 1824 г. Петербургъ.

Александръ! Ты мнѣ пишешь, что мы совсѣмъ васъ забыли; напротивъ того: рѣдкій день проходитъ, чтобы одинъ или другой о васъ не говорилъ. Всѣ спрашиваютъ, гдѣ вы находитесь, въ какомъ мѣстѣ города вы обитаете и что вы дѣлаете. Мой отзывъ, что вы живете близъ Ватикана, а что вы дѣлаете—не знаю, ибо это не доходило до моихъ ушей. Вы пишете, какъ вы странствуете, а о прелестяхъ Roma ни полслова,—кажется, коротко да ясно.—Наконецъ, рѣшена

судьба Александра Тона [1]), который внѣ себя отъ радости, что будетъ находиться въ Римѣ съ любезными друзьями-пріятелями... Но я лишенъ этого счастья! [2]). Равнымъ образомъ стремится къ достиженію своей цѣли Андрей Болотовъ и быть можетъ, что скоро и онъ будетъ къ вамъ. Что же еще болѣе вамъ желать? Пріятели, товарищи-единоземцы будутъ составлять дружескій кругъ, заспорите, какъ въ моей квартирѣ, вспомните о матушкѣ Россіи... Видѣлъ произведеніе Глинки, которой въ 5 лѣтъ привезъ нѣкоторыя арабески и штучные полы изъ церкви Петра,—великое произведеніе великаго человѣка на малыя дѣла! Басина работа—«Сусанна» [3]) стоитъ въ Эрмитажѣ,—просто много учиться еще надо. Бруни много обѣщаетъ: его «Святая фамилія» имѣетъ кучу добра, опричь тѣла, итальянскимъ карандашомъ нарисованнаго. Щедрина ландшафты прелестны [4]). Кланяйся, пожалуйста, Сазонову. Что онъ дѣлаетъ, русскій итальянецъ?—Нѣсколько словъ и объ Обществѣ поощренія художествъ. На сихъ дняхъ было годовое собраніе, въ которомъ выбрали Григоровича [5]) въ члены и предложили ему стулъ, а на Варнека [6]) и Михайлова только бросили взоръ терпѣнья; они взяли шляпы и ушли: нашли себя обиженными,—очень чудно! Да и за что ихъ возвышать, сколь скоро не стоютъ, или за то, что Варнекъ носитъ слѣпки... [7]) и дорисовываетъ (которые худо слѣпились) глазки, носики, роты, то-есть всѣ части [8]). Это дѣло г. совѣтника и академика Варнека. А Михайлова, можетъ быть,—за то, что всѣ старанья его награвированья на мѣдныхъ доскахъ не годятся, не вѣрны и ихъ Общество забраковало и новыя велѣло гравировать; а занимались не одинъ годъ и деньги художникамъ были заплачены... Занятія мои теперь состоятъ: 12 образовъ въ придѣлѣ для церкви св. Екатерины и одинъ полукуполъ:

---

[1]) Александръ Андреевичъ Тонъ (род. въ 1790 г., ум. въ 1851 г.), съ 1834 г. профессоръ архитектуры въ Академіи художествъ.

[2]) См. вступительную замѣтку.

[3]) «Сусанна, застигнутая старцами», картина работы П. В. Басина, написанная въ Италіи въ 1820-хъ годахъ; въ настоящее время находится въ музеѣ императора Александра III.

[4]) См. объ упомянутыхъ работахъ этихъ художниковъ въ «Журн. изящн. искусствъ» 1824, т. V, стр. 420—430.

[5]) Василій Ивановичъ Григоровичъ (род. въ 1786 г., ум. въ 1865 г.),—конференцъ-секретарь Академіи художествъ; читалъ въ Акад. художествъ исторію искусства.

[6]) Александръ Григорьевичъ Варнекъ (1782 † 1843),—художникъ-портретистъ, профессоръ Академіи художествъ. Въ 1824 году былъ совѣтникомъ Академіи, преподавателемъ миніатюрной живописи и занималъ должность хранителя рисунковъ и эстамповъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

[7]) Не разобрано слово.

[8]) Скульптурой А. Г. Варнекъ занимался мало.

«Взятіе на небо Божіей Матери», который надо писать на мѣстѣ; «Архангелы—Михаилъ и Гавріилъ»—на южныя двери въ церкви Александровской мануфактуры; то же на двери для церкви кронштадтской больницы, и еще на мѣстѣ писать въ этой же церкви 4 евангелиста, тоже на стеклѣ. Еще я писалъ молодой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ [1]) въ ея комнаты на плафонъ фигуры въ $1^1/_2$ аршина: Олимпъ боговъ, художества, науки, Музы; Зефиръ и Флора; Бахусъ и Аріадна; Виги [2]), Скотти [3]) и я писали. Если Богъ дастъ получить иконостасъ для церкви въ Патріотическое общество, то, кажется мнѣ, моего прилежанія довольно; слѣдовательно, вы себѣ можете сами вообразить родъ моей жизни, или какъ время провожу. Еще не забудьте, что г-да профессора ко мнѣ заходятъ нерѣдко и всякій желаетъ щегольнуть передъ другими, чтобы показать себя, что и онъ знаетъ; прошу на всѣхъ угодить! Итакъ, все пишется не какъ-нибудь, и все съ натуры и съ манкена... Прощайте, любезнѣйшіе мои друзья; при прочтеніи сего письма вспомните о нашемъ братѣ Ѳедорѣ.

25.

И. А. Кикинъ—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

14-го февраля 1824 г. С.-Петербургъ.

Поспѣшая воспользоваться отправленіемъ курьера, посылаю вамъ, любезные Брюлловы, деньги—двѣсти червонныхъ, нарочно золотомъ, дабы вы не столько потеряли на переводныхъ векселяхъ, о чемъ дайте знать, что именно для васъ выгоднѣе. Не имѣю времени распространяться на сей разъ бесѣдою съ вами, скажу токмо, что вы повидимому не хорошо уразумѣли данное вамъ отъ Общества наставленіе. Мы не думали васъ излишне затруднять, требуя каждые два мѣсяца ученыхъ вашихъ замѣчаній по части художествъ. Они полезны, конечно, и для васъ и любопытны намъ, дабы имѣть понятіе, какъ видите вы вещи, но сіе не налагаетъ обязанности на васъ присылать таковыя замѣчанія всякій разъ, а можете сіе дѣлать раза два въ годъ. Что же касается до извѣщенія о васъ собственно и того, что вы дѣлаете, то какъ по

---

[1]) Великая княгиня Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Марія, принцесса Виртембергская),—съ 1823 года супруга в. кн. Михаила Павловича, (род. въ 1806 г., ум. въ 1873 г.).

[2]) Антонъ Карловичъ Виги (род. въ 1864, ум. въ 1844 г.),—академикъ историч. живописи.

[3]) Въ царствованіе императора Александра I было нѣсколько художниковъ декоративной живописи съ фамиліей Скотти, здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть Дементія Петровича Скотти—спеціально занимавшагося комнатной живописью.

праву, а еще болѣе по участію въ васъ, кажется, не лишнее и не обременительно. Хорошо, если бъ вы оба желали болѣе, нежели мы вамъ, и такъ дѣйствовали! Что касается до Общества, то можете обстоятельно удостовѣриться, что оно не ослабѣваетъ, изъ прилагаемаго при семъ отчета, который, полагаю, будетъ для васъ любопытенъ. Повѣрьте, что отъ васъ единственно зависитъ сдѣлать эпоху, и (что) найдете къ тому времени и людей, готовыхъ отдать вамъ справедливость. Трудовъ вашихъ Общество ожидать будетъ нетерпѣливо, а между тѣмъ необходимо бы Карлу сдѣлать, хотя со временемъ, копію изъ первѣйшаго мастера какой-либо картины, которой избраніе зависитъ отъ расположенія духа его. Прощайте! Доброжелательный и усердный вамъ Петръ Кикинъ.

26.

А. П. Брюлловъ родителямъ.

2-го марта 1824 г. Римъ.

Любезнѣйшіе батюшка и матушка! Извините, что я никогда не пишу вамъ порознь; причина этого та, что я ничего не могу сказать такого одному (изъ васъ), что бы я вмѣстѣ не желалъ сказать другому; поэтому я надѣюсь, что вы съ меня сего не взыщете. Я начинаю сіе письмо въ самую торжественную минуту въ Римѣ, а многимъ, можетъ быть, вмѣстѣ и печальную. Кто только вспомнитъ, что сегодня послѣдній день карнавала или привиллегіи быть умнымъ людямъ повѣсами, а дуракамъ... объ нихъ ни слова!.. Если русскихъ почесть надобно охотниками гулять, то римлянъ надобно причислить во время карнавала къ классу сумасшедшихъ; многіе изъ нихъ цѣлый годъ откладываютъ на сторону все, что только могутъ удѣлить отъ необходимаго расхода, только для того, чтобы можно было слѣдующій карнавалъ повеселиться; а кто не имѣетъ этого разсчета, тотъ при наступившемъ карнавалѣ закладываетъ свои вещи, чтобы достать денегъ; а кто ничего не имѣетъ заложить, тотъ беретъ въ долгъ; а кому не даютъ, такъ тотъ воруетъ. Посему вы видите, что всѣ, даже до послѣдняго нищаго, веселятся; а гдѣ всѣ веселятся, что тамъ должно быть?! Но этого еще мало: здѣсь одинъ хочетъ превзойти другаго какою-нибудь остротою или глупостью или чѣмъ бы то ни было, но отличиться въ толпѣ всего бѣснующагося римскаго народа. Теперь представьте себѣ то, и вы получите, можетъ быть, идею о состояніи духа римлянъ въ послѣдніе восемь дней карнавала. Но чтобы облегчить затрудненіе, какое вы, можетъ быть, найдете, (если захотите поинтересоваться), то я вамъ какъ можно короче постараюсь оный представить. Карнавалъ по-настоящему здѣсь начинается прямо послѣ Рождества; но празднуется въ полномъ своемъ блескѣ только

послѣдніе 11 дней, исключая двухъ воскресеній и одной пятницы назначенныхъ для поста и моленія. 19-го февраля былъ первый день здѣшней масляницы; всякій, кто этого не зналъ, долженъ былъ бы узнать, что долженъ быть какой-нибудь чрезвычайный праздникъ, хотя начало этого только открылось въ 2 часа по полудни, когда черезъ капитолинскій колоколъ и барабанный бой дано было знать всѣмъ, что время настало уже дурачиться. Я, чтобы ничего не пропустить, выхожу также изъ дому и не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилъ арлекина, который преслѣдовалъ мужика и заставлялъ смѣяться всякаго, и выглядывать изъ оконъ всѣхъ, кои не оставили своихъ домовъ. Оставивъ его, я пошелъ на Corso—самую большую и главную улицу посреди Рима, на которой обыкновенно сбирается весь народъ. Едва вступилъ на Corso, какъ открылось мнѣ опять совершенно новое зрѣлище. Со всѣхъ сторонъ летѣли, или, лучше сказать, дождили конфетами (натурально, годными только для киданья); это главное веселье въ карнавалѣ. Въ другой разъ кончу, теперь второй часъ и уже время быть на Corso, тѣмъ болѣе, что послѣдній день. Прощайте.

4-го марта. Сажусь опять, чтобы кончить вамъ мое письмо, но уже въ посту, не могши кончить оное въ послѣдній день карнавала по причинѣ самой простой: мнѣ надо было провести и кончить карнавалъ, какъ доброму христіанину, слѣдовательно, мнѣ было уже не до писанья. Итакъ, я возвращаюсь опять на Corso, чтобы гулять, если не имѣя знакомства или имѣя очень мало знакомства, чтобы принимать участіе въ ихъ дурачествахъ. Во всѣхъ домахъ изъ оконъ вывѣшиваютъ по всей улицѣ ковры, по большей части, красныя, парчевыя или какія-нибудь ткани; всѣ окна полны зрителями. Улица же, надобно вамъ упомянуть, не шире нашей Гороховой, а мѣстами и уже; возлѣ домовъ выстроены возвышенія для зрителей въ два и три ряда, которыя по большей части всегда и всѣ заняты замаскированными людьми и почти все женщинами, которыя имѣютъ въ этомъ случаѣ полное право всѣхъ безпокоить, кого онѣ пожелаютъ. Онѣ очень часто узнаютъ какія-нибудь подробности относительно того, надъ кѣмъ онѣ хотятъ шутить, встрѣчаютъ его, говорятъ ему о томъ, онъ же, полагая, что она изъ числа его знакомыхъ, (или болѣе), старается её узнать, преслѣдуетъ; и въ подобныхъ пустяшныхъ интригахъ проводятъ, можетъ быть, цѣлый карнавалъ. За то это одно только время и есть, что римскія скромницы имѣютъ случай веселиться свободно въ такомъ многолюдномъ обществѣ. Тотъ классъ молодыхъ людей, который не посвящаетъ себя, чтобы все время карнавала вертѣться въ кругѣ замаскированныхъ дѣвицъ, выбираетъ себѣ удовольствіе смѣшить и безпокоить всѣхъ; очень многіе одѣваются пулчинеллами (неаполитанская характерическая маска) и говоря на

своемъ нарѣчіи, стараются всѣхъ осмѣять, и очень можно часто слышать такія остроты, которыя достойны бы были занять лучшіе листы въ многочисленныхъ анекдотахъ; другіе надѣваются контами (Conti) или графами: обыкновенный, старинный, богатый фракъ съ большимъ напудреннымъ и завитымъ парикомъ, при шпагѣ, съ лорнетомъ (часто огромнымъ); проходя сквозь тѣсноту, они обыкновенно требуютъ мѣста, говоря только: «piazza, il Conte!» Тѣсноту ту же вы можете себѣ еще живѣе представить, вообразивъ себѣ въ этой узкой улицѣ въ два ряда кареты, которыя (двигаются) безпрерывно одна за другой, а остальное мѣсто все занято пѣшеходами, не просто переходящими съ мѣста на мѣсто, но всякій занятъ чѣмъ-нибудь новымъ: иной бѣжитъ, а другой, напримѣръ, пулчинелло, остановясь, соберетъ около себя кучу слушателей, а кто осмѣлится его обезпокоить, тотъ подвергается его насмѣшкѣ; въ другомъ мѣстѣ сберутся трое или четверо докторовъ передъ окнами какихъ-нибудь красавицъ и, давая совѣты или читая самые оригинальные по своимъ названіямъ рецепты на всѣ роды душевныхъ болѣзней, заставляютъ смѣяться всѣхъ, а иногда и отходить отъ окна той, которой даютъ совѣты. Тутъ вы увидите Геркулеса въ видѣ чванной кокетки, тамъ миленькую Гебу въ образѣ самаго вѣтреннаго петиметра; пройдете нѣсколько шаговъ—встрѣтите вдругъ импровизатора или мужика-поэта, говорящаго экспромптомъ стихи нараспѣвъ, и очень хорошо иногда. Часто вы увидите мужика, надѣвшаго на голову старую изорванную треугольную шляпу и, вставивъ, вмѣсто султана, кочанъ салату, а вмѣсто пряжекъ у башмаковъ и штановъ, равномѣрно тоже по кочну, сельдерей—вмѣсто печатки у часовъ, а вмѣсто маски замараетъ свое лицо красною, зеленою, синею и черною краскою; и изувѣчивъ себя подобнымъ образомъ, остается въ теченіе нѣсколькихъ дней не перемѣняя своего костюма, при томъ болтаетъ, бѣгаетъ, пляшетъ безпрерывно, такъ, что, смотря на него, нельзя не подумать, чтобы онъ не былъ благополучнѣйшій человѣкъ на землѣ. Другіе же, разодѣвшись въ крестьянскіе или какіе другіе красивые костюмы, сидятъ въ каретахъ и только смѣясь, укрываются отъ конфектной пальбы, и иные въ числѣ 3 или 6, а иногда и болѣе, нанявъ коляску, нарядившись и запасшись хорошимъ количествомъ конфектъ, проѣзжая, не щадя засыпаютъ ими встрѣчающихся. Стоитъ также упомянуть о самыхъ простыхъ мальчишкахъ:—многіе изъ Galanterie кидаются хорошими конфектами, которыя часто летятъ мимо, вмѣсто чтобы въ карету или коляску. Тѣ вышеупомянутые (birbacioni или Strassenjungen) стараются наперерывъ ихъ ловить и нерѣдко ихъ видно подъ каретами подъ колесами, и только удивительно, что почти никогда не случается никакихъ несчастій....

Прошатавшись по Corso до четырехъ часовъ, вдругъ услышалъ я пу-

шечные выстрѣлы, а черезъ полчаса другіе и черезъ двѣ минуты не было ни одной кареты на всемъ Корсо; всякій старался сыскать хорошее мѣсто; я побѣжалъ на площадь къ Porto popolo, гдѣ начинается Corso, занялъ тамъ хорошее мѣсто, заплативъ 1 павелъ, что составляетъ на наши деньги полтину. Конница и солдаты очистили всю улицу, и мнѣ сказали, что черезъ полчаса начнется бѣгъ лошадей; наконецъ данъ знакъ, являются 13 лошадей, ведомыя каждая четырьмя или шестью человѣками, которые при всемъ томъ не въ состояніи бываютъ ихъ иногда удерживать; эти лошади называются barberi (я думаю отъ слова дикій). Лошади были украшены всѣ фольгою и перьями; конюхи въ красныхъ колпакахъ—картина прекрасная! Наконецъ данъ знакъ трубнымъ звукомъ, канатъ, натянутый передъ лошадями, спустился и лошади, промчавшись, исчезли; народъ весь разошелся по домамъ и тѣмъ кончился первый день. Но я забылъ, что карнавалъ открываетъ сенаторъ! да! Онъ имѣетъ право проѣхать посреди двухъ рядовъ каретъ (этимъ правомъ пользуются также и посланники); передъ нимъ везли преміи для лошадей отличившихся; оныя состоятъ въ различныхъ кускахъ матеріи, привязанныхъ къ палкамъ на-подобіе знаменъ; при семъ находились еще денежныя награды. Я пошелъ пообѣдать и, выходя отъ стола съ другими знакомыми, остановился на улицѣ, разговаривая о вещахъ постороннихъ, вдругъ слышимъ: «piazza al Conte! piazza!» и ворвался въ нашъ кругъ наряженный графъ; одинъ изъ нашей компаніи у него спросилъ, сколько у его сіятельства слугъ; а онъ отвѣтилъ fo il stesso io mio servitore (т. е. я самъ себѣ служу); его спросили—на сколько времени онъ графъ—fin a domani sono un pezzo di Conte (до завтрашняго дня),—отвѣчаетъ онъ. Che sara domani? (что будетъ завтра),—спросилъ я его.—«Domani? diovedi» (завтра—четвергъ). Ma no, che sara la sua eccelenza domani (нѣтъ, что будетъ ваше сіятельство завтра?). Jl suo eccelentissimo servitore (всѣмъ лучшій слуга). Мы посмѣялись его остротѣ и разошлись. Подобныхъ разговоровъ можно встрѣтить на каждыхъ двухъ шагахъ. Точно въ томъ порядкѣ прошли и слѣдующіе дни съ тою только разницею, что толпа дурачущихся увеличилась, маски сдѣлались многочисленнѣе и послѣ окончанія маскарада на улицахъ начинался оный въ театрѣ, ни мало не отличающійся отъ нашихъ, а напротивъ уступающій еще очень блеску нашихъ, особливо во вкусѣ нарядовъ. Наконецъ, наступилъ послѣдній день карнавала вмѣстѣ съ дурною погодою, которая однако не могла отнять бодрости у римлянъ кончить оный обыкновенным порядкомъ очень весело. Послѣ бѣга лошадей, чѣмъ обыкновенно заключался каждый день, вдругъ показались какъ въ окнахъ, такъ и на улицѣ огни, называемые здѣсь мокколи (moccoli) и состоящіе въ тоненькихъ восковыхъ свѣчахъ. Каждый старается у другаго погасить, а многіе

кричатъ еще къ тому «amazzato che non porta i moccoli!..» Amazzato у римлянъ есть родъ ругательства, происходящее отъ слова amazzare—убивать, то можно это, я думаю, перевести такъ: «убить того, у кого нѣтъ мокколей!». Я, слѣдуя примѣру другихъ, беру также нѣсколько свѣчъ, зажигаю, натурально,—у меня тушатъ, я зажигаю снова, становлюсь на одномъ изъ возвышеній, сдѣланныхъ возлѣ домовъ; возлѣ меня находилась одна иностранная дама, у нея вдругъ погасили свѣчу, я предлагаю ей мои услуги и подаю ей мои свѣчи, чтобы зажечь; вдругъ изъ толпы какъ будто бы рука какого-нибудь невидимаго вырываетъ мои свѣчи, и дама остается безъ огня. Впрочемъ, вырвать изъ рукъ свѣчу не есть неблагопристойность; тамъ всякій имѣетъ право вырвать, если ему удается, и никто не имѣетъ права сердиться, если онъ оплошаетъ. Довольно, я остался безъ свѣчей, а чтобы отомстить за себя, я пошелъ шататься въ тѣснотѣ и началъ въ свою очередь также гасить, только, натурально, у хорошенькихъ дамъ и дѣвушекъ, а не такъ, какъ тотъ дуракъ—вздумалъ погасить у меня! Этотъ свѣчной праздникъ продолжался около двухъ часовъ; наконецъ, начали понемногу уменьшаться огни, я поклонился Corso и бѣснующейся толпѣ и пошелъ обѣдать, проголодавшись очень хорошо; остальную часть вечера провелъ въ маскарадѣ, возвратился домой и тѣмъ кончилъ карнавалъ.

Addio! addio!.. a rivederci [1]).

27.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

11 часовъ вечера 16-го марта 1824 г. Римъ.

Любезные родители! Я сейчасъ только возвратился отъ его сіятельства князя (Григорія Ивановича) Гагарина съ пробы (репетиціи), гдѣ черезъ нѣсколько дней будетъ представлена у него на домашнемъ театрѣ маленькая пьеса, и въ которомъ я занимаю роль суфлера. Какъ уже кажется ни поздно, но не могъ удержать себя, чтобы не написать нѣсколько строкъ объ ужасномъ происшествіи, случившемся здѣсь за нѣсколько часовъ. Одинъ богатый путешествующій съ своею дочерью англичанинъ пріѣхалъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ почти всѣ вояжеры, въ Римъ на зиму, чтобы повеселиться на здѣшнемъ карнавалѣ и встрѣтить здѣшнюю весну. Сегодня вечеромъ онъ, его дочь (прекрасна, какъ ангелъ, прошу васъ, вообразите себѣ!) съ нѣкоторыми изъ своихъ пріятелей поѣхали верхами прогуляться внѣ Рима по берегу рѣки Тибра. Дорога была довольно узкая, они ѣхали втроемъ; лошадь подъ прекрасной англичан-

[1]) Прощайте! прощайте! До свиданья!

кой оступилась задней ногой; она, желая удержаться, въ испугѣ потянула узду, черезъ что́ заставила лошадь подняться и, наконецъ, опрокинутыя и скрылись въ глазахъ отца и дочь и лошадь въ быстромъ Тибрѣ, который теперь еще порывистѣе отъ излишества воды; но лошадь сейчасъ опять показалась, однако, безъ всадницы. Отчаянный отецъ, не умѣвъ плавать, бросается въ воду и, конечно, тоже бы погибъ, есть ли бы одинъ изъ слугъ не кинулся вплавь и не вытащилъ бы его... Она была единственная дочь одного, можетъ быть, изъ богатѣйшихъ людей въ Англіи. Кому бы онъ теперь не позавидовалъ въ участи? Мудрость и вѣра, мнѣ кажется, слабы, чтобъ дать силу отцу перенесть сіе несчастіе. Мнѣ удавалось ее (дѣвушку) очень часто встрѣчать на балѣ, она отличалась, какъ самая милая изъ нимфъ, на гуляньи—какъ самая скромная изъ милыхъ, на лошади,—какъ самая гордая изъ амазонокъ. И вчерашній день, прогуливаясь вечеромъ съ однимъ изъ моихъ пріятелей, видѣли ее два раза мимо насъ проскакавшую и ни разу не могли пропустить, чтобы не остановить ее и не сообщить взаимно наши удивленія и удовольствіе видѣть столь прекрасное существо. Я не могу безъ участія и какого-то стѣсненія въ груди себѣ представить, что та, которая, можетъ быть, оживляла цѣлыя общества, теперь несома мутною водой Тибра, Богъ знаетъ, гдѣ и куда! При этой мысли мнѣ невольно пришли въ голову сіи три строки:

Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ!? [1]).

Если я вамъ въ письмѣ отъ четвертаго марта описалъ только одни удовольствія и веселья карнавала или римской масленицы, то пусть будетъ это письмо (письмомъ) извѣстій ужасовъ. На другой день карнавала нашли здѣсь выброшенную изъ Тибра замаскированную дѣвушку съ нѣсколькими кинжальными ударами—причинъ никто не знаетъ! (Ну, въ Римѣ!) Прошлаго лѣта два брата-англичане, ѣхавшіе осмотрѣть Италію и находившись однажды въ Тиволи, спустились къ гроту Нептуна. Одинъ изъ нихъ полѣзъ по одной скалѣ, покрытой, такъ сказать, вѣчнымъ мхомъ и сыростью, вдругъ поскользнулся и упалъ въ маленькое озерко, или, лучше сказать, лужу, однако весьма глубокую, которую сдѣлала вода посреди скалы съ помощію времени; и, не умѣвши плавать, утонулъ. Братъ его, обѣщавъ значительную награду тому, кто достанетъ его трупъ, оставилъ черезъ нѣсколько дней Римъ, какъ ненавистное для него мѣстопребываніе.

Прощайте, уже прошла полночь, и я не могу окончить письма инымъ, кромѣ (воспоминанія) о прекрасной англичанкѣ, въ бѣдствіи которой,

---

[1]) Изъ оды Державина: „На смерть князя Мещерскаго".

конечно, всѣ ее видѣвшіе принимаютъ участіе. Бумаги еще осталось, и, можетъ быть, завтра буду въ состояніи что-нибудь написать. Спокойной ночи желаю вамъ!

17-го марта.

На сихъ дняхъ мы пошлемъ къ вамъ въ Петербургъ, т. е. въ Общество одну картину брата и мой рисунокъ, то желательно было бы, чтобы прежде, нежели они будутъ выставлены въ Обществѣ, придѣлать имъ рамки, а моему рисунку и стекло. Въ будущемъ письмѣ, которое мы приложимъ къ пакету въ Общество, на сей недѣлѣ мы перешлемъ мѣрку и будемъ писать его превосходительству П. А. Кикину. А вы, любезный батюшка, сдѣлаете намъ удовольствіе,—о семъ подумаете, чѣмъ крайне обяжете васъ нѣжно любящихъ сыновей.

Вашъ покорный сынъ Александръ Брюлловъ.

28.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

2-го апрѣля 1824 года.

Ваше превосходительство, пользуясь вашимъ расположеніемъ, осмѣливаюсь поручить въ ваше покровительство дитя мое [1]), которое жестокій долгъ почтенія къ Обществу могъ только вырвать изъ моихъ объятій. Не показывайте ея безъ рамы, я уже просилъ батюшку похлопотать о семъ. Прошу, умоляю васъ, Петръ Андреевичъ, замолвить словечко о задачѣ сюжета, хотя изъ Петра. Священнѣйшимъ долгомъ поставлю передать потомству какое-нибудь дѣло великое, содѣянное праотцами нашими. Кавалеръ Камуччини [2]) утверждаетъ даже, что долгъ всякаго художника есть избирать сюжеты изъ отечественной исторіи. Вы уже знаете мою нерѣшительность въ избираніи сюжетовъ, а только остается быть въ Римѣ два года. Время начать производить по силамъ!

---

[1]) Картина „Умывающаяся итальянка или Итальянское утро".
(Прим. В. В. Стасова).

[2]) Виченцо Камуччини (Camuccini—род. въ 1773 г., ум въ 1844 г.); въ началѣ нынѣшняго столѣтія пользовался славой лучшаго римскаго художника. Онъ хорошо относился къ русскимъ молодымъ художникамъ, пріѣзжавшимъ для усовершенствованія въ Римъ, и подъ его руководствомъ занималось не мало и пенсіонеровъ нашей Академіи художествъ (см. характеристику его, сдѣланную С. И. Гальбергомъ въ его заграничныхъ письмахъ и запискахъ, напечатанную въ приложеніи къ „Вѣстнику изящныхъ искусствъ" за 1884 г., тр. 56 и др.). Между прочимъ Камуччини былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ нашей Академіи художествъ.

Позвольте принести чувствительную благодарность за то удовольствіе, которое чувствуемъ съ полученія вашего письма, которое доказало намъ совершенно принимаемое вами въ насъ участіе. Желая и впредь заслужить оное, имѣю честь быть и пр.

(Напечатано въ «Русск. Вѣстн.» 1861 г., т. 35, стр. 376—377).

29.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

8-го мая 1824 г. Неаполь.

Любезные родители! Италія съ каждымъ днемъ становится лучше. Я только на три дня ѣзды удалился отъ Рима, и природа уже гораздо прелестнѣе. Но я вамъ не объяснилъ, какимъ образомъ я одинъ безъ брата предпринялъ это путешествіе. Полковникъ Львовъ, котораго вы, я думаю, знаете, встрѣтился съ нами, когда мы ѣхали въ Римъ, во Флоренціи, гдѣ мы съ нимъ еще короче познакомились и провели весьма весело нѣсколько дней нашего тамъ пребыванія; онъ отправился въ Парижъ, обѣщаясь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратиться въ Италію, чтобы сдѣлать вояжъ по Сициліи, и предложилъ мнѣ съ нимъ ѣхать. Я съ радостью согласился, тѣмъ болѣе, что былъ увѣренъ, знавъ любезность и любопытство его ко всему относительно художествъ, сдѣлать сей вояжъ съ пользою, а вмѣстѣ провести время пріятно. Итакъ за три передъ симъ недѣли онъ возвратился, и 23-го апрѣля я былъ уже въ Неаполѣ, а послѣ завтра ѣду въ Сицилію. Мѣста на кораблѣ уже взяты, только осталось желать хорошаго вѣтра, и я еще гораздо далѣе буду отъ васъ. Я не хочу вамъ описывать дорогу: скажу только, что я ее провелъ очень весело; на всякомъ мѣстѣ я встрѣчалъ прекрасные пейзажи; погода была прекрасная. Неаполь такъ прекрасенъ, что, ежели бы я захотѣлъ вамъ описать, то долженъ бы былъ послать цѣлую книгу. Покуда я пишу эти строки, мнѣ аккомпанируетъ сильный громъ и настоящій петербургскій дождь, скрывшій совершенно прекрасный видъ изъ моихъ окошекъ. Кстати о видѣ. Пріѣхавъ въ Неаполь, наняли мы квартиру на берегу залива, слѣдовательно моря; противъ нашихъ оконъ Везувій, налѣво городъ, а направо открытое море и острова и безпрерывный шумъ, живость и веселье на улицахъ,—вотъ мѣсто нашего обиталища. Проведши первые дни въ осматриваніи города и любопытнаго тамъ находящагося, и, удовлетворивъ нѣкоторымъ образомъ свое любопытство, мы однимъ утромъ отправились внѣ города, чтобы увидать окрестности онаго. Первое наше желаніе было видѣть Помпею и Везувій; проѣхавъ Портичи, Резину, Торре ди Греко, Торре ди Анунціата, наконецъ увидѣли мы какое-то пространное возвышеніе, покрытое не-

давно насажденною рощею, и намъ сказали, что это Помпея. Мы приближались, и намъ открылась откопанная часть сего несчастнаго города. Мы взошли; у входа сидѣли сторожа-проводники; одинъ изъ нихъ предложилъ намъ свои услуги и сказалъ, что это мѣсто былъ малый форумъ или мѣсто, гдѣ сбирался народъ для торга и другихъ публичныхъ дѣлъ. Въ это время я позабылъ васъ, и видъ сихъ развалинъ невольно заставилъ меня перенестись въ то время, когда эти стѣны были еще обитаемы, когда этотъ форумъ, на которомъ мы стояли одни, и гдѣ тишина была только прерываема какою-нибудь ящерицею, былъ наполненъ народомъ, который, можетъ быть, съ заботливостью хлопоталъ, чтобы пріобрѣсть еще что-нибудь и тѣмъ увеличить свое имущество, не думая объ опасности, имъ угрожающей, которая ихъ лишила всего ихняго богатства, многихъ самаго драгоцѣннаго—друзей, родственниковъ, другихъ—и жизни. Нельзя пройти сіи развалины, не почувствовавъ въ себѣ какого-то совершенно новаго чувства, заставляющаго все забыть, кромѣ ужаснаго происшествія съ симъ городомъ. Пробѣжавъ пустыя улицы, вступилъ я на главный форумъ, окруженный съ двухъ сторонъ колоннами, увидѣлъ по правую сторону храмъ Юпитера, налѣво трибуналъ, напротивъ базилику, возлѣ храмъ Венеры, противъ онаго—Пантеонъ. Представьте себѣ это, и вы можете понять то чувство, которое мною овладѣло при семъ зрѣлищѣ. Верхи зданій всѣ обрушились, низы же со всѣми вещами, коихъ тлѣніе пощадило, совершенно сохранены. Жертвенники, на коихъ уже 1800 лѣтъ кровь не лилась, стоятъ на своихъ мѣстахъ неприкосновенны. Можетъ быть, жрецъ, распростертый передъ жертвенникомъ Зевса и просившій помощи, и самъ Зевсъ въ одно время поражены были перуномъ Везувія. И послѣ сей ужасной революціи стихій въ семъ городѣ вездѣ царствуетъ спокойствіе и тишина. Сюда пускай приходятъ разсуждать о тщетѣ!! Въ семъ городѣ еще находятся два театра, свидѣтели ихъ великолѣпія. Наконецъ, я вышелъ на большую дорогу внѣ города, гдѣ хоронили всѣхъ значительныхъ и отличившихся особъ (Strada dei Sepolcri); надгробные памятники на сей дорогѣ лучше всего сохранились изъ остатковъ сего города, точно какъ бы время, почтя сіи памятники, воздвигнутые добродѣтели, сохранило ихъ для позднѣйшаго потомства, какъ свидѣтели ихъ дѣяній. Утомленные прогулкой и различіемъ предметовъ, мы возвратились водою домой, пѣвъ дорогой русскія пѣсни (вотъ жертва любезному отечеству въ Италіи!). Другой день назначенъ былъ Везувію. Какъ вздумано, такъ сдѣлано. Пообѣдавъ въ полдень, мы отправились на шлюбкѣ благопріятствуемые хорошимъ вѣтромъ въ Портичи; наша компанія состояла изъ 6 человѣкъ, одинъ любезнѣе и веселѣе другаго; именно же были: г. полковникъ Л. Н. Львовъ, г. Перовскій, адъютантъ великаго

князя Николая Павловича [1]), г. Цейгеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ Петербурга, я и баронъ Шиллингъ [2]) (все русскіе). Прибывъ въ Портичи и взявъословъ, пустились вверхъ къ Везувію. Дорога съ каждымъ шагомъ становилась все поразительнѣе; съ одной стороны необозримый и прекрасный видъ, съ другой стороны сады, хорошо обработанные, еще нѣсколько шаговъ—и взору открывалась ужасная пустота застывшихъ волнъ огненнаго потока лавы. Наконецъ, мы достигли хижины, построенной на нѣкоторомъ возвышеніи и, можно сказать, на половинѣ дороги. Отдохнувъ нѣсколько, мы отправились далѣе; я первый слѣзъ съ осла и началъ всходить на крутизну; прошедши нѣкоторое разстояніе, я началъ удивляться, какъ могли называть сей путь труднымъ, и думалъ, что никакихъ препятствій уже не будетъ; но съ каждымъ шагомъ встрѣчалъ новыя препятствія, такъ что, наконецъ, почти не могъ уже впередъ подаваться, утопая въ пескѣ и золѣ и катясь назадъ; но съ большимъ усиліемъ достигли вершины; солнце уже клонилось къ западу, вся природа начинала покоиться, только въ кратерѣ раздавался глухой шумъ отъ падающихъ каменьевъ, которыхъ мы почти не могли разсмотрѣть въ дальнемъ разстояніи, ибо окружность кратера имѣетъ 3 италъянскихъ мили или 5 верстъ. Солнце зашло; мы согласились ночевать на кратерѣ, послали проводниковъ принести намъ ужинъ; черезъ нѣсколько часовъ они возвратились съ корзиною съѣстныхъ припасовъ и нѣсколькихъ бутылокъ хорошаго вина; другіе принесли дрова, мы развели огонь, зажгли факелы; на западѣ показались облака, и мы рѣшились сойти внизъ, не могши ожидать яснаго утра. Довольно весело сошли въ полночь и ночевали у Эремита. Маленькій дымъ курился изъ кратера; ночью мы замѣтили маленькіе огни, однако никакихъ слѣдствій не было. Въ Неаполѣ многіе думали, увидавши огонь на Везувіи, что это было маленькое изверженіе... Апельсины и лимоны я самъ уже съ деревьевъ рвалъ; устрицъ также самыхъ свѣжихъ ѣлъ. Скоро буду писать изъ Сициліи къ Петру Андреевичу (Кикину) и къ вамъ. Прощайте. Александръ Брюлловъ.

Я было и позабылъ написать о картинѣ брата и рисункѣ Пантеона, сдѣланномъ мною. Мы, хотя и хотѣли оныя отправить черезъ Тор-

---

[1]) Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій—род. въ 1795 г., въ 1818 году былъ назначенъ директоромъ канцеляріи генералъ-инспектора инженеровъ, то-есть великаго князя Николая Павловича; въ 1822 г. заболѣлъ и отправился лѣчиться, былъ въ Италіи, гдѣ проживалъ до конца 1824 г., ум. въ 1857 г. (См. о немъ въ „Рус. Арх." 1878 г., т. I, стр. 374 и сл.).

[2]) Баронъ Павелъ Львовичъ Шиллингъ (1785, ум. 1837 г.),—основатель восточнаго музея, учредитель первой литографіи и электрическаго телеграфа въ Россіи. Въ 1824 году состоялъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

лонія [1]), однако, по совѣту князя Гагарина, мы послали оныя черезъ Десантиса, и уже отправлены. Братъ напишетъ вамъ о мѣрахъ каждаго изъ оныхъ, а васъ прошу похлопотать, чтобы они были представлены Обществу въ рамкахъ, а къ моему рисунку вставлено стекло. Прощайте. Я завтра ѣду въ Сицилію и прямо въ Палерму. Не знаю, каково будетъ для меня путешествіе водой, дай Богъ, чтобъ счастливо и пріятно и полезно. Что будетъ Сицилія, когда уже Неаполь такъ прекрасенъ! Ахъ, есть ли бы вы тоже могли видѣть эту прекрасную природу. Но когда возвращусь, тогда я вамъ все подробнѣе опишу. Прощайте еще разъ. Желаю вамъ счастія. Кланяйтесь всѣмъ. Александръ Брюлловъ.

30.

К. П. Брюлловъ—родителямъ.

14-го мая 1824 г. Римъ.

Мы здѣсь съ братомъ только двое и то люди занятые! А васъ тамъ едва пересчитаешь, и никто ни строчки не напишетъ. Васъ маменька, не упрекаю, а прочимъ всѣмъ дѣлаю пренедовольную рожу;—скажите это всѣмъ.

Если они думаютъ, что въ разлукѣ и безъ писемъ довольно весело,—не мудрено, находясь между друзьями, родственниками и всѣми любезными сердцу, а Маріи и Юліи [2]) скажу—между дѣтьми. Но намъ вдалекѣ отъ родины, отъ друзей, отъ всего, что дѣлало насъ счастливыми въ продолженіе 23 лѣтъ,—каково намъ, вы, можетъ быть, послѣ сего письма и будете умѣть вообразить себѣ.

Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него!

(Ноты, пускай, Марія напишетъ).

Хотя здѣсь вмѣсто соснъ растутъ лавры и вмѣсто хмѣля—виноградъ—все мило, прелестно!—но безъ словъ, молчатъ и даже кажется все вокругъ умирающимъ для того, кто думаетъ о родинѣ. Безчувственные родственники! Братья! Сестры! Скверные варвары! Вспомните, что мы живемъ не для однихъ себя! Но басто браниться! Боюсь, чтобы, желая обратить васъ на путь истины, самому не содѣлаться посмѣшищемъ въ глазахъ тѣхъ, коихъ, ей-Богу! люблю.—Братъ Александръ уже три недѣли въ Неаполѣ и прислалъ мнѣ письмо для пересылки

[1]) Торлоніо—банкиръ, одинъ изъ крупныхъ тогдашнихъ италіянскихъ капиталистовъ. (См. о немъ любопытн. замѣчанія въ упомянутыхъ выше письмахъ С. И. Гальберга).

[2]) Сестры художниковъ. (См. о нихъ прим. къ письму № 22).

къ вамъ съ моимъ письмомъ. Я думаю, братъ писалъ уже вамъ о пересылкѣ нашихъ работъ для Общества поощренія художествъ. Посему обращаюсь къ вамъ, маменька, держась принятому мнѣнію, что матушки любятъ больше сынковъ, а батюшки — дочерей. Почему прошу васъ, маменька, въ смѣломъ увѣреніи, что не откажете въ просьбѣ и заставите папеньку сдѣлать рамы на наши работы.

Папенька! и вы, навѣрное, не захотите видѣть работы наши въ невыгодномъ положеніи,—вы сами знаете, какъ много значитъ рама для картины: то же, что корсетъ для дѣвушки. При семъ прилагаю мѣры картинъ: моя картина вышины—$14^1/_4$ вершковъ, широты—12 вершковъ; рисунокъ Александра имѣетъ мѣру въ длину 1 аршинъ $^3/_4$ вершка, а въ ширину—14 вершковъ. Еще прошу поторопиться, ибо недѣли черезъ двѣ или три корабль долженъ быть въ Питерѣ. Если же потонетъ, то не бойтесь, что рамы останутся безъ картинъ; другія намалюемъ и въ эту же величину (не теперь только). Маменька! вы напоминаете мнѣ о данномъ мною обѣщаніи сдѣлать описаніе Рима: въ слѣдующемъ письмѣ начну, а нынче скажу только, что въ семъ самомъ Римѣ, гдѣ каждый камень напоминаетъ о чемъ-нибудь великомъ, славномъ, напоминающемъ перевороты судебъ тирановъ-счастливцевъ, паденіе добродѣтели и возвышеніе оной, словомъ,—Римъ, поклонявшійся 700 лѣтъ идоламъ, потомъ — вѣра христіанская истребляетъ перун(ов)ъ,—все сіе заставляетъ разсуждать... и душа истинно возвышается. Когда проходилъ лагерь и стѣну Аннибала, на которую я влѣзалъ по камнямъ и свалился, порядочной щелчокъ увѣрилъ меня, что я не принадлежу къ войску Аннибала, а истинно вашъ покорный и вѣчно любящій сынъ вашъ Карлъ Брюлловъ.

31.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

17-го іюня 1824 года.

Любезные родители! Здравствуйте! Я сейчасъ сошелъ къ корабля и спѣшу васъ увѣдомить о моемъ прибытіи и путешествіи по Сициліи. 12-го мая въ $7^1/_2$ часовъ сѣли мы на корабль. Погода была прекрасная, но только не для путешествія, ибо почти совсѣмъ не было вѣтру. Подняли якорь, и мы кое-какъ потащились на буксирѣ. Скоро взошла полная луна, и Неаполь съ зажженными огнями на берегу и у рыбаковъ представился намъ въ новомъ видѣ и съ новыми прелестями. Общество пассажировъ было прекрасное и довольно многочисленно, на всѣхъ лицахъ была начертана радость; въ одномъ мѣстѣ нѣсколько человѣкъ собрались вмѣстѣ и забавлялись веселымъ разговоромъ и шут-

ками, другіе сидѣли въ молчаніи, но на лицахъ ихъ можно было читать, что они мысленно носились въ минутахъ прошедшаго счастія или неслись на встрѣчу своимъ надеждамъ. Всѣ, кажется, были счастливы; если же они не были таковыми, то, по крайней мѣрѣ, они мнѣ таковыми показались, потому что я, можетъ быть, въ сію минуту слишкомъ счастливъ. Я долженъ былъ нѣсколько разъ удаляться, чтобы вникнуть нѣсколько въ себя и понять сіе непостижимое чувство удовольствія, которое я ощущалъ въ сію минуту, но не могъ истолковать себѣ; ничто, кажется, меня не ожидало чрезвычайное, или это одна природа могла произвести столь неоцѣненное чувство. Куда я ни смотрѣлъ, вездѣ встрѣчалъ что-нибудь прелестное: по одну сторону мрачный, молчащій Везувій и впереди—открытое море съ своими островами, крутыя скалы коихъ казались намъ при ходѣ корабля какъ бы движущимися тѣнями древностей; въ дальнемъ разстояніи играли передъ нами огромные дельфины. Все же это было украшено луною, которая хотя тихо, но очень выразительно говоритъ душѣ всякаго чувствующаго. Въ эту минуту мысль о васъ возвысила мое благополучіе, а въ то же время я внутренно благодарилъ Петра Андреевича (Кикина), какъ причину всего удовольствія и счастья, которое я вкушалъ. Этотъ вечеръ останется для меня незабвеннымъ, я записалъ его въ карманной книжкѣ при свѣтѣ луны. Остальное время вечера провели очень весело, вмѣстѣ ужинали и около полуночи легли спать. На другой день проснувшись рано по утру, встрѣтилъ я вмѣсто вчерашняго благополучія стоны страждущихъ отъ морской болѣзни, но я провелъ этотъ день, благодаря Бога, еще довольно благополучно, но на второй день нашего плаванія подулъ противный вѣтеръ, и я, если не могу сказать, что страдалъ, но по крайней мѣрѣ уже не могъ употреблять пищи; ночью была чрезвычайная качка отъ разволновавшагося моря, однако я спалъ довольно хорошо. По утру около 9 часовъ подулъ попутный вѣтеръ, а къ полудню сильнѣе, такъ что въ три часа по полудни увидѣли мы Палерму, а въ 4 часа сошли съ корабля. Это было 15-го мая. Но прежде, нежели я васъ заставлю слѣдовать за мною по Сициліи, надобно васъ ввести вмѣстѣ со мною въ портъ Палермы и обратить ваше вниманіе на прекрасныя, во всемъ смыслѣ слова, окрестности. Не доѣзжая до Сициліи за нѣсколько миль, но въ такомъ разстояніи, что мы начали различать предметы, прежде всего представилась намъ гора, называемая Monte pelegrino, вѣроятно потому, что она отдѣлилась совершенно отъ прочихъ горъ, изъ коихъ составленъ весь островъ. Смотря съ этой стороны на Сицилію, видишь на вершинѣ сей горы воздвигнутую статуя св. Розаліи, покровительницы Палермы; а не доходя вершины, на полуденной сторонѣ сей горы выстроенъ монастырь сей святой, и въ пещерѣ, гдѣ обитала сія блаженная, находится гробъ и вы-

строена церковь чрезвычайно живописная. Вы нѣкогда увидите у меня срисованное сіе мѣстечко. Я бы переслалъ вамъ какой-нибудь рисуночекъ вмѣстѣ съ симъ письмомъ, но невозможно—слишкомъ спѣшу и не имѣю времени; но за то обѣщаюсь съ слѣдующимъ письмомъ непремѣнно что-нибудь прислать изъ вояжа въ Сицилію. Однако я удалился отъ входа въ Палерму. По лѣвую сторону видны были нѣсколько рядовъ горъ одни за другими, а при подошвѣ первыхъ мѣстечко, гдѣ всѣ сициліанцы имѣютъ свои загородные дома. Объѣхавъ восточную часть Monte peligrino, открылась намъ Палерма (Пожалуйста, почувствуйте то же, что въ эту минуту чувствовалъ я, когда увидѣлъ столицу Сициліи, и вы будете очень счастливы, по крайней мѣрѣ, для сей минуты). Наконецъ мы вышли на берегъ безъ всякихъ затрудненій со стороны dogan'ы (таможни) или чего-либо сему подобнаго; надобно присовокупить къ чести Сициліи, что совершенно спокойно можно путешествовать по всему острову, не опасаясь быть задержану ни разбойниками, ни полиціею. Остановившись по обыкновенію въ трактирѣ, мы спѣшили осмотрѣть городъ. Главная красота его состоитъ (по моему мнѣнію) въ хорошо устроенномъ гуляньи на берегу моря, что, конечно, надобно приписать самому мѣстоположенію, которое, можетъ быть, единственно по своей красотѣ. Море, горы и прекрасная природа подъ сициліянскимъ небомъ; а впрочемъ, во всемъ видно древнее богатство и настоящая бѣдность; все въ запущеніи—кромѣ природы—а городъ... этого мало что жители не могутъ содержать его хорошо, но еще землетрясеніе, случившееся за нѣсколько лѣтъ, его такъ изуродовало, что онъ теперь весь на костыляхъ или на подпоркахъ; но, впрочемъ, довольно многолюдный. На другой день ѣздилъ съ г. Львовымъ по окрестностямъ. Какъ я сожалѣлъ, любезный батюшка, что вы здѣсь не были. Алое по улицамъ растутъ цѣлыми аллеями, а олеандры цѣлыми рощами, да какіе! Проживъ такимъ образомъ три дня въ Палермѣ, мы поѣхали далѣе блуждать въ сей блаженной странѣ и, покуда я завязываю чемоданъ, вы можете отдохнуть; въ слѣдующій разъ болѣе напишу. Прощайте. Кланяйтесь всѣмъ любезнымъ и упрекайте, что не пишутъ. Вашъ покорный Александръ Брюлловъ.

32.

А. П. Брюлловъ—отцу.

29-го іюня, 1824 г., день св. Петра и Павла, Сорепто.

Любезный батюшка! Никогда, можетъ быть, я не начиналъ письма съ такимъ удовольствіемъ, какъ сегодня, бывъ увѣренъ, что вы здоровы, веселы и что я могу васъ поздравить съ днемъ вашего ангела и пожелать все

то, что можетъ пожелать благодарный сынъ своему отцу, попеченіямъ коего онъ всѣмъ обязанъ и добродѣтели коего заставляютъ въ немъ любить нѣжнаго отца и почитать добродѣтельнаго человѣка. Сколько мы счастливы, что ваше здоровье даетъ намъ твердую надежду видѣть васъ еще многіе годы между нами, и, если бы порядокъ природы могъ хотя нѣсколько нарушиться сообразно желаніямъ вашихъ дѣтей, вы увидѣли бы насъ согбенныхъ старостію и наконецъ отдающихъ послѣдній долгъ природѣ, а сами бы жили, обладая здоровьемъ и тѣмъ духомъ юности, который вы до сихъ поръ сохранили. Эти строки я пишу въ пещерѣ на крутой скалѣ на морскомъ берегу, верстахъ въ 15 отъ Неаполя, куда я пріѣхалъ провести нѣсколько дней у полковника и адъютанта его величества Николая Павловича [1]), который живетъ въ Сорентѣ, чтобы брать морскія ванны; вся эта сторона прекрасна, и даже самый народъ лучше. Домъ его (В. А. Перовскаго) стоитъ въ мѣстѣ довольно уединенномъ, гдѣ часто кромѣ хозяина дома никого не видимъ; но при всемъ томъ проводимъ время весьма весело. Сегодня я началъ мой портретъ въ костюмѣ, въ которомъ я былъ въ Сициліи, который вамъ доставитъ г-нъ Львовъ, намѣревающійся возвратиться къ августу мѣсяцу въ Петербургъ. Вчера былъ я на островѣ Капри въ 18 миляхъ отъ Неаполя; я не почувствовалъ того чувства почтенія на развалинахъ дворца Тиверія (сей римскій тиранъ имѣлъ на семъ островѣ нѣсколько дворцовъ), которое обыкновенно рождается въ сердцѣ, когда видишь остатки зданій великаго человѣка великаго народа. Я подошелъ къ краю той скалы, откуда сей деспотъ низвергалъ всѣхъ неумѣвшихъ угодить ему, или смерть коихъ, можетъ быть, ему служила только забавою (я не говорю уже о преступникахъ), и чувство негодованія заступило мѣсто всякаго другаго чувства. Я удалился отъ сего ужаснаго мѣста, желая заняться чѣмъ-нибудь возбуждающимъ удовольствіе, а не печаль. Сошедъ съ горы, мы поднялись на другую, на вершинѣ коей стоятъ остатки крѣпости со временъ Фридерика Барбароссы. На развалинахъ (дворца) Тиверія, я, хотя не чувствовалъ удовольствія, однако, что-то такое мнѣ говорило: это остатки великаго народа; а на развалинахъ Фридерика Барбароссы я ничего не чувствовалъ; это были остатки невѣжества, варварства и междоусобныхъ войнъ. Народъ на семъ островѣ гораздо развязнѣе и здоровѣе и честнѣе. Третьяго дня былъ я въ Пестумѣ, древнемъ городѣ, отъ коего остались только городскія стѣны и три храма. Я не хочу вамъ описывать, что я почувствовалъ, увидѣвъ три великолѣпныя и развалившіяся зданія, заросшія кругомъ колючею травою, и въ недальнемъ разстояніи нѣсколько разсѣянныхъ домовъ, далѣе обработанныя поля и Апеннинскія горы.

[1]) В. А. Перовскаго (о немъ см. примѣч. къ письму № 29).

Мы взошли на дворъ одного помѣщика, увидѣли въ одномъ мѣстѣ двора народъ; мы подходимъ и видимъ дѣвушку, лежащую на землѣ и стонущую; спрашиваемъ,—намъ отвѣчаютъ, что ее укусилъ тарантулъ; послѣ узнаемъ, что въ семъ мѣстѣ водятся тысячами тарантулы и что у нихъ это самый обыкновенный случай и что они обыкновенно отъ сего лѣчатся музыкою: кто-нибудь изъ крестьянъ обыкновенно начинаетъ играть на гитарѣ, а укушенный пляшетъ, покуда упадетъ отъ усталости и такимъ образомъ черезъ нѣсколько дней излѣчивается.

Этотъ разъ я вамъ ничего не сказалъ о Сициліи, но за то въ будущемъ письмѣ постараюсь замѣтить. Прощайте. Кланяйтесь всѣмъ знакомымъ, да просите, чтобы П. Ѳ. Соколовъ, братъ и Теряевъ почаще писали; про сестрицъ уже не говорю. Черезъ мѣсяцъ надѣюсь возвратиться въ Римъ. Въ ожиданіи отъ васъ отвѣта, честь имѣю пребыть съ истинною признательностью вашъ покорный сынъ Александръ Брюлловъ.

33.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

1824 года.

Почтеннѣйшему Обществу. Въ семъ мѣсяцѣ, съ первымъ кораблемъ, работа моя пересылается въ Петербургъ черезъ банкира Торлонія, на имя его превосходительства П. А. Кикина.

Окончивши сію работу, занимаюсь въ Ватиканѣ, ожидая рѣшенія Общества насчетъ сюжета, означеннаго въ прошедшемъ донесеніи. Чрезъ его превосходительство П. А. Кикина увѣдомленъ я о желаніи Общества занять меня копіей, предоставляя на мой выборъ избраніе оригинала; долгомъ поставляю выполнить желаніе Общества и назначаю оригиналъ: «Madonna di Foligno». При семъ прилагаю общее мнѣніе здѣшнихъ художниковъ: въ Римѣ надо предпринять трудное, стараться оное выполнить, соображаться съ римскими рѣдкостями и пользоваться совѣтами и сужденіями несчетнаго числа художниковъ, между коими большая часть прислана въ Римъ за отличныя достоинства. Мнѣніе сіе нахожу довольно справедливымъ, ибо, будучи окруженъ отовсюду изящнѣйшимъ, какъ въ Римѣ, стыдишься произвести что-нибудь обыкновенное; почему всякій художникъ, желая усовершенствовать свою работу, строго разбираетъ мастерскія произведенія, отыскиваетъ причины достоинствъ ихъ, соображаясь съ натурой, старается приблизиться къ образцамъ, и пользуясь мнѣніями художниковъ, можетъ получить болѣе пользы, произведя одну строгую картину, нежели нѣсколько копій, за коими должно столько же времени, а можетъ быть и болѣе потерять; я

позволилъ сіе себѣ сказать, будучи увѣренъ, что Общество приметъ сіе не иначе, какъ за должную справедливость.

Впрочемъ, предавая себя въ дальнѣйшее покровительство Общества поощренія художниковъ, имѣю честь быть и пр.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 377).

34.

Общество поощренія художниковъ К. П. Брюллову.

1824 г.

Одобряя въ полной мѣрѣ выборъ вашъ картины «Madonna di Foligno» для копированія, Общество увѣрено, что вы приложите все ваше стараніе къ соблюденію въ копіи всѣхъ красотъ превосходнаго оригинала. Хотя замѣчанія ваши, основанныя на общемъ мнѣніи художниковъ римскихъ, касательно занятія копіями, справедливы, и въ Римѣ, конечно, съ большею пользой можно употреблять время на произведенія оригинальныя, но Общество, сдѣлавъ вамъ предложеніе заняться одною изъ копій, руководствовалось слѣдующими причинами: во-первыхъ, по неимѣнію въ Россіи классическихъ произведеній первѣйшихъ мастеровъ италіанской школы, вы, какъ художникъ съ дарованіями, доставивъ превосходную копію, оказать можете весьма важную услугу. Вы убѣдитесь въ семъ, вспомнивъ копіи Угрюмова[1]) и Волкова[2]), находящіяся въ Академіи художествъ. Во-вторыхъ, вы избраны для сего потому именно, что Общество знаетъ ваши способности и ожидаетъ, что вы произведете копію отлично хорошо. Въ-третьихъ, Общество предложило вамъ произвести не нѣсколько копій, но одну, а потому у васъ еще времени довольно для произведеній оригинальныхъ. И, наконецъ, въ-четвертыхъ, Общество не требуетъ у васъ исполненія предложенія его настоятельно. Вы знаете собственную вашу пользу, знаете, чего отъ васъ надѣются, слѣдовательно, имѣете полную волю идти путями, кои надежнѣе приведутъ васъ къ усовершенствованію въ художествѣ.

Обществу весьма пріятно было замѣтить, что вы пользуетесь вниманіемъ такихъ знаменитыхъ художниковъ, каковы: г. кавалеръ Камуч-

---

[1]) Григорій Ивановичъ Угрюмовъ (род. въ 1764 г., ум. въ 1823 г.),—историческій живописецъ и портретистъ. Въ Академіи художествъ находятся двѣ его копіи: „Похищеніе Европы", съ картины П. Веронезе и „Бесѣда святыхъ Антонія Египетскаго и Павла Фивейскаго", съ картины Гв. Рени.

[2]) Алексѣй Ильичъ Волковъ (род. въ 1762 г., ум. въ 1820-хъ годахъ),—художникъ, работавшій въ области исторической, церковной и портретной живописи. Въ Академіи художествъ находится его копія съ картины Гвидо Рени: „Архангелъ Гавріилъ".

чини и г. Торвальдсенъ. Продолжайте снискивать ихъ расположеніе, просите у нихъ совѣтовъ, наставленій и готовьтесь, въ свою очередь, быть полезными другимъ.

Образъ жизни вашей и занятій въ Римѣ, на счетъ коихъ Общество имѣетъ самыя вѣрныя извѣстія отъ особъ почтенныхъ, также приноситъ оному удовольствіе. Общество радуется выбору своему и увѣрено, что вы и братъ вашъ, о которомъ равно отзываются съ отличною похвалою, будете отличными художниками и отличными людьми.

Насчетъ задачи вамъ для оригинальной картины предмета изъ отечественной исторіи, Общество находится въ большомъ затрудненіи, не въ выборѣ однакожъ, ибо россійская исторія богата великими подвигами, но въ доставленіи вамъ способовъ къ исполненію картины со всею строгостью, какая потребуется въ изображеніяхъ историческихъ. Вы знаете, что въ подобныхъ случаяхъ, особенно если происшествіе заимствуется изъ ближайшихъ временъ, художникъ обязанъ соблюсти съ точностью все то, что можетъ изображать характеръ времени и мѣсто дѣйствія. Избравъ предметъ изъ исторіи Петра Великаго, вамъ должно бы доставить портреты всѣхъ лицъ, входящихъ въ картину, точное свѣдѣніе о костюмахъ и даже о томъ мѣстѣ, гдѣ происходило дѣйствіе, словомъ, поставить васъ въ возможность перенестись во времена Петровы и быть зрителемъ его дѣянія, безъ чего ни вы и никто изъ художниковъ не можете произвести картины, удовлетворяющей людей просвѣщенныхъ, ищущихъ въ оной и искусство и историческихъ познаній. Всякія историческія происшествія другаго европейскаго народа, кромѣ русскаго, могутъ быть производимы въ Римѣ, ибо древности сихъ народовъ собраны, гравированы и, сверхъ того, извѣстны ученымъ, находящимся въ Римѣ; но о Россіи немногіе имѣютъ свѣдѣнія точныя и въ самой Россіи, а тѣмъ менѣе въ чужихъ краяхъ, слѣдовательно, вамъ должно отложить ваше намѣреніе до возвращенія въ отечество. Здѣсь, руководимые совѣтами, и имѣя способы соображать сіи совѣты съ собственными вашими изысканіями, вы будете въ силахъ произвести вещь болѣе совершенную въ отношеніяхъ вышеизложенныхъ. Общество же поставитъ себѣ въ обязанность содѣйствовать вамъ по возможности и съ своей стороны удовлетворенію весьма похвальнаго намѣренія вашего. Впрочемъ, чтобы не оставить насъ вовсе безъ разрѣшенія на вопросъ о предметѣ для картины, Общество предлагаетъ вамъ изобразить Патроновъ государя и государынь, то-есть Св. Александра Невскаго, праведную Елисавету и Марію Магдалину, предстательствующихъ у Пресвятой Дѣвы о покровительствѣ ихъ соименникамъ. Эта картина можетъ быть въ родѣ Мадонны Сикста, находящейся въ Дрезденѣ со слѣдующею разницей: верхъ картины можетъ занимать Пресвятая Дѣва, сидящая на облакахъ (безъ Предвѣчнаго

Младенца), окруженная небесными силами; почти въ серединѣ поименованные святые: по правую сторону Божіей Матери—Св. Александръ Невскій и Елисавета, а по другую — Марія; а низъ—для объясненія предмета, или группа ангеловъ, поддерживающихъ императорскую корону, или видъ императорскаго дворца. На сей случай посылается вамъ чертежъ онаго, равно какъ рисунки императорской короны и костюма Александра Невскаго. Общество желаетъ видѣть въ произведеніи вашемъ искусство исполненія въ высшей, сколько возможно, степени, и для того назначаетъ для васъ предметъ, который можетъ быть богатъ по сочиненію, разнообразенъ по характерамъ лицъ и, наконецъ, представляетъ удобство къ изображенію красоты идеальной, которая въ историческихъ несвященныхъ изображеніяхъ менѣе можетъ требоваться. Но и въ семъ случаѣ Общество не желаетъ васъ связывать. Ежели вы почему-либо предлагаемый вамъ предметъ найдете несогласнымъ съ требованіями вашего воображенія, то изберите другой изъ священной исторіи. Вы можете написать, напримѣръ, картину изъ текста: «таковыхъ бо есть царство небесное», то-есть, когда Спаситель благословляетъ приведенныхъ къ нему дѣтей. Лица: Іисуса Христа, апостоловъ, матерей, дѣтей и прочихъ присутствующихъ также представляютъ богатый и никѣмъ еще изъ отличныхъ художниковъ не исполненный предметъ. Если же и сего не пожелаете, то напишите: Божію Матерь, Младенца Іисуса и Іоанна Крестителя, Іосифа и Елисавету съ ангелами. Во всякомъ случаѣ, Общество требуетъ, чтобы фигуры были въ натуральный ростъ, и чтобы въ произведеніи вашемъ соединено было сколь возможно больше частей, составляющихъ достоинство живописныхъ твореній. Сообщите о семъ отзывѣ Общества кавалеру Камуччини и просите его быть вашимъ руководителемъ и что съ его совѣта предпримете доведите до свѣдѣнія Общества. Картина, вами отправленная, ожидается съ нетерпѣніемъ. Будущія работы ваши также доставляйте по мѣрѣ окончанія оныхъ и вѣрьте, что Общество никогда не перестанетъ вамъ покровительствовать, ибо не сомнѣвается, что вы будете всегда того достойны

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 377—380).

35.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

28-го іюня 1824 г. Римъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца братъ мой отправился въ Неаполь и Сицилію на три мѣсяца; я предполагалъ употребить сіе время на продолженіе моихъ занятій въ Римѣ, но долженъ былъ перемѣнить

порядокъ оныхъ, по случившемуся въ музеѣ Парижа: одна изъ лучшихъ картинъ Рубенса облита и совершенно испорчена купоросным масломъ. Сіе учинено художникомъ по неизвѣстнымъ причинамъ, почему картинныя галлереи въ Парижѣ, во Флоренціи и въ Римѣ были заперты на два мѣсяца, май и іюнь; въ сіе время я занялся слѣдующими эскизами: первый представляетъ братьевъ Іосифа, принесшихъ платье брата своего къ Іакову; второй—приходъ Герминіи къ пастухамъ изъ поэмы Торквато Тассо; третій—вакханальскій группъ: старый фаунъ выжимаетъ виноградъ, сидя подъ густымъ дубомъ, нависшимъ черезъ ручей, молодой фаунъ, по колѣна въ водѣ, держитъ въ рукахъ молодую вакханку, которая старается достать виноградную кисть, висящую въ срединѣ дуба; маленькій сатиръ, стоя также въ водѣ, держитъ корзинку, для принятія винограда, а другой—обмываетъ виноградъ. Всѣ сіи фигуры написалъ съ натуры. Потомъ началъ картину, представляющую Надежду, питающую Любовь; въ скоромъ времени надѣюсь оную кончить; также былъ занятъ портретами съ семейства его сіятельства князя (Григорія Ивановича) Гагарина и его сіятельства графа Бутурлина [1]), съ г. полковника Львова, съ г. архитектора Кленца [2]), съ г. архитектора Мейера [3]) и съ г. скульптора Вагнера [4]).

Г. полковникъ Львовъ заказалъ мнѣ двѣ картины: сюжетъ первой представляетъ приходъ Герминіи къ пастухамъ; второй—бесѣду Нумы Помпилія съ нимфой Эгеріей. Назначенную копію могу начать не прежде трехъ мѣсяцевъ, ибо художники, копирующіе съ выбраннаго мною оригинала, не прежде сего срока надѣются кончить свои работы. Познакомясь съ нѣмецкимъ художникомъ г. Овербекомъ [5]), занимаю-

---

[1]) Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ,—въ то время сенаторъ; съ 1822 г. въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ Римѣ, въ его домѣ хорошо были принимаемы наши молодые художники, проживавшіе въ вѣчномъ городѣ, между ними — и братья Брюлловы. (См. „Русскій Архивъ" 1897 г., кн. 4 стр. 638).

[2]) См. прим. къ письму № 7.

[3]) Христіанъ Филипповичъ Мейеръ (1789 † 1848),—съ 1831 г. преподаватель, затѣмъ профессоръ архитектуры въ нашей Академіи художествъ.

[4]) Theodor von Wagner (1800 † 1888), — нѣмецкій скульпторъ, ученикъ Торвальдсена. (Нѣкоторыя его работы есть въ нашемъ Эрмитажѣ).

[5]) Фридрихъ-Іоаннъ Овербекъ—знаменитый нѣмецкій живописецъ (род. въ 1789 г., ум. въ 1869 г.)—одинъ изъ представителей кружка художниковъ, получившихъ прозвище „Назареевъ". Въ виллѣ маркиза Массими (о которой говорится въ этомъ письмѣ) онъ расписывалъ стѣны и потолокъ одной изъ комнатъ иллюстраціями сценъ „Освобожденнаго Іерусалима" Торквато Тассо. По окончаніи работъ въ этой виллѣ онъ предался исключительно церковной живописи. (Между прочимъ, К. П. Брюлловъ написалъ разъ карикатуру на произведенія его и его послѣдователей).

щимся расписываніемъ по извести въ виллѣ Массими, я намѣренъ сдѣлать опытъ въ семъ родѣ, пользуясь его совѣтами.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 380—381).

36.

П. А. Кикинъ—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

5-го августа 1824 г. С.-Петербургъ.

Здравствуйте, любезные друзья!

Готовился было я, кой о чемъ, пространнѣе съ вами побесѣдовать, но по домашнимъ обстоятельствамъ не могу, не имѣя ни времени, ни расположенія духа. Бабушка моя [1]) при концѣ жизни, и уже часами считаемъ оную, а потому скажу вамъ токмо, что картина Карла и рисунокъ Александра ожидаются съ нетерпѣніемъ нами. Первый замѣчается лѣнивымъ на перѣ, а послѣдній большое заслуживаетъ спасибо. Читаемъ его (письма) въ собраніи комитета съ особеннымъ удовольствіемъ, и всѣ похвалы я потребовалъ напечатать въ журналѣ, что имѣетъ быть и исполнено. Художникъ, чтобъ быть истинно таковымъ, долженъ украшать себя свѣдѣніями и умѣть передать ихъ другимъ. Пользуйтесь временемъ: пріобрѣтайте, запасайтесь капиталомъ на цѣлую жизнь; но не подражайте многимъ, хотя и знаменитымъ по достоинствамъ своимъ людямъ, но блуждавшимъ разсудкомъ и сдѣлавшимся нелюдимыми.

Странность отнюдь не есть необходима таланту, и особенно въ изящныхъ искусствахъ нужно изящество въ обращеніи съ людьми. Благодаря Бога, нынѣшніе отъ васъ выходцы обѣщаютъ лучшее. (В. А.) Глинка со мною коротко познакомился, и ему сего попрекнуть нельзя. (М. Г.) Крылова также нѣсколько разъ видѣлъ; но не могу еще судить о немъ. Прощайте, посылаю при семъ 250 червонцевъ, въ полученіи коихъ прошу удостоить увѣдомленіемъ. Бумаги также отъ Общества если ничего другаго не свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, должны удостовѣрить васъ, что вами занимаются и о васъ пекутся.

Любящій васъ Петръ Кикинъ.

37.

К. П. Брюлловъ—Ѳ. П. Брюлло.

Получено августа 18-го 1824 г.

Любезный братъ Ѳедоръ! Признавая себя виноватымъ въ моемъ долгомъ молчаніи, не нахожу за нужное извиняться, да и виноватымъ

[1]) Марія Саввишна Перекусихина,—любимая камеръ-фрау Екатерины II. Она скончалась 8-то августа 1824 г.

считать себя почти не могу; ибо знаю очень, что всякій пунктъ описанія вояжа сколько принесъ бы тебѣ удовольствія, столько и неудовольствія потому, что ты вояжа самъ этого достоинъ, но судьба, случай и клопъ Меценатъ умѣли помѣшать тебѣ. Все прошло; прошло время, въ которомъ сѣмена тщеславія даютъ прекрасные плоды. Но не одна дорога ведетъ людей къ счастью,—ты умѣлъ доказать сіе. Связавъ себя—такъ называется бракъ между людьми подобными прежнимъ твоимъ товарищемъ, какъ-то А. Фор. и проч.,—ты умѣлъ доказать, что на время можно и своротить съ прямой дороги для осмотрѣнія пріятныхъ пейзажевъ, откуда мы видимъ часто то, что никогда бъ не видали, идя все прямо! Кончимъ философствовать—дадимъ мысленно другъ другу руку! Я поздравляю тебя съ неоцѣненнымъ счастьемъ или доброю прекрасною женой и съ милою моей племянницею, а ты меня поздравь съ двумя протекшими годами, то-есть и спокойствіемъ душевнымъ.

При полученіи или при прочтеніи сихъ строкъ, обѣщай мнѣ поцѣловать Луизиньку [1]) и скажи ей, что истинное почтенье, вкорененное въ сердцѣ чувствительнаго художника, не истребится никогда!

Поздравь Астафія Лаврентьевича съ царскою милостью. Если ему оное приноситъ удовольствіе, то, безъ сомнѣнія, не менѣе и искренно его почитающимъ. Ты пишешь и требуешь, чтобъ я описалъ тебѣ Ватиканъ. Ахъ! Ѳедоръ, это надо видѣть, а не описывать. То, чѣмъ мы восхищаемся въ гипсѣ, то въ мраморѣ поражаетъ! Сквознота мрамора дѣлаетъ все нѣжнымъ, и Лаокоонъ въ гипсѣ кажется почти безъ кожи въ сравненіи съ оригиналомъ; Аполлонъ не кажется уже каменнымъ и слишкомъ отошедшимъ отъ натуры,—нѣтъ, онъ кажется лучшимъ человѣкомъ! Чувства, раждаемыя сими произведеніями, столь тонки, какъ чувства осязанія, доходящія къ разсудку. Слѣдовательно, не безполезно ли было бы описывать то, чего описать никто не въ состояніи; если кто и имѣетъ даръ изъяснить свои мысли, можетъ ли поручиться, что всѣ съ нимъ одинаковыхъ мнѣній и всѣ могутъ его понимать такъ, какъ онъ себя?—Любезный Ѳедоръ! я не хочу тебя лишить, по крайней мѣрѣ, того, что могу передать изъ Рима! Первое, что я пріобрѣлъ въ вояжѣ, есть то, что я увѣрился въ ненужности манера. Манеръ есть кокетка или—почти то же; дѣлая соображенія изъ всего видѣннаго во всѣхъ галлереяхъ, на дорогѣ встрѣчавшихся, вижу, что метода, употребляемая древними мастерами, не безъ причинъ. Осмѣливаюсь доказывать слѣдующимъ: если скажутъ, что они писали черно, я скажу—картина имѣетъ свой главный предметъ, какого бы она содержанія ни была, слѣдовательно, не должно ли пожертвовать ненужнымъ нужному? для сего Рембрандтъ, Вандикъ, Рубенсъ, Жорданъ и

[1]) Супруга Ѳ. П. Брюлло.

всѣ лучшіе художники, какъ портретные, такъ и историческіе, жертвовали послѣднимъ первому и чрезъ что обращаютъ по-неволѣ взоръ зрителя на главный предметъ. Скажутъ, что можно составить чистѣйшіе тоны, и ярчайшіе для лица или главнаго предмета, но будутъ ли они такъ натуральны, какъ видалъ у Вандика, Рембрандта и прочихъ сихъ мастеровъ... Ѳедоръ! давай спорить,—пиши отвѣтъ на счетъ сего пункта, вслѣдствіе чего я соберу новыя соображенія. Прощай, напиши также, не кажется ли тебѣ и послѣдняя моя картина черною и приложи при семъ мнѣніе зрителей вообще. Остаюсь тебя истинно любящій братъ Карлъ Брюлловъ.

(Напечатано въ «Русск. Старинѣ» 1888 г., т. 58, стр. 585—586).

38.

А. П. Брюлловъ—матери.

27-го августа 1824 г. Соренто.

Любезная матушка! Вотъ еще нѣсколько строчекъ къ давно написанному письму, но я не могъ его до сихъ поръ отослать, ибо ни разу въ теченіе сего мѣсяца не былъ въ Неаполѣ; но завтра ѣду туда съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться въ Соренто. Я не могу вамъ сказать, какъ прискорбно оставить такое прекрасное мѣсто навсегда. Эти два мѣсяца, которые я прожилъ здѣсь, показались для меня менѣе двухъ недѣль; здѣсь все прекрасно; здѣсь самая буря, гроза становится ужаснѣе, прекраснѣе. Въ теченіе двухъ сутокъ 24-го и 25-го августа здѣсь громъ не умолкалъ, но при всемъ томъ мы вечеромъ сидѣли на террасѣ подъ открытымъ небомъ и ужинали, огонекъ свѣчи не шевелился, а величественный видъ моря и Везувія ежеминутно снова представлялись глазамъ нашимъ, будучи безпрерывно освѣщаемы молніемъ. Эта гроза была предшествуема нѣсколькими недѣлями чрезвычайнаго жара; но впрочемъ, я никакой отъ сихъ жаровъ непріятности не чувствовалъ. Мнѣ кажется, я вамъ не сказалъ, съ кѣмъ я ѣду въ Сицилію: съ полковникомъ (В. А.) Перовскимъ; онъ—человѣкъ прекрасный, прямой, любитъ тихую жизнь и художества. Итакъ, вы можете себѣ представить, какъ весело съ нимъ живу и съ какою пользою могу сдѣлать сей вояжъ въ Сицилію. Онъ взялъ у меня рисунокъ Потсдамской картинной галлереи (который я сдѣлалъ проѣзжая Пруссію) и послалъ оный великому князю [1]). Больше я вамъ ничего не нахожу писать, хотя, кажется, и многое кое о чемъ было бы, но это все такое, что для васъ чуждо, а, можетъ быть, не будетъ и занимательно.

Весь вашъ Александръ Брюлловъ.

[1]) Николаю Павловичу, коего адъютантомъ былъ В. А. Перовскій.

39.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

6-го ноября 1824 г. Римъ.

Почтеннѣйшее Общество! Съ чувствительною признательностью принимаю лестный отзывъ обо мнѣ и смѣю надѣяться, что способствовавшіе къ усовершенствованію моихъ способностей и впредь не оставятъ меня своими наставленіями, ведущими меня къ предположенной цѣли; смѣю увѣрить почтеннѣйшее Общество, что и впредь буду употреблять всѣ силы мои къ оправданію лестнаго обо мнѣ мнѣнія вашего.

На предложенные Обществомъ сюжеты, г. кавалеръ Камуччини сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: первый сюжетъ, представляющій Патроновъ государя и государыни, предстательствующихъ у Пресвятыя Дѣвы о покровительствѣ ихъ соименникамъ, будетъ представлять близкое подражаніе Мадоннѣ Сикста или Мадоннѣ Фолиньской, какъ въ композиціи, такъ и въ выраженіи, состоящемъ въ одномъ моленіи; при семъ замѣтилъ еще г. кавалеръ Камуччини, что Рафаэль никогда бы не выбралъ подобныхъ сюжетовъ, еслибъ ему оные не были заказываемы.

Второй сюжетъ изъ текста находитъ г. Камуччини изъ удобнѣйшихъ для удовлетворенія надобностей картины, и признаетъ совершенно справедливыми причины, изложенныя почтеннѣйшимъ Обществомъ въ разсужденіи достоинства сего сюжета.

Третій сюжетъ, представляющій Св. фамилію, всегда останется прекраснѣйшею картиной, но какъ оная производима была почти всѣми лучшими художниками, то нельзя надѣяться, чтобъ молодой художникъ произвелъ сію картину съ тою же охотой, какъ картину вышеозначеннаго сюжета.

По основательному мнѣнію г. кавалера Камуччини и по собственному желанію, я избралъ сюжетъ изъ текста; въ будущемъ донесеніи буду имѣть честь переслать начисто сдѣланный эскизъ и смѣю просить почтеннѣйшее Общество сдѣлать свои замѣчанія, чѣмъ не премину воспользоваться.

Въ началѣ октября я могъ бы начать предназначенную копію, но по сдѣланному посольствомъ мнѣ предложенію, долженъ былъ перемѣнить свое намѣреніе.

Государь императоръ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Веронѣ, благоволилъ положить 5.000 руб. ежегодно на произведеніе копій съ лучшихъ картинъ, находящихся въ Италіи; копіи должны быть производимы россійскими пенсіонерами, находящимися въ Римѣ или другихъ городахъ Италіи. Россійское посольство въ Римѣ предложило

мнѣ скопировать «Аѳинскую школу», находящуюся въ стансахъ Рафаэля, въ величину оригинала. Величина холста предполагаемой копіи должна занять почти всю комнату, загородить фрески на противной и примыкающей стѣнѣ, почему нельзя было получить позволенія на производство сего дѣла. Но, безъ сомнѣнія, изъ уваженія къ лицу монарха, не будетъ никакого прекословія. Для произведенія сей копіи положить должно по меньшей мѣрѣ два года, что̀ составляетъ почти все время моего остальнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, и какъ я обязанъ сдѣлать обѣщанную копію, для произведенія коей не буду имѣть времени, то не смѣлъ безъ согласія вашего принять сію работу. Почему посольство поручило мнѣ писать о семъ дѣлѣ въ Общество поощренія художниковъ, и буде Общество позволитъ мнѣ заняться сею работою, или пожелаетъ копію Мадонны Фолиньской, во всякомъ случаѣ я обязанъ дать отвѣтъ въ посольствѣ. При семъ прилагаю мое мнѣніе о превосходствѣ оригинала «Аѳинской школы» предъ оригиналомъ Мадонны Фолиньской.

Картина Мадонны Фолиньской состоитъ изъ шести лицъ, жившихъ въ разныя столѣтія, почему не дѣлаютъ ни связи, ни группы, что̀ совершенно противъ правилъ изящнаго искусства, и что подтверждаетъ мнѣніе г. кавалера Камуччини, что Рафаэль никогда бы не выбралъ подобнаго сюжета. Божія Матерь съ Іисусомъ есть вещь классическая, но которая безъ нижнихъ фигуръ не можетъ быть вразумительна, по отношенію къ онымъ, хотя многіе художники приняли за возможное копировать одну верхнюю группу. По симъ причинамъ сія копія не можетъ принесть той пользы молодымъ художникамъ, не имѣющимъ случая видѣть сіи произведенія въ оригиналѣ, какъ напротивъ «Аѳинская школа», которая заключаетъ въ себѣ почти все, что̀ входитъ въ составъ художества: композиція, связь, разговоръ, дѣйствіе, выраженіе, противоположность характеровъ, благородство Аристотеля, простота Сократа, цинизмъ Діогена, простота, соединенная съ величественнымъ стилемъ, натуральность освѣщенія, жизнь всей картины,—все сіе кажется достигшимъ совершенства!

Три вѣка признали сіе твореніе единственнымъ изъ произведеній Рафаэля, и смѣю утвердительно сказать, что не надѣюсь никогда принесть большей пользы отечеству, какъ скопировавъ сей оригиналъ съ должнымъ терпѣніемъ и прилежаніемъ, къ чему немало будетъ поощрять меня мысль быть полезнымъ отечеству и содѣлаться по мѣрѣ силъ достойнымъ вниманія почтеннѣйшаго Общества.

Пенсіонеръ Карлъ Брюлловъ.

(Напечатано въ «Русск. Вѣстникѣ» 1861 г, т. 35, стр. 381—383).

40.

Ѳ. П. Брюлло—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

14-го ноября 1824 г. Петербургъ.

Любезные братья! Много, много несчастья оставилъ послѣ себя 1824-й годъ. Во 1-хъ, . . . одинъ изъ насъ (братьевъ) [1]) переселился въ лучшее мѣсто. Богъ знаетъ, что́ намъ еще предстоитъ. Я никакъ не предполагалъ, чтобы маменька перенесла, потому что она послѣднее время ходила, какъ помѣшанная: смотритъ въ глаза и не отвѣчаетъ; но, благодаря Бога, она теперь успокаивается мало-по-малу, и всѣ здоровы. Это было 1-е несчастье, но оно простиралось на одно семейство. Но 2-е несчастье—всеобщее бѣдствіе: весь Петербургъ былъ затопленъ на четыре аршина; гаваньскаго селенья осталось нѣсколько домовъ, а прочіе сильнымъ вѣтромъ и водою были унесены. Вообразите! Изъ нашихъ оконъ смотримъ и что же?—по Среднему проспекту несется развалившійся домъ безъ крышки и два человѣка, разрушеніемъ задавленные. Нѣтъ силъ выразить того ужаса! По всему Острову и адмиралтейскимъ частямъ унесло заборы, даже каменные; вырвало изъ корней деревья и все, что́ было деревянное, размыло. На другой день пошли мы по Острову и полны улицы (увидѣли) заваленными то дровами, то изломанными строеніями почти въ одну сажень вышиною, такъ что нельзя было пройти; и навѣрное можно сказать, что кто и родился на Островѣ, то и тотъ не узнаетъ, гдѣ, какая линія. Барки, гальоты стоятъ на улицахъ. Сколько утопшихъ людей и скота, и сказать нельзя... Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что желѣзныя крыши съ домовъ рвалъ (даже съ нашего листовъ десять снесло), какъ четвертку бумаги. Мосты всѣ изломаны, даже невская набережная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повалена. Живущіе въ нижнихъ этажахъ лишились, если не жизни, то всего своего имущества. Ужасно! Ужасно!

Еще болѣе скажу: гдѣ не было воды, тамъ—пожаръ... Я знаю, что нѣкоторые люди, спасаясь отъ воды, уѣхали на Пулкову гору, а тамъ сдѣлался пожаръ, да и въ Петербургѣ на Литейной былъ пожаръ въ это время. А Лѣтній садъ!.. старыя толстыя деревья съ корнемъ (въ немъ) вырвало.

Всѣхъ погибшихъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ считается до 4.000 человѣкъ, а убытокъ до 40 милліоновъ рублей или болѣе... Нашъ добрый великій монархъ стоялъ на балконѣ цѣлыя сутки; ни

---

[1]) Павелъ Брюлло, умершій въ тотъ годъ еще мальчикомъ.

одного судна опричь его катера не было, а Карцевъ [1]) прятался, боясь, чтобы государь не послалъ его людей спасать; но нашелся добрый христіанинъ—генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, который вызвался ѣхать на помощь несчастнымъ. На другой день послѣ потопа государь переправился на Островъ, прошелъ въ Гавань, гдѣ жители съ воплемъ на колѣняхъ его приняли: «Взгляни, монархъ: наши жилища унесены, и мы разорены!» Государь подымалъ ихъ, говоря съ слезами: «Встаньте, встаньте! Вознагражу васъ по-прежнему». Тутъ же онъ отдалъ приказаніе генералу Бенкендорфу, чтобы размѣстить ихъ по три человѣка въ каждый обывательскій домъ, кой два этажа имѣетъ. Графъ Милорадовичъ взялъ къ себѣ 200 человѣкъ въ домъ, гдѣ они спятъ и получаютъ столъ отъ него; въ Биржевомъ залѣ 200 человѣкъ помѣщены, гдѣ имъ столъ также готовятъ. Въ Гавани не находятъ 300 домовъ, даже основаній ихъ... Въ Кронштадтѣ также не маловажный убытокъ: купеческую гавань сорвало, и въ военной гавани всѣ линейные корабли лежатъ на сушѣ и ихъ стащить нѣтъ возможности (иначе), какъ разрубивъ, а каждый корабль стоитъ 2 милліона. Богъ спасъ насъ: мы всѣ, слава Богу, здоровы и сухи... Купцы-грабители наложили на хлѣбъ, соль и прочіе товары сто процентовъ (восьмикопѣечный хлѣбъ стоитъ 20 коп., соли пудъ 15 рублей), но правительство вошло въ положеніе несчастныхъ и приказало всѣ вещи продавать по старой цѣнѣ, и ко всѣмъ будкамъ прибиты таксы... Вотъ, любезные друзья, какой несчастный високосный годъ!.. [2]).

---

[1]) Петръ Кондратьевичъ Карцевъ (1746 † 1830),—адмиралъ, сенаторъ, директоръ Морскаго корпуса.

[2]) Какъ дополненіе къ этому письму Ѳ. П. Брюлло помѣщаемъ письмо его сестры Маріи Павловны (въ замужествѣ Теряевой), также поспѣшившей извѣстить своихъ далекихъ братьевъ о знаменитомъ наводненіи:

„Милые братья! Я чувствую, что вы можете оскорбляться рѣдкимъ нашимъ писаніемъ, но, надѣясь, что, узнавши изъ письма папеньки печальную тому причину, конечно, простите невольное наше молчаніе. Насъ много,—а всякой спѣшитъ описать вамъ все новое въ Петербургѣ, и потому одно и то же вы слышите, можетъ быть, по нѣсколько разъ. Но я, съ своей стороны, хотя маленькое понятіе дамъ вамъ о случившемся ужасномъ событіи въ Петербургѣ.

Седьмого ноября по-утру вода въ рѣкѣ начала подыматься, а въ одиннадцатомъ часу выступила изъ береговъ, подземныхъ трубъ и полилась съ быстротою по Васильевскому острову, Петербургской, 1-й, 2-й и 3-й Адмиралтейской и не много по 4-й, Московской, Нарвской и Литейной частямъ. Вообще высота воды была однимъ аршиномъ и шестью вершками выше бывшей въ 1777 году. Представьте ужасную картину—видѣть почти весь Петербургъ покрытымъ водою, нижнія жилья залитыми; по улицамъ и даже мимо нашихъ оконъ плавали цѣлыя барки съ сѣномъ (изъ коихъ двѣ послѣ воды остановились у нашего подъѣзда). Товары, лежавшіе на Биржевой площади, плыли, и никто не могъ остановить ихъ; въ улицахъ и по проспектамъ плыли

41.

К. П. Брюлловъ—А. П. Брюллову.

22-го ноября 1824 г. Римъ.

Любезный братъ! Не обвиняй меня въ томъ, въ чемъ самъ виноватъ. Отъ природы я лѣнивѣе тебя, слѣдовательно, — правота на моей сторонѣ. Не находя другаго, о чемъ тебѣ писать, посылаю письмо Петра Андреевича (Кикина). Сюда пріѣхалъ Мартыновъ. По письму Гальберга изъ Флоренціи, мы должны обходиться съ нимъ, какъ съ фискаломъ, наряженымъ для надзиранія за русскими пенсіонерами. Какъ и кѣмъ посланъ онъ, не знаемъ. Новость порядочная. 6-го ноября я получилъ отъ князя Гагарина пакетъ отъ Общества поощренія художниковъ съ приложе-

---

домы съ людьми, животныя... однимъ словомъ, ничто не избѣгло силы воды и ужаснаго вѣтра. Вода послѣ обѣда начала сбывать и на другой день съ разсвѣтомъ съ ужасомъ увидѣли страшныя бѣдствія наводненія. Цѣлыя семейства въ домахъ найдены утопшими, улицы покрыты были судами, берега же гальотами и барками; проспекты были непроходимы отъ нанесенныхъ изъ Гавани цѣлыхъ и развалившихся домовъ, въ коихъ лежали утопшіе; улицы покрыты мертвыми людьми, лошадьми, опрокинутыми каретами, дрожками, разными мебелями, а на Среднемъ проспектѣ большое стадо быковъ сдѣлалось также жертвою наводненія. Я ѣздила въ Гавань и могу сказать, что Гавань, кажется, не существуетъ. Подобно сему, наводненіе свирѣпствовало и въ прочихъ частяхъ города. Зная быстроту Невы, ужасно было видѣть, какъ мосты, барки съ сѣномъ и другія огромныя и мелкія вещи стремились вверхъ по рѣкѣ.

Это было въ полномъ смыслѣ ужасное наводненіе! Не осталось ни одного дома, гдѣ бы не потерпѣли, какъ и у нашихъ родителей. Во всѣхъ нижнихъ этажахъ не осталось ни стеколъ, ни рамъ, ни половъ, ни печей. Булочники не могли печь хлѣба, мелочныя лавки и другія были залиты, и все подмочено; сахарный песокъ на биржѣ также подмокъ на огромную сумму; у всѣхъ провизія пропала, такъ что въ тотъ день почти-что нечего было ѣсть,—народъ бѣгалъ по улицамъ и просилъ хлѣба. Все сіе сдѣлало дороговизну; люди безчувственные пользующіеся несчастіемъ другихъ, торгаши возвысили на все цѣну, и послѣ наводненія могло бы случиться другое несчастіе—голодъ, если бы нашъ добрый, великодушный, благословенный императоръ Александръ, августѣйшая его фамилія и истинно-благоразумное правительство вдругъ не прекратили сіе зло. Тотчасъ же по узнаніи открывшейся дороговизны появились таксы, напримѣръ: хлѣбъ ржаной продавали по 25 коп. фунтъ, а теперь—5 коп., за пудъ соли просили 8, 9 и 10 рублей, а теперь въ казнѣ продаютъ по 2 р. 80 коп. пудъ. Кромѣ того, императоръ лично, несмотря на ледъ и бурю на Невѣ, нѣсколько разъ посѣщавшій Васильевскій островъ и другія части, для лучшаго дѣйствія и поданія скорой помощи разоренными, назначилъ подъ начальствомъ графа Милорадовича временныхъ генералъ-губернаторовъ: на Васильевскомъ острову—генералъ-

ніемъ 250 червонныхъ. Пакетъ содержитъ два отношенія къ намъ; меня Общество благодаритъ и кажется довольно своимъ выборомъ (т. е. нами), и предлагаетъ три сюжета: первый—Патроновъ царской фамиліи, второй—«Благословеніе дѣтей» («Сихъ бо есть царствіе небесное»), которымъ теперь и занимаюсь; третій—святую фамилію. Работы наши еще не пришли въ Петербургъ. Я оканчиваю свои работы, послѣ чего хочу приняться за копію Аѳинской школы (что въ Ватиканѣ) по предложенію посольства за 10.000 рублей. Бумагу, относящуюся къ тебѣ, самъ прочтешь, когда пріѣдешь. Свинство—такъ долго не ѣхать въ Римъ!!! Актеонъ твой хотя и боленъ, но очень помнитъ тебя, часто спрашиваетъ и на меня смотритъ такъ же, какъ и прежде. Мы играли театръ у князя Гагарина—комедію «Недоросль» [1]). Я (игралъ) Вральмана и Простакова, Гальбергъ—Еремѣевну, Габерцетель [2])—Стародума!!. Басинъ—Милона, А. Тонъ—Кутейкина (натура!), князь—Цыфиркина, княгиня—г-жу Простакову, Гриша [3])—Митрофана, Жснь...—Правдина. А. Я. Италинскій былъ очень доволенъ спектаклемъ. Онъ слушалъ сію комедію, читанную г. авторомъ—Фонвизинымъ за пятьдесятъ лѣтъ въ Неаполѣ [4]). Г. фонъ-Зассенъ [5]) съ остальными всероссійскими пенсіо-

---

адъютантъ Бенкендорфъ, Петербургской части—графъ Комаровскій, Выборгской части—Депрерадовичъ; для денежнаго же пособія изъ людей довѣренныхъ составилъ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Куракина. На первый случай государь далъ милліонъ рублей, но сія и жертвуемая сумма отъ Двора и нашихъ богачей увеличивается безпрестанно.

Рескриптъ императора о Комитетѣ написанъ очень хорошо, и я надѣюсь, что вы прочтете его въ какихъ-нибудь газетахъ.

Въ Биржевой залѣ и другихъ мѣстахъ открыты для неимущихъ пристанища и обѣденные столы. Казармы, домъ женскаго Патріотическаго общества и другіе казенные (дома) обращены въ жительство разоренныхъ отъ наводненія. Писала бы я вамъ еще кое-что много о семъ происшествіи, но, опасаясь наскучить вамъ онымъ, заключу его желаньемъ вамъ, милые братья, здоровья, счастья и успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Мы же, слава Богу, здоровы и очень рады, что живемъ теперь во второмъ и третьемъ этажахъ и пріютили теперь у себя цѣлое семейство, много потерпѣвшее... Остаюсь ваша доброжелательная сестра М. Теряева.

P. S. Замѣчательно, что 21-го ноября въ Петербургѣ въ 12 часовъ были молнія и громъ.

[1]) См. подробности объ этомъ спектаклѣ въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ князя Г. Г. Гагарина. (Прим. къ письму № 15).

[2]) Іосифъ Ивановичъ Габерцетель (1791 † 1857),—впослѣдствіи академикъ исторической живописи.

[3]) Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, въ то время ему было всего 12 лѣтъ.

[4]) Фонвизинъ былъ въ Неаполѣ въ третье свое заграничное путешествіе въ 1784—1785 гг.

[5]) Александръ Ивановичъ Зассенъ,—ученикъ и пенсіонеръ Академіи художествъ.

нерами были зрители. По желанію министра комедія сія назначается играться во второй разъ по пріѣздѣ Гальберга (Бруни—суфлеръ).

P. S. Князь Долгорукій [1]) игралъ Скотинина. Всѣ новости. Истинно и навсегда тебя любящій твой лѣнивый братъ Карлъ.

42.

А. П. Брюлловъ—матери.

1-е декабря 1824 г. Неаполь.

Любезная матушка! Вотъ уже семь мѣсяцевъ, что я отъ васъ не вижу ни строчки; я не думаю, чтобы вы дали пройти тому времени, не увѣдомивъ насъ о томъ, что̀ происходитъ въ Петербургѣ, а особенно о васъ самихъ, зная, какою отрадою служитъ намъ всякое извѣстіе о васъ; я увѣренъ, что братъ мой по привычной ему лѣности писать, умалчиваетъ о всемъ и, получая письма, прячетъ ихъ до моего возвращенія въ Римъ. Вчерась получилъ я изъ Рима письмо Петра Андреевича Кикина, пересланное мнѣ братомъ, и нѣсколько строкъ отъ него самого, въ которомъ онъ ничего не говоритъ, кромѣ того, что онъ работаетъ, и зоветъ меня скорѣе возвратиться; но оно меня все-таки очень успокоило, ибо самая его краткость показала мнѣ, что ничего нѣтъ такого, что̀ бы могло меня безпокоить; и мнѣ осталось теперь только (узнать) нѣкоторыя подробности тѣхъ удовольствій, которыми вы пользуетесь въ кругу васъ любящаго семейства; но я думаю, что я долженъ буду себѣ въ семъ отказать до моего возвращенія въ Римъ, ибо братъ мой, повидимому, хочетъ передать мнѣ оныя въ Римѣ. Итакъ, отвѣчать мнѣ совсѣмъ нечего: здѣсь новаго ничего нѣтъ такого, что̀ бы пришло теперь на мысль, хотя я живу и въ свѣтѣ и переѣзжаю съ мѣста на мѣсто. Мнѣ кажется, я не писалъ вамъ еще, что я уже съ мѣсяцъ возвратился изъ моего втораго путешествія въ Сицилію, которое я совершилъ очень благополучно и пріятно. Скоро возвращусь въ Римъ, гдѣ я приготовился встрѣтить Anno Santo—знаменитый годъ отпущенія грѣховъ въ Святой землѣ.

43.

К. П. Брюлловъ—родителямъ.

19-го января 1825 г. Римъ.

Любезные родители! Не считаю за нужное выражать вамъ дѣйствіе, произведенное надо мною письмомъ Ѳедора [2]) и вашимъ.—Воля божія.

[1]) Князь Дмитрій Ивановичъ Долгоруковъ (ум. въ 1867 г.),—въ то время— тит. сов., состоялъ при русск. посольствѣ въ Римѣ; впослѣдствіи полномочный министръ при персидскомъ дворѣ, сенаторъ, писатель.

[2]) См. письмо № 40.

Скоро воспослѣдовавшее общее несчастье (т. е. наводненіе) не ясно-ли доказываетъ счастье семейства Брюлловыхъ, и не грѣшно ли было бы, хоть на минуту, позволить вкрасться въ сердце грусти, которая меня сначала ополоумила; но пришедъ въ себя и приведя обыкновенную поговорку свою на память, т. е. сколько есть тысячъ людей, которые бы позавидовали моему положенію, меня заставило (sic), признаюсь, закраснѣть, но не могъ еще приняться за письмо. Очень, очень вѣрю, маменька, какъ трудно было вамъ писать, и тысячу разъ благодарю васъ за то принужденіе себя, которое доказываетъ намъ равную ко всѣмъ намъ любовь! Александръ еще не знаетъ случившагося въ семействѣ нашемъ.—Я, судя по себѣ, каково мнѣ было получить письмо брата Өедора, разсудилъ сперва увѣдомить Александра о болѣзни, а потомъ ужъ, приготовивъ его немного къ сему, перешлю ваше письмо, маменька, которое меня успокоило болѣе всѣхъ доказательствъ разсудка, если бы оный въ подобномъ случаѣ и могъ дѣйствовать. Если смѣю вамъ подать совѣтъ,—чтобы успокоить себя болѣе, будьте чаще въ обществѣ Маріи и Юліи: онѣ—матери (кто лучше ихъ раздѣлитъ подобное бѣдствіе (какъ), потерю брата?!) и приводите себѣ чаще на память, каково-то вояжерамъ въ Римѣ и Неаполѣ: они порознь, одни! а вы—въ кругу достойнаго васъ семейства.

44.

К. П. Брюлловъ—отцу.

19-го января 1825 г. (Римъ).

Любезный папенька! Маленькая, но много выражающая ваша приписочка доставила мнѣ непредвидѣнное удовольствіе (что теперь, право, мнѣ довольно нужно). Вы опять начинаете меня транжирить своимъ «Микель-Анджело» и, если хотите очень скоро, то пришлите увеличительное стекло и склейте и наклейте на доску бумаги, какъ вы дѣлали обыкновенно... Ужъ мнѣ кажется, что слышу васъ, глаголюща: «Өофанъ!»—Нѣтъ, шутки въ сторону, папенька: теперь сдѣлать никакъ не могу, ибо долженъ окончить свои работы къ марту мѣсяцу, а потомъ долженъ начать копію съ Рафаэлевой «Аөинской школы» въ величину около пяти саженъ, гдѣ около 70 фигуръ. Начавши производить сію работу, я буду имѣть болѣе случая и времени сдѣлать желаемыя вами копіи.

Вы также требуете отъ меня портрета въ ту же мѣру, а мѣры не назначили,—прошу прислать въ будущемъ письмѣ величину портрета брата.

Александръ все еще въ Неаполѣ, а (А. И.) Зассенъ занимаетъ его мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ. Прибавлю еще, что зима римская немного

хуже хорошей россійской весны, это доказала нынѣшняя зима: въ продолженіе 9 мѣсяцевъ мы имѣли дождя не болѣе 2 разъ—благословенный климатъ!—Можно подумать, что всѣ непогоды удалились изъ Рима и, какъ кажется, обрушились на бѣдный Петербургъ. Пишите, пожалуйста, что будетъ произведено хорошаго, и какія вспоможенія будутъ употребляемы для потерпѣвшихъ; худого не хочу слушать,—ну хоть и худенькое, только почаще пишите.

У насъ начался Anno Santo или Святой годъ. Наканунѣ Рождества, или, лучше сказать, въ день моего рожденія (24-го декабря новаго стиля, а 12-го декабря стараго стиля), папа Леонъ XII въ полной процессіи, въ сопровожденіи кардиналовъ, ударилъ молоткомъ три раза (или нѣсколько разъ) въ Святую дверь, послѣ чего дверь сія, заложенная изъ кирпича за пятьдесятъ лѣтъ тогдашнимъ папою [1], падаетъ на подмостки или на два валька и отвозится въ сторону; на другой день народъ толпами стремится въ церковь святаго Петра и за двадцать шаговъ до дверей повергается на землю, уповая на отпущеніе грѣховъ (не всѣ, разумѣется, другіе и обходятъ). При семъ прилагаю вамъ маленькіе чертежи, въ будущемъ сдѣлаю рисунокъ красками. Ну, прощайте,—время относить письмо на почту: полдень ровно; черезъ полчаса уже не примутъ; простите, ежели не успѣлъ домарать четвертую страницу,—обѣщаюсь въ будущемъ сказать болѣе о Святомъ годѣ. Остаюсь вашъ любящій сынъ, братъ, другъ Карлъ Брюлловъ.

И мнѣ пошелъ 26-й годъ.—Время бѣжитъ!

45.

К. П. Брюлловъ—А. П. Брюллову.

(Мартъ 1825 г., Римъ).

Любезный братъ! 5-го числа апрѣля я, Бруни [2]), (А. И.) Зассенъ и (А. А.) Тонъ будемъ въ Неаполѣ. Прости, что такъ залѣнился тебѣ писать, я самъ здѣсь очень занятъ: господинъ Самаринъ [3]) заказалъ 5 картинокъ въ разныя величины, госпожа Нессельроде [4]) заказала еще три картины («Національныя сцены»), какъ и Самаринъ, который

---

[1]) Піемъ VI-мъ.

[2]) Өедоръ Антоновичъ Бруни (1800 † 1875); былъ въ Римѣ съ 1818 года; въ описываемое время имѣлъ уже извѣстность за свою картину „Смерть Камиллы“ и за копію съ Рафаэля.

[3]) Өедоръ Васильевичъ Самаринъ (1784 † 1853),—отецъ извѣстнаго славянофила Ю. Ө. Самарина.

[4]) Графиня Марія Дмитріевна Нессельроде (урожденная Гурьева),—супруга канцлера графа Карла Васильевича Нессельроде; скончалась въ 1849 г.

также и тебѣ заказываетъ 20 рисунковъ величиной съ сію четверку. Я за тебя далъ слово, что ты непремѣнно выполнишь по 60 франковъ (за картину), онъ хотѣлъ было по пятидесяти, но я, какъ секретарь брату, урезонилъ его и настоялъ на первой цѣнѣ. Графиня Нессельроде очень была обрадована твоимъ счастьемъ и очень довольна тобой. Съ твоимъ портретомъ Машеньки я ничего не могъ дѣлать, по причинѣ перемѣны освѣщенія и онъ остался таковымъ, какъ былъ. Теперь я дѣлаю портретъ госпожи Свѣчиной [1]); подобныя физіономіи не бываютъ на портретѣ непохожи: т. е. смѣшно похожъ! Завтра начинаю масляными красками портретъ г. Самарина и акварелью Мишеньку Самарина [2]). Третьяго дня познакомился съ хваленымъ тобой княземъ Голицынымъ, еще не видалъ его супруги живой, но писанную видѣлъ;— славно! avanti! avanti! avanti! Носятся слухи, будто брату Павленькѣ хуже и даже являются признаки, обезнадеживающіе насъ. Братъ твой Карлъ Брюлловъ.

Надѣюсь, что ты дашь мнѣ денегъ на прожитіе въ Неаполѣ, ибо боюсь брать съ собой много; въ Римѣ сочтемся. При семъ прилагаю письмо отъ барона Хорнштейна [3]). Напиши хоть ты ему,—кажется, мы должны быть увѣрены въ его къ намъ любви и привязанности. Отвѣчай пожалуйста, скорѣй, берешь ли ты работу, предлагаемую Самаринымъ.

46.

К. П. Брюлловъ—А. П. Брюллову.

29-го марта 1825 г. Римъ.

Любезный братъ! Я второпяхъ положилъ въ мое письмо конвертъ письма барона Хорнштейна, почему и спѣшу вторымъ письмомъ вывесть тебя изъ недоумѣнія. Долженъ также тебя увѣдомить, что Бруни очень испугался Неаполя, услышавъ, что должно будетъ въ немъ оставить около ста, если не больше, скудъ. Также и я сомнѣваюсь выпол

---

[1]) Софья Петровна Свѣчина,—дочь статсъ-секретаря П. А. Соймонова род. въ Москвѣ въ 1782 г., въ 1801 г. вышла замужъ за петербургскаго военнаго губернатора Н. С. Свѣчина; въ 1815 г. тайно перешла въ католичество, переселилась за границу и жила главнымъ образомъ въ Парижѣ, гдѣ и скончалась въ 1837 г. (См. о ней „Остафьевскій архивъ князя Вяземскаго", подъ редакц. В. И. Саитова, Спб. 1899 г., т. I, стр. 408 и 420). Въ Римѣ, между прочимъ, жила ея сестра,—Екатерина Петровна, бывшая замужемъ за княземъ Г. И. Гагаринымъ.

[2]) Одинъ изъ сыновей Ѳ. В. Самарина, умершій въ 1848 году.

[3]) См. письмо № 10.

нить свое обѣщаніе по случаю вышедшаго мнѣ позволенія копировать «Аѳинскую школу».

Сегодня день рожденія князя (Г. И.) Гагарина. Я приглашенъ къ обѣду и увѣренъ, что буду убѣжденъ не ѣхать въ Неаполь, ибо князь послѣ долгихъ преній съ Маджоръ-домомъ, выхлопотавши позволеніе, захочетъ видѣть скорѣй плоды трудовъ его. Онъ мнѣ уже сегодня намекнулъ, что въ Неаполь можно будетъ ѣхать во время жаровъ, а время, способное къ работѣ, употреблять въ пользу; противъ сего нечего сказать! Ты самъ видишь, что я не отъ себя завишу.

Прощай, тебя любящій братъ Карлъ Брюлловъ.

47.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

19-го апрѣля 1825 г. Неаполь.

Любезные родители! Браните!—чувствую, что достоинъ этого, будучи въ состояніи столь долго молчать. Но я уже болѣе двухъ мѣсяцевъ такъ занятъ все нужною работою, что могу сказать: «я работалъ до изнеможенія». Братъ мнѣ, противъ обыкновенія, писалъ довольно часто, но такъ коротко, что я изъ его писемъ почти ничего не знаю, что происходитъ въ Римѣ, и какія извѣстія онъ получилъ изъ Петербурга. На сихъ дняхъ онъ писалъ, что началъ или начнетъ копію съ Рафаэлевой «Аѳинской школы», а, кромѣ того, имѣетъ кучу другихъ работъ и все время здоровъ—только мнѣ и извѣстно. Но до сихъ поръ я ничего не говорилъ о моихъ занятіяхъ; вы помните, можетъ быть, что мѣсяцевъ шесть уже тому назадъ хотѣлъ уѣхать изъ Неаполя, но былъ задержанъ разными случаями: наѣхало сюда много чужестранцевъ, изъ коихъ очень много было русскихъ, которые, увидѣвъ нѣсколько портретовъ, сдѣланныхъ мною въ свободныя минуты почти шутя, пожелали, чтобы я сдѣлалъ и для нихъ, и у меня накопилось, наконецъ, столько работы, что я былъ въ большомъ замѣшательствѣ оную кончить, и долженъ былъ работать, сколько только доставало (силы) и сколько позволяли глаза, а гулять позабылъ совсѣмъ. Одна русская, госпожа Хитрово [1]), бывъ у королевы, случайнымъ образомъ разговорилась о моихъ портретахъ; ея величество пожелала ихъ видѣть, и мнѣ предложили сдѣлать портреты королевской фамиліи (наканунѣ почти моего отъѣзда). Я ихъ уже кончилъ, всѣ были чрезвычайно довольны; до сихъ поръ я сдѣлалъ только три: короля,

---

[1]) Вѣроятно, Елисавета Михайловна (1783 † 1839),—дочь князя М. И. Голенищева-Кутузова, супруга Николая Ѳедоровича Хитрово, бывшаго посланникомъ во Флоренціи.

королевы и принцессы, старшей ихъ дочери, цѣльныя фигуры на бристольской бумагѣ; мнѣ заплатили довольно хорошо, а королева подарила мнѣ еще часы и просила еще налитографировать эти портреты. По возвращеніи ихъ изъ Милана буду дѣлать и другихъ принцессенятъ (ихъ около десяти); сверхъ того, имѣю столько партикулярной работы, что долженъ отказываться или заставлять дожидаться. Прежде, нежели я сегодня началъ вамъ писать, у насъ рѣчь зашла съ полковникомъ русскимъ г-мъ Винсперомъ [1]) (у котораго я теперь живу) о перепискѣ, который, услышавъ, что я такъ давно къ вамъ не писалъ, далъ мнѣ выговоръ;—онъ имѣлъ полное право мнѣ выговаривать, ибо онъ—лучшій другъ и лучшій сынъ, и я рѣшился впредь къ вамъ писать каждыя двѣ недѣли или, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ и обѣщаюсь строго выполнять. Полковникъ (В. А.) Перовскій, адъютантъ (вел. кн.) Николая Павловича, о которомъ я уже писалъ вамъ въ предыдущихъ письмахъ, уѣхалъ вчера отсюда и, можетъ быть, черезъ два мѣсяца будетъ въ Петербургѣ; онъ обѣщался мнѣ васъ посѣтить; вы, вѣрно, найдете въ немъ прекраснѣйшаго человѣка во всемъ свѣтѣ; онъ вручитъ вамъ также отъ меня маленькую коробку съ подарочками. Ровно полночь; прощайте. Кланяйтесь всѣмъ, меня помнящимъ, поцѣлуйте отъ меня сестрицъ и братцевъ. Васъ любящій Александръ Брюлловъ.

P. S. Петръ Андреевичъ (Кикинъ), какъ я слышалъ, уѣхалъ на воды; не зная, куда адресовать, буду писать въ Петербургъ; если онъ на меня сердится за мое долгое молчаніе, то объясните ему дѣло и увѣрьте его въ моей привязанности и почтеніи къ нему; съ сей почтою или съ слѣдующею буду я къ нему писать.

48.

А. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

21-го апрѣля 1825 г. Неаполь.

. . . Въ предыдущихъ письмахъ я говорилъ о моемъ намѣреніи оставить скоро Неаполь и опять возвратиться въ вожделѣнную страну художниковъ—Римъ; но принужденъ былъ остаться еще на нѣсколько недѣль, чтобы окончить начатыя работы; я отказывался уже отъ всѣхъ вновь предлагаемыхъ, какъ вдругъ получаю предложеніе отъ ея величества королевы Неаполитанской, имѣвшей случай видѣть мои рисунки,—сдѣлать портреты: короля, ея собственный и принцессы, старшей дочери. Столь лестное предложеніе заставило меня перемѣнить мое намѣ-

---

[1]) Робертъ Антоновичъ Винсперъ (или Винспіеръ),—съ 1825 г. состоялъ сверхштатнымъ чиновникомъ при нашемъ посольствѣ въ Римѣ.

реніе, и я рѣшился для этого пробыть еще нѣсколько времени въ прекрасномъ Неаполѣ. Эти три портрета уже окончены; король и королева были ими весьма довольны и пожелали, чтобы я во время ихъ отсутствія оные налитографировалъ. По возвращеніи же ихъ величествъ надобно будетъ сдѣлать портреты и другихъ дѣтей. Я весьма сожалѣю, что литографія здѣсь въ весьма жалостномъ положеніи, и мнѣ очень будетъ прискорбно, если этотъ трудъ мой не удастся. Форматъ рисунковъ почти въ величину петербургскихъ видовъ, издаваемыхъ отъ Общества поощренія художниковъ. Сіи портреты сдѣланы мною водяными красками; фигуры цѣльныя, а околичность представляетъ какой-либо видъ Неаполя, или окрестностей. Я сдѣлалъ нѣсколько такихъ портретовъ и еще другихъ рисунковъ, которые должно было очень скоро работать, ибо большая часть сихъ работъ была заказана мнѣ иностранцами. Многимъ весьма странно, а можетъ быть и смѣшно покажется (особливо архитекторамъ-фанатикамъ, которые все, что̀ не есть линейка, циркуль и перпендикуляръ, не хотятъ почитать), что архитекторъ занимается живописью; но вмѣсто оправданій и исчисленія должнаго и недолжнаго занятій архитектора, я скажу только: сколько было людей, которые вмѣщали въ себѣ множество различныхъ способностей, сколько было художниковъ, занимавшихся различными художествами съ большимъ успѣхомъ. Хотя я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы дерзнуть причислить себя къ числу людей, имѣющихъ даръ всеобъемлющій, однако никогда не устрашусь предпринять какой-нибудь трудъ, не имѣющій отношенія къ архитектурѣ, если надѣюсь быть въ состояніи его выполнить. Итакъ, не лучше ли заниматься всѣмъ тѣмъ, что только питаетъ наше воображеніе, чѣмъ сидѣть надъ древними обломками и разсуждать о прошедшемъ ихъ состояніи и изъяснять ихъ назначенія, что̀ бываетъ главнымъ занятіемъ многихъ архитекторовъ, пріѣзжающихъ въ Италію. Я этимъ отнюдь не хочу сказать, что архитектору въ Италіи нечего дѣлать (такъ многіе говорятъ). Чтобы любить художества, надобно быть въ Италіи. Распространяться о столь извѣстной пользѣ путешествій я нахожу излишнимъ, а скажу только, что если художникъ, пробѣгая Ватиканъ, или бродя между храмами древнихъ римлянъ, не почувствуетъ своего счастливаго состоянія и не будетъ радоваться, нося имя художника, то лучше сдѣлаетъ, если, бросивъ циркуль и кисть, простится съ художествомъ на вѣкъ. Никогда я не забуду одного вечера, проведеннаго мною на развалинахъ древняго Агригента. Я остановился въ храмѣ Юноны Луцины, выстроенномъ на высокомъ холмѣ. Вечеръ былъ прекрасный; солнце спустилось уже низко, по одну сторону—море, по другую, на горѣ—новый Джирдженти, предо мною развалина нѣсколькихъ храмовъ, рядъ гробницъ и кругомъ совершенная тишина. Что могло говорить сердцу краснорѣчивѣе этой тишины, сердцу спо-

собному ко впечатлѣніямъ глубокимъ? что могло болѣе питать мечту о прошедшемъ величіи агригентянъ, какъ не остатки сей прекрасной архитектуры? Въ ту минуту я желалъ спросить всѣхъ живущихъ: кто счастливѣе меня? и увѣренъ былъ, что не найду соперника. Вы спросите причину, я долженъ буду сказать: не знаю. Но душа моя была полна. Я смотрѣлъ на храмъ... въ семъ восторгѣ далъ себѣ обѣщанье сдѣлать собраніе достопамятностей Сициліи, и первый рисунокъ будетъ этотъ храмъ въ теперешнемъ его положеніи.—Моимъ пребываніемъ въ Неаполѣ я намѣренъ еще воспользоваться и сдѣлать что-нибудь изъ развалинъ Помпеи, которыя, при всей ихъ оригинальности, не много представляютъ художнику для красиваго рисунка. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ открыли прекрасное зданіе публичныхъ бань,—единственное по красотѣ и отличающееся отъ всего прочаго сводами. Всѣ дома въ Помпеѣ безъ крышъ, или, лучше сказать, безъ верхнихъ частей строенія. Надобно предполагать, что сей городъ былъ засыпанъ только до нѣкоторой высоты, и все, что оставалось поверхъ земли, было срыто людьми или разрушено временемъ. Всѣ храмы, которые были гораздо выше прочихъ строеній, теперь уравнены съ ними; остались только однѣ террасы, лѣстницы и нижнія части колоннъ, но если бы совершенно были засыпаны, то, вѣрно, никакіе вѣка не могли бы разрушить ихъ. Напротивъ того, упомянутыя мною бани сохранены совершенно, и причиною сего сохраненія, надобно думать, были своды, которыми сіе зданіе было покрыто. Первый покой служилъ прихожею для двухъ отдѣленій и повидимому очень богато былъ украшенъ лѣпною работою. Теперь существуетъ только часть сего свода. Дверь напротивъ ведетъ въ круглый покой съ коническимъ сводомъ; вершина онаго отсѣчена для освѣщенія; посреди устроенъ бассейнъ. На діагоналяхъ сего круглаго покоя сдѣланы четыре ниши, служившія для раздѣванія и отдохновенія купающимся. Сей покой украшенъ просто, легко и со вкусомъ. Изъ перваго покоя, или изъ прихожей по правой сторонѣ находятся два зала. Первый служилъ, какъ кажется, для того, чтобы раздѣваться, отдыхать и грѣться въ холодное время, ибо по стѣнамъ вокругъ покоя сдѣланы раздѣленія на подобіе, какъ у насъ дѣлается въ передбанникахъ, съ тою только разницею, что здѣсь они въ одинъ рядъ и отдѣлены одинъ отъ другаго каріатидами. Еще найдены въ семъ же покоѣ двѣ бронзовыя скамьи съ надписями того, на чей счетъ сіи бани были выстроены: имя его было Vacca, а на огромной бронзовой жаровнѣ, находящейся въ сей же комнатѣ, представлена корова. Полагаютъ, что изображеніе оной означаетъ вещь, принадлежавшую хозяину. Этотъ покой былъ весьма богато украшенъ. Свѣтъ проходилъ чрезъ отверстіе, сдѣланное подъ самымъ сводомъ. Второй залъ величиною подобенъ первому. Взойдя въ комнату, на правой сторонѣ находится ванна во всю

ширину комнаты изъ бѣлаго мрамора, а по лѣвую сторону фонтанъ, чаша коего въ поперечникѣ около трехъ аршинъ, съ бронзовою по краямъ надписью. Возвратившись опять въ прихожую, можно выйти чрезъ другія маленькія комнаты, служившія для разныхъ потребностей при баняхъ, на другую улицу. Полы были всѣ мозаичные, но очень мало осталось слѣдовъ существованія оныхъ. Какъ по величинѣ, такъ и по богатству изъ всей Помпеи нужно почесть сіи бани лучшимъ остаткомъ. Я не хочу оныя сравнивать съ амфитеатромъ и двумя театрами, которые по своему предназначенію должны быть великолѣпнѣе и огромнѣе прочихъ публичныхъ зданій. Живопись помпейская,—по моему мнѣнію,—имѣетъ менѣе достоинствъ, нежели сколько ей приписываютъ. Во всѣхъ вещахъ виденъ хорошій вкусъ (своего) времени. Во всѣхъ остаткахъ живописи видна легкость кисти и большой навыкъ, но нигдѣ (нѣтъ) строгой рисовки. Посмотря на эту живопись, можно сказать о художникѣ, произведшемъ оную: этотъ человѣкъ много работалъ, но никакъ нельзя сказать: этотъ человѣкъ много учился. На счетъ живописи сказалъ я это потому, что здѣсь въ разговорахъ не однажды слыхалъ, что ее превозносили и сравнивали даже съ произведеніями Рафаэля. Жаль, впрочемъ, что художникамъ не дозволяютъ срисовывать въ Помпеѣ все, что угодно, а позволено только пользоваться тѣми памятниками, которые опубликованы; но я однажды во время сеанса короля просилъ его величество и получилъ позволеніе срисовывать все, что только захочу, почему и намѣренъ начать въ будущемъ мѣсяцѣ работать тамъ подробные рисунки бань, которые и перешлю со временемъ въ Петербургъ [1]).

49.

А. П. Брюлловъ—матери.

16-го мая 1825 г. Неаполь.

Любезная матушка! На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Общества поощренія художниковъ, которое, повидимому, нами довольно, что, какъ вы себѣ можете представить, принесло большое удовольствіе, ибо какая мысль можетъ быть пріятнѣе, какъ не та, что мы, хотя нѣсколько, но заслуживаемъ тѣхъ благодѣяній, которыми насъ такъ щедро осыпаютъ. Наступившая весна или, лучше сказать, лѣто не принесло еще намъ постоянно хорошей погоды, къ которой такъ легко привыкаютъ въ Италіи

---

[1]) Напечатано впервые въ „Журналѣ Изящныхъ Искусствъ" (1825 г., ч. II, № 3, стр. 78—81), съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя (В. И. Григоровича): „Письмо сіе писано г. Брюлловымъ къ его превосходительству П. А. Кикину. Полагая, что для читателей „Журн. Из. Иск." не будетъ непріятно узнать о занятіяхъ г. Брюллова-художника, большія надежды о себѣ подающаго, и въ особенности получить нѣкоторое понятіе объ открытыхъ недавно въ Помпеѣ баняхъ, о которыхъ въ письмѣ семъ упоминается, я помѣщаю отрывокъ изъ онаго съ позволенія его превосходительства".

и гдѣ невольнымъ образомъ дѣлаешься прихотливымъ, но нельзя сказать, чтобы мы не имѣли совсѣмъ хорошаго времени. Я уже успѣлъ, оставивъ свои занятія въ Неаполѣ, посѣтить Соренто; вамъ извѣстно сіе мѣсто изъ моихъ писемъ прошлаго года. (Какое сладостное чувство возбудило во мнѣ воспоминаніе!) Проѣзжая тѣ мѣста, гдѣ я удивлялся Италіи, съ какимъ восхищеніемъ увидѣлъ я, взобравшись на горы, неапольскій и салернскій гольфы, простирающіеся надо мной въ видѣ почти необозримаго синяго пространства. Проведши три прекрасныхъ дня въ Соренто, я возвратился въ Неаполь, гдѣ меня ожидали мои занятія въ такомъ количествѣ, что, какъ вспомню, такъ голова вертится; но впрочемъ,—ничего: я умѣю быть прилежнымъ, а покуда здоровъ, такъ и нетрудно. На сихъ дняхъ окончу я литографію королевскихъ портретовъ; ихъ величествъ скоро ожидаютъ назадъ изъ Милана; я бы очень желалъ, чтобы хорошо вышли литографіи потому, что труда довольно было за ними. Скоро, я думаю, будетъ въ Петербургѣ полковникъ В. А. Перовскій, который вамъ можетъ дать довольно подробныя свѣдѣнія обо мнѣ и вручить вамъ также коробочку съ кораллами, которые вы вручите тѣмъ, кому надобно. Свидѣтельствуйте мое глубочайшее почтеніе Петру Андреевичу Кикину, если его увидите; я не замедлю ему самому писать, какъ равномѣрно и Обществу;—намъ надобно простить, что мы такъ мало пишемъ, ибо только вечера у насъ и свободны, а вечеромъ не всегда хорошо заниматься. Весь вашъ, васъ любящій Александръ Брюлловъ.

50.

Общество поощренія художниковъ—К. П. Брюллову.

31-го января 1825 г.

Отзывъ, на имя Общества отъ 6-го ноября вами адресованный [1]), былъ читанъ въ собраніи онаго 22-го декабря минувшаго года. По положенію Общества, извѣщаю васъ: во 1-хъ, что Общество, находя порученіе посольствомъ Россійскимъ въ Римѣ, вамъ сдѣланное—скопировать Аѳинскую школу Рафаэля—весьма для васъ полезнымъ и въ полной увѣренности, что вы, приложите все стараніе, дабы передать въ копіи сей красоты подлинника и тѣмъ сдѣлать услугу вашему отечеству, разрѣшаетъ вамъ заняться симъ дѣломъ безотлагательно. Во 2-хъ, ничего не желая болѣе, какъ усовершенствованія вашихъ способностей, Общество находитъ нужнымъ, чтобы вы, кромѣ сей копіи, произвели еще въ Римѣ хоть одну значительную картину. Имѣя передъ глазами образцы превосходные и пользуясь совѣтами знаменитаго Камуччини, вы, безъ сомнѣнія, оригинальными произведеніями вашими сдѣлаете себѣ честь и, возвратясь въ отечество, пріобрѣтете уваженіе

[1]) См. письмо № 39.

Общества и любителей просвѣщенныхъ. Для сего Общество отсрочитъ вамъ возвращеніе въ Россію на такое время, какое нужно будетъ для произведенія оригинальной картины, и продолжитъ пенсіонъ, вами получаемый. Въ 3-хъ, выборъ вашъ одного изъ трехъ предложенныхъ сюжетовъ Общество утверждаетъ. Замѣчанія ваши на счетъ причинъ, побудившихъ васъ къ тому, справедливы; впрочемъ, касательно первыхъ, т. е. молящихся патроновъ государя и государынь, скажу вамъ, что Общество, предлагая оный, имѣло въ виду открыть для васъ точно то же поле дѣйствія, которое имѣлъ Рафаэль. Madonna del Sisto есть одно изъ превосходнѣйшихъ твореній его. Производя «Патроновъ», вы должны возвыситься до Рафаэля и занять у него то, что составляетъ отличительное достоинство сего божественнаго творенья: величіе и изящнѣйшій стиль. Другой причиной предложенія сего Общества еще было: желаніе Общества, чтобы вы удалились отъ наклонности къ французскому стилю который теперь, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе виденъ во всѣхъ почти произведеніяхъ молодыхъ художниковъ. Теперь, когда вы будете имѣть случай войти совершенно въ духъ Рафаэля и когда познакомитесь короче съ красотами его произведенія, вы, конечно, изберете для себя пути, ведущіе къ истинному совершенству. Признательность и уваженіе къ вамъ будутъ наградою трудовъ вашихъ. Въ 4-хъ, Общество, продолжая вамъ пенсіонъ, надѣется, что время, которое будетъ дано вамъ для вашего усовершенствованія, вы употребите съ совершенною пользою для себя, и увѣряетъ васъ въ неизмѣнномъ своемъ къ вамъ вниманіи и покровительствѣ. Мнѣ весьма пріятно присовокупить, что Общество совершенно довольно вами; увѣдомленія о васъ самыя пріятнѣйшія радуютъ Общество, и оно находитъ большое удовольствіе въ томъ, что первый выборъ его палъ на васъ и вашего брата. П. Кикинъ.

51.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

17-го іюля 1825 г. Римъ.

Апрѣля 29-го дня сего 1825 года имѣлъ я честь получить предписаніе Общества поощренія художниковъ отъ 31-го января, въ коемъ оно объявляетъ свое согласіе на производство копіи «Аѳинской школы» Рафаэля и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляетъ желаніе, чтобъ я по окончаніи сей копіи произвелъ хотя одну значительную картину, пользуясь совѣтами знаменитаго кавалера Камуччини [1]) и изящными произведеніями, находящимися въ Римѣ. Общество при семъ обѣщаетъ продолжать мнѣ

[1]) См. письмо № 28.

пенсіонъ мой на такое время, какое нужно будетъ для окончанія таковой картины; не имѣю словъ для выраженія моей благодарности за сію великую милость, но все мое стараніе, всѣ силы мои будутъ устремлены къ тому, чтобы ревностнѣйшимъ исполненіемъ желаній почтеннѣйшаго Общества доказать оную на самомъ дѣлѣ и, наконецъ, заслужить справедливое вниманіе просвѣщенныхъ любителей искусствъ.

Предполагая впередъ, что прежде мая мѣсяца мнѣ невозможно получить разрѣшенія на мое предложеніе въ разсужденіи вышеупомянутой копіи, и, будучи впрочемъ совершенно увѣренъ въ согласіи Общества, я немедленно по отправленіи послѣдняго донесенія занялся приготовленіемъ нужныхъ для начатія оной работы матеріаловъ; но по неожиданнымъ препятствіямъ со стороны другихъ художниковъ, готовившихся работать въ той же залѣ, и по затрудненіямъ, поставленнымъ отъ мажоръ-дома, я не ранѣе могъ начать свою работу, какъ въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца. До сего числа у меня сдѣланъ весь абрисъ всей картины; мнѣ позволено будетъ при семъ замѣтить, что посредствомъ сей копіи я могу вполнѣ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что Общество имѣло въ виду, назначая мнѣ для сочиненія особенной картины сюжетъ подобный Рафаэлевой Мадоннѣ di S.-Sisto, что доставитъ мнѣ средства занять у Рафаэля то, что составляетъ его отличительное достоинство: величіе и изящнѣйшій стиль, и потомъ, чтобъ удалить меня отъ наклонности къ манеру французской школы, который теперь, къ сожалѣнію, дѣйствительно виденъ во многихъ произведеніяхъ молодыхъ художниковъ. На счетъ сего послѣдняго, смѣю увѣрить почтеннѣйшее Общество, что я не нахожу стиль французской школы такъ соблазнительнымъ, и что одно внимательное разсмотрѣніе произведеній итальянской школы уже достаточно, чтобы предохранить отъ сего временнаго повѣтрія.

Въ первыхъ числахъ апрѣля было здѣсь открытіе французской школы; всѣ работы пенсіонеровъ ея, казалось, какъ бы были однимъ написаны, такъ онѣ однообразны въ сочиненіи, рисункѣ и краскахъ! можно сказать, что только довольно исправный, а иногда и хорошій рисунокъ избавляетъ отъ рѣзкой критики.

Занятія мои въ продолженіе шести мѣсяцевъ состояли въ окончаніи работъ, означенныхъ въ послѣднемъ донесеніи [1]). Сверхъ того по неотступнымъ просьбамъ ея сіятельства графини Потоцкой долженъ я былъ сдѣлать ея портретъ; потомъ принцъ Мекленбургскій также занялъ меня своимъ портретомъ. Теперь, кромѣ вышеупомянутой въ Ватиканѣ копіи, я началъ нѣсколько картинъ во фламандскомъ родѣ (quadri di genere), и по желанію ея сіятельства графини (М. Д.) Нессельроде

---

[1]) См. письмо № 39.

я обѣщалъ ей написать пять картинъ, представляющихъ разныя національныя и характеристическія сцены Рима; его сіятельство князь Голицынъ пожелалъ также имѣть въ семъ родѣ двѣ картины; его превосходительство господинъ (Ѳ. В.) Самаринъ заказалъ мнѣ пять подобныхъ картинъ, а его превосходительство К. А. Нарышкинъ [1]) двѣ таковыхъ же картины, предоставляя избраніе сюжетовъ на мою волю. Почтеннѣйшее Общество не поставитъ мнѣ въ вину, что я, занимаясь въ семъ родѣ, нѣкоторымъ образомъ какъ бы отступилъ отъ настоящихъ моихъ занятій; всѣ сіи картины я надѣюсь окончить въ досужіе часы, нисколько не удѣляя времени отъ главнаго моего упражненія, ибо Ватиканская галлерея (кромѣ того, что по субботамъ и воскресеніямъ тамъ запрещается работать) бываетъ два раза въ недѣлю (въ понедѣльникъ и четвергъ) отъ полудня до вечера отворена для публики; такимъ образомъ, имѣя три дня въ недѣлю свободныхъ, но отрывками, и, слѣдовательно, неудобныхъ для какого-либо важнѣйшаго занятія, могу легко окончить всѣ предложенныя мнѣ работы въ теченіе одного года.

Впрочемъ, заслужить и оправдать оказанныя мнѣ Обществомъ милости есть всегдашняя цѣль моя; если же я оной и не достигну, то увѣренъ, что мои старанія достичь ее не останутся безъ вниманія. Въ сей увѣренности, предавая себя въ дальнѣйшее покровительство почтеннѣйшаго Общества и пр.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 383—385).

52.

А. П. Брюлловъ—матери.

18-го августа 1825 г., Неаполь.

Любезная матушка! Вотъ уже третій день, что я оставилъ свое тихое жилище бурнаго Неаполя и поселился внѣ города на дачѣ у одного проѣзжаго русскаго г-на Обрезкова [2]), который пригласилъ меня провести нѣсколько времени у него. Не думайте, чтобы я, начавъ дышать чистымъ лѣтнимъ воздухомъ, пилъ бы вмѣстѣ съ онымъ лѣность—это дитя спокойной, бездѣйственной жизни, которое, приманивая насъ своею обольстительною наружностью, усыпляетъ понемногу наши тѣлесныя и

---

[1]) Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ (1786 † 1838),—оберъ гофмаршалъ; президентъ придворной конторы; съ 24-го мая 1822 г. былъ членомъ Общества поощренія художниковъ.

[2]) Александръ Михайловичъ Обрезковъ (род. въ 1790 г., ум. въ 1885 г.), въ то время совѣтникъ нашего посольства въ Вѣнѣ; впослѣдствіи посланникъ въ Туринѣ.

душевныя силы и уничтожаетъ въ насъ всѣ способности дѣйствовать, а отнимая сіи качества, отнимаетъ половину цѣны нашей жизни. Нѣтъ! я хочу, желаю знать всю цѣну оной.—Пріѣхавъ сюда, привезъ я съ собой весь мой художническій арсеналъ и, имѣя особенную комнату, занимаюсь точно такъ, какъ въ городѣ, то-есть, цѣлый день. На сихъ дняхъ получилъ я предложеніе отъ королевы сдѣлать еще ея портретъ и портретъ ея дочери, которые онѣ хотятъ куда-то послать. Еще предстоитъ мнѣ работа сдѣлать портретъ жены умершаго короля и его дочери, но я постараюсь, если будетъ возможно, отказаться отъ сей работы, какъ равномѣрно отъ всѣхъ, впредь могущихъ встрѣтиться: опасаюсь быть принужденнымъ слишкомъ долго остаться въ Неаполѣ, что бы совсѣмъ не согласовалось съ моимъ намѣреніемъ будущимъ лѣтомъ сдѣлать вояжъ по сѣверной Италіи и во Францію. Но, впрочемъ, я теперь положительнаго намѣренія еще не имѣю въ ожиданіи рѣшенія Общества, которому не безызвѣстны мои занятія и намѣренія насчетъ будущаго.

Я писалъ вамъ въ предыдущихъ письмахъ, что король мнѣ препоручилъ налитографировать ихъ портреты: къ моему несчастію, моя боязнь, что они не удадутся, оправдалась, и я просилъ, чтобы сіи камни уничтожили. Недавно сдѣлалъ я портретъ принца Гессенъ-Кобургскаго, находящагося въ австрійской службѣ. Прощайте, любезные, прощайте; до свиданья! Весь вашъ Александръ Брюлловъ.

53.

Общество поощренія художниковъ К. П. Брюллову.

С.-Петербургъ 1825 г.

Послѣ двухъ почти лѣтъ нетерпѣливаго ожиданія, комитетъ Общества получилъ наконецъ картину вашу, изображающую итальянское утро въ видѣ дѣвушки, моющейся у фонтана. Прелестное произведеніе сіе плѣнило равно всѣхъ членовъ Общества, выборъ предмета и исполненіе онаго въ полной мѣрѣ заслужили общее одобреніе. Вы доказываете симъ произведеніемъ и ваши способности и ваше искусство. Живопись требуетъ вкуса чистаго, выполненія тщательнаго. Въ вашей картинѣ видны и тотъ и другое; но что всего болѣе радуетъ комитетъ Общества, то это то, что вашъ первый трудъ внѣ отечества доказываетъ ясно тѣ великія надежды, кои Общество въ правѣ имѣть на васъ впослѣдствіи, и кои безъ всякаго сомнѣнія вы совершенно оправдаете. Комитетъ нашелъ въ вашемъ произведеніи красоты высшей степени, особенно по части живописи, и нашелъ оное достойнымъ представленія

на благоусмотрѣніе ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Ея величество разсматривать изволила вашу картину съ особеннымъ удовольствіемъ и благоволила отдать (какъ оффиціально извѣщаетъ секретарь государыни императрицы) полную справедливость дарованіямъ и искусству вашему. При удобномъ времени комитетъ не оставитъ дать вашему прилежному произведенію приличное и сообразное съ достоинствомъ назначеніе. Доселѣ удерживался комитетъ съ отзывомъ своимъ къ вамъ, во-первыхъ, по отсутствію многихъ членовъ, а наконецъ, по причинѣ поразившей всѣхъ неописанной горестью кончины всемилостивѣйшаго государя императора Александра Павловича. Теперь же, не желая пропустить удобнаго случая къ вѣрному доставленію вамъ отзыва, комитетъ извѣщаетъ васъ о полученіи пріятнѣйшаго письма вашего отъ 17-го іюля [1]). Судя по образу мыслей вашихъ и занятій, Общество къ величайшему удовольствію своему убѣждается, что вы идете къ совершенству прямымъ путемъ и любите трудъ. Если будущіе шаги ваши равны будутъ первому шагу, то оно отъ васъ не далеко. Трудитесь: правительство, Общество и публика вознаградятъ васъ. Ведите при томъ себя такъ, какъ вели и доселѣ. Это главнѣйшая просьба людей, всею душой желающихъ вамъ добра. Вторая, и не менѣе усердная,—сообщать имъ о себѣ подробнѣе и о своихъ занятіяхъ сколько можно чаще и сколь можно подробнѣе.

(Напечатано впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 385—386).

54.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

17-го октября 1825 г., Римъ.

Симъ честь имѣю донести, что октября 2-го дня сего 1825 года полученъ мною отъ почтеннѣйшаго Общества поощренія художниковъ пакетъ съ приложеніемъ 250 червонныхъ.

Около сего жъ числа, извѣстившись здѣсь чрезъ коммиссіонеровъ г. де Сантиса о прибытіи работы моей въ Петербургъ и зная изъ многихъ примѣровъ, случавшихся съ художниками, отсылавшими въ Петербургъ свои работы, что оныя черезъ долгое время не были доставляемы въ надлежащее мѣсто и претерпѣвали значительно отъ сырости таможенныхъ складовъ, нахожусь принужденнымъ просить, дабы почтеннѣйшее Общество вытребовало изъ таможни мою картину и поручило кому-нибудь изъ художниковъ привести ее въ настоящее положеніе, если оная повредилась какимъ-либо образомъ.

[1]) См. письмо № 51.

Общество не преминетъ замѣтить въ сей картинѣ нѣкоторую перемѣну моего манера, а многіе можетъ быть найдутъ въ ней излишнюю отдѣлку подробностей и даже сухость; на сіе я и самъ согласился бы, когда былъ въ Петербургѣ и не видалъ еще Леонардо да Винчи, Рафаэля и прочихъ классическихъ мастеровъ, кои превосходятъ другихъ вѣрнымъ изображеніемъ натуры и тщательною обработкою всѣхъ тонкостей, какія только могутъ быть видимы простому глазу. Вникая въ ихъ произведенія, я увѣренъ, что сколько широкая и мягкая кисть нужна въ большихъ картинахъ, кои зритель не иначе можетъ видѣть, какъ на такомъ разстояніи, на какомъ всякая окончательность для него теряется, столько же или еще болѣе требуется строгая отдѣлка въ маленькой картинѣ, для разсматриванія коей должно приблизиться такъ, чтобы глазъ зрителя былъ занятъ одною ею. По симъ причинамъ предпринялъ я въ вышеупомянутой картинѣ сдѣлать опытъ сего рода живописи. При семъ препровождаю эскизъ заданной почтеннѣйшимъ Обществомъ картины, покорнѣйше при этомъ прося сообщить мнѣ свои на оный замѣчанія и увѣдомить также о назначеніи сей картины: если оная назначается для какой-либо церкви или инаго опредѣленнаго мѣста, въ такомъ случаѣ мнѣ необходимо знать ея мѣру.

Главное занятіе мое въ продолженіе сего времени состояло въ копированіи Рафаэлевой «Аѳинской школы», какъ о томъ уже имѣлъ честь доносить Обществу: по сіе число подмалевана почти половина всей картины.

(Напечатано впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года, томъ 35, стр. 386—387).

55.

А. П. Брюлловъ—матери.

2-го декабря 1825 г., Помпея.

Любезная маменька! Вотъ уже 6-й день, что я живу между развалинъ Помпеи, то-есть, я тамъ день работаю, а на ночь возвращаюсь въ ближайшій, на полчаса ходьбы, городокъ. Я думаю пробыть здѣсь еще около шести или семи дней, а можетъ быть и больше, если не успѣю кончить мою работу. Погода довольно дождливая, но, впрочемъ, не холодно. Я цѣлый день работаю на открытомъ воздухѣ и не зябну, а одѣтъ почти по-лѣтнему. Всякое утро отправляясь въ Помпею, прохожу чрезъ огороды и сады, изъ коихъ первые точно въ томъ положеніи теперь, какъ они у насъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Какъ бы я ни спѣшилъ на работу, никогда не могу сдѣлать этой дороги, чтобы не останавливаться нѣсколько разъ и не удивляться, хотя тѣмъ же, но для меня

безпрерывно новымъ своими прелестями видамъ, которые съ ходомъ солнца перемѣняютъ тысячи своихъ оттѣнковъ и каждую минуту представляютъ глазамъ любителя природы новыя прелести! Или когда облака, стелясь по горамъ, кидаютъ отъ себя широкія тѣни и, подобно дымкѣ на груди прекрасной, скрываютъ иныя ихъ прелести, но гонимыя вѣтромъ, удаляются медленно, какъ бы желая симъ показать скорбь свою, бывъ принуждены оставить сіи прекрасныя мѣста. Подобныхъ симъ, живописецъ можетъ найти безчисленныя перемѣны въ томъ же видѣ.— Вы, вѣрно, удивляетесь, что, работая въ Помпеѣ, ничего объ ней не сказалъ, измаравъ уже цѣлую страницу. Но, прошу васъ,—подождите немного: я еще нахожусь на дорогѣ, но уже близко, я выхожу на главную дорогу, ведущую къ городскимъ воротамъ; предо мною ряды гробницъ и памятниковъ, воздвигнутыхъ благодарными добродѣтели или пороку лестью; по правую сторону первое жилище—домъ Діомеда... Я забываю вѣкъ, въ которомъ живу, мечтаю видѣть сей городъ въ цвѣтущемъ его состояніи: толпы народа тѣснятся по узкимъ улицамъ... Но что это? Я вижу огненныя рѣки, вырывающіяся изъ огромнаго его жерла; онѣ стремятся, разливаются или поглощаютъ все встрѣчающееся и не находятъ препонъ своему стремленію, преходятъ границы земли, вступаютъ во влажныя нѣдра моря и только здѣсь находятъ себѣ подобнаго силою противника; кипящими волнами стремится вода отъ берега, но скоро возвращается съ удвоенною силой и останавливаетъ бѣгъ своего противника, и тихо плещетъ около черныхъ его скалъ. Межъ тѣмъ дождь песку, золы и камней засыпаютъ пышную Помпею; Помпея исчезаетъ предъ моими глазами. Діомедъ, не надѣясь найти спасенія въ роскошномъ своемъ жилищѣ, съ кошелькомъ золота въ рукахъ надѣется, по крайней мѣрѣ, спастись бѣгствомъ, но, утопая въ золѣ, лишается силъ, падаетъ и остается погребенный дождемъ Везувія. Я отвращаю взоръ свой отъ сего ужаснаго зрѣлища, встрѣчаю... сторожа, стараго инвалида: мечта исчезаетъ. И я тихо продолжаю путь между стѣнъ опустѣлыхъ домовъ. Все заставляетъ меня переноситься воображеніемъ въ первый вѣкъ, но каждую минуту долженъ вспоминать, что живу въ 19 столѣтіи, читая на сихъ развалинахъ отпечатокъ 18 вѣковъ. Вы, можетъ быть, желали бы вмѣстѣ со мной пройтись по Помпеѣ или чтобы я вамъ сдѣлалъ какое-нибудь описаніе, то возьмите лучше какое-нибудь сочиненіе антикваріевъ о Помпеѣ: оно, вѣрно, будетъ удовлетворительнѣе, чѣмъ мое (описаніе), а теперь я вамъ скажу только, что почти кончилъ рисунки одного изъ любопытнѣйшихъ остатковъ, отрытыхъ только за полтора предъ симъ года, и, немедленно сдѣлавъ ихъ начисто, съ первымъ случаемъ отправлю въ Петербургъ.

2-го января ѣду я въ большой компаніи въ Римъ. Третьяго дня получилъ я отъ брата вдругъ 3 письма, онъ здоровъ, работаетъ. Поцѣ-

луйте отъ меня сестеръ, кланяйтесь всѣмъ и скажите батюшкѣ, что я его съ каждымъ днемъ моей жизни болѣе и болѣе люблю. Александръ Брюлловъ.

56.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

2-го января 1826 г. Римъ.

Ваше превосходительство! 2-го октября получилъ я отъ Общества поощренія художниковъ пакетъ съ приложеніемъ 250 червонныхъ, также милостивое письмо вашего превосходительства, на которое намѣренъ былъ отвѣчать въ то же время, но былъ задержанъ случаемъ, могущимъ послужить къ сдѣланію письма сего не столько незначительнымъ. Прежде нежели приготовить письмо къ вашему превосходительству, я пошелъ посмотрѣть на постриженіе въ монахини, котораго еще никогда не видалъ, въ монастырь Bambino Gesù. Прелестная дѣвица вступила въ число прелестныхъ отшельницъ: ея рѣшительность, близость минуты, послѣ которой ни она уже не будетъ существовать для міра, ни міръ для нея, и сомнѣніе, что будетъ ли счастлива, принесши себя въ жертву фанатизму, болѣе огорчили, нежели растрогали душу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ, какъ вѣра укрѣпила и успокоила ее. Тутъ слезы были видны на глазахъ каждаго, и я, казалось мнѣ, не желалъ еще никогда никому болѣе счастья, какъ сей, на минуту явившейся и исчезнувшей навсегда. Сцена сія сильно впечатлѣлась въ моемъ воображеніи: я предпринялъ сдѣлать эскизъ и увѣренъ, что хотя какъ ни слабо выраженіе представляемаго дѣйствія, чего въ эскизѣ и требовать нельзя, но безъ сомнѣнія можетъ доставить нѣкоторое удовольствіе вамъ, что почту пріятнѣйшею для меня наградой.

57.

К. П. Брюлловъ—отцу.

24-го іюня 1826 г. Римъ.

Тысячу благодарностей приношу вамъ за пріятнѣйшее письмо ваше; никогда еще не ощущалъ я столь сильнаго удовольствія при полученіи писемъ; письмо ваше послужило мнѣ совершеннымъ бальзамомъ и истребило скуку, начинавшую, кажется, гнѣздиться во мнѣ.—По совѣту вашему, папенька, рѣшился я сдѣлать что-нибудь для Общества поощренія художниковъ. Сюжета еще не придумалъ. Копія моя съ «Аѳинской школы» Рафаэля (въ Ватиканѣ) идетъ къ концу. Все, кажется,

идетъ своимъ порядкомъ, только Ванька [1]) меня безпокоитъ немного, и я ничего не могу сказать другого, какъ, что науки вреда принести ему не могутъ, а пользы много и всегда, а художество есть дѣло рискованное. У него не будетъ брата Өедора въ Академіи, безъ котораго мы не были бы изъ лучшихъ въ нашемъ возрастѣ и не имѣли бы того поощренія въ трудахъ, которое заставляетъ забывать трудности достиженія цѣли. Припомните всѣ обстоятельства жизни нашей въ Академіи, и вы убѣдитесь совершенно, что случай сдѣлалъ больше, нежели сколько вы ожидали. Если жъ увидите въ немъ не одну дѣтскую наклонность малевать картинки, то-есть, солдатиковъ и сему подобное, то, какъ мнѣ кажется, можно будетъ занимать (его) начальнымъ основаніемъ сего искусства, и если онъ успѣетъ довольно или (настолько), чтобы (быть) лучше всѣхъ товарищей при вступленіи въ Академію, въ такомъ случаѣ можно будетъ ручаться за хорошія и успѣшныя послѣдствія.—Вы извините меня, что письмо такъ перечеркнуто, причиной сему слѣдующее: я пришелъ звать брата Александра къ обѣду, а онъ меня засадилъ писать письмо—поспѣшность, аппетитъ и при томъ важность матеріи—все сіе меня разстраивало. Кажется, причины довольно ясныя и основательныя. Братъ идетъ на почту отнести письмо. Прощайте, остаюсь много почитающій и любящій сынъ вашъ Карлъ Брюлловъ.

58.

П. А. Кикинъ—А. П. Брюллову.

30-го сентября 1826 г. С.-Петербургъ.

Любезный Александръ Павловичъ! По справедливости долженъ начать письмо мое словомъ: «виноватъ». Точно, виноватъ, не писавъ къ тебѣ, безъ всякой отговорки, но съ твоей стороны ты будешь несправедливъ и еще болѣе виноватъ передо мною, если, хотя на минуту, могла къ тебѣ притти мысль, что не хотѣлъ (писать) или забылъ васъ.—Нѣтъ, я безъ причины не перемѣняюсь ни въ чемъ и никогда, а забыть васъ невозможно, ибо умѣете напоминать о себѣ такимъ пріятнымъ и лестнымъ, даже для самихъ насъ, образомъ. Повѣрь, что сто разъ собирался и, желавъ писать много, день за день отлагалъ, а заботы безпрестанныя, болѣе и болѣе умножавшіяся, не мало къ тому способствовали. Нынѣ вновь попалъ въ казначеи [2]) и опять уже и по долгу званія вступаю въ сношеніе (съ вами). Прилагаю при семъ полугодичную

[1]) Иванъ Павловичъ Брюлло, младшій братъ Карла Павловича.
[2]) Общества поощренія художниковъ.

сумму, 126 червонцевъ, переведенную по курсу на франки. Увѣдомь Общество о полученіи. Въ разсужденіи какъ тебя, такъ и брата твоего, скажу чистосердечно, что Общество вами не токмо утѣшается, но считаетъ себя за попеченіе свое и участіе о васъ вполнѣ награжденнымъ: успѣхами и поведеніемъ вашимъ радуясь, полагаетъ большія надежды впередъ, исполненіе коихъ зависитъ уже собственно отъ постоянства вашего. Я въ особенности про себя вижу ясно, что доброе намѣреніе не остается безъ покровительства свыше. Продолжай, любезный Александръ, какъ началъ, образовывай умъ, возвышай душу, будь отличенъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ и нераздѣльно, ибо ущербъ одного не можетъ иначе быть, какъ со вредомъ другаго. Изящное нераздѣльно; въ природѣ во всемъ—цѣпь. Я тебѣ совѣтую не какъ токмо членъ Общества, не такъ, какъ человѣкъ, желающій умствовать, но истинно по чувствамъ и отъ души, усердіемъ и желаніемъ вамъ добра преисполненной. Смотри и слушай все съ примѣчаніемъ; но повѣрь послѣ все съ чувствами и разсудкомъ собственнымъ: тогда токмо извлечешь пользу. Чуждайся самолюбія и пристрастія какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ; бесѣдуй съ мертвыми и пользуйся опытами ихъ. Ты теперь въ землѣ разврата [1]): берегись нечувствительно заразиться. Да сохранитъ тебя Богъ отъ космополитства! (Оно)—общее все разрушающее бѣдствіе нынѣшняго времени, источникъ коего—злоупотребленіе такъ неправильно называемымъ просвѣщеніемъ. Кто затворитъ сердце къ первѣйшей и священнѣйшей обязанности его, кто заглушитъ чувства къ внушеніямъ истиннымъ, впечатлѣннымъ въ насъ самою природою или, лучше сказать, Провидѣніемъ (человѣку предпочтительно благоволящимъ), тотъ съ хладнымъ умствованіемъ своимъ останется всегда презрительнымъ, ибо расторгнетъ связь общественную; тотъ устранится отъ собственнаго предназначенія человѣка и, содѣлавшись единицей во всемъ мірѣ, не можетъ и не долженъ ожидать къ себѣ ни любви, ни уваженія другихъ потому, что самъ нарушитъ взаимность; (онъ) будетъ пресмыкаться на землѣ, лишась наслажденій истинныхъ; душа его не взыграетъ къ Источнику своему и сердце не растворится усладительною для него пищей. Если Провидѣніе ниспосылаетъ дары свои на насъ, то для того ли, чтобы мы питали одно хладное самолюбіе свое? и можетъ ли цѣль его быть во вредъ намъ? Напротивъ, не потребуется ли отчетъ въ употребленіи ихъ (т. е. даровъ Провидѣнія) къ пользѣ общей? Вотъ, мой другъ, мысли, вырвавшіяся изъ с е р д ц а моего, а не изъ головы, которую стараюсь всегда подчинять ему и на немъ единственно основывать все блаженство жизни моей. Конечно, никто и вы сами не желаете болѣе

[1]) Т. е. Франціи. Александръ Павловичъ Брюлловъ находился въ то время въ Парижѣ.

собственной пользы вашей, какъ я, и тѣмъ-то (т. е. потому-то) полагаю себя въ правѣ говорить откровенно. Итакъ, повторяю тебѣ, старайся замѣчать все, что нужно для усовершенствованія дарованій твоихъ, не теряй драгоцѣннаго и ничѣмъ невозвратимаго времени,—смотри, слушай, читай, постарайся пріобрѣсть то, въ чемъ существенный видится недостатокъ въ нашихъ художникахъ, т. е. недостатокъ основныхъ свѣдѣній. Пройди нужные курсы зодчества въ обширномъ смыслѣ его. Не довольствуйся соблазномъ одного рисунка, научись математическому исполненію и положительныхъ законовъ производства. Но береги паче всего основаніе твое, сохрани себя отъ разврата не столько тѣлеснаго, сколь душевнаго. Вспомни Вейса, но токмо въ хорошемъ. Tout homme doit au public le tribut de son activité et doit s'éfforcer de laisser des traces honorables de son existence. Возвратись къ намъ съ факеломъ просвѣщенія въ художествахъ, но и съ пламенемъ любви въ сердцѣ къ отечеству и соотечественникамъ; тогда въ старости моей буду благословлять тотъ день, въ который узналъ васъ. Прощай, пиши ко мнѣ, если хочешь, но отъ меня часто не ожидай, ибо лѣнивъ, а при томъ не умѣю удерживать себя и завлекаюсь, чему служитъ доказательствомъ и настоящее посланіе.—Нелицемѣрно доброжелательствующій тебѣ Петръ Кикинъ.

59.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

24-го октября 1826 г. Римъ.

По отправленіи послѣдняго моего донесенія [1]) я немедленно занялся картиною, въ томъ донесеніи означенною; но, нашедшись нынѣ принужденнымъ оную оставить и перемѣнить сюжетъ, почитаю долгомъ предувѣдомить о семъ почтеннѣйшее Общество. Причина, побудившая меня къ такой перемѣнѣ, состоитъ въ томъ, что я, при оканчиваніи картины, никоимъ образомъ не могъ удовлетворить своимъ требованіямъ въ разсужденіи огненнаго освѣщенія. Разсматривая при томъ произведенія извѣстнѣйшихъ мастеровъ, представлявшихъ подобныя сцены, я усумнился въ возможности изобразить таковое освѣщеніе сходно съ натурою и потому не захотѣлъ болѣе бороться съ трудностями, которыя едва-ли преодолѣть можно, и жертвовать для того временемъ, которое можно употребить съ большею пользою. Новый избранный мною сюжетъ пред-

---

[1]) Это донесеніе не дошло до Общества и, повидимому, затерялось въ дорогѣ. (Примѣч. В. В. Стасова).

ставляетъ собраніе винограда: молодая дѣвушка стоитъ на лѣстницѣ, подъ виноградникомъ, съ корзинкою на лѣвой рукѣ, правою же отламываетъ кисть винограда. Если сей сюжетъ и не столь придетъ подъ пару «Итальянскому утру», сколько прежній, за то я могу надѣяться болѣе въ ономъ успѣть и счастливѣе провести оный къ окончанію. Впрочемъ, онъ можетъ быть названъ «Полднемъ». Для вѣрнѣйшаго расположенія тѣней и свѣта, я работаю сію картину подъ настоящимъ виноградникомъ въ саду. Вниманіе, коимъ почтеннѣйшее Общество удостоило первые мои труды, и желаніе заслужить равно и въ семъ случаѣ одобреніе господъ членовъ онаго служатъ мнѣ поощреніемъ къ преодолѣнію трудностей, съ симъ предметомъ сопряженныхъ.

Между тѣмъ, я продолжаю также оканчивать мою копію съ «Аѳинской школы», но большую часть времени занимаюсь вышеозначенною работою и надѣюсь черезъ два мѣсяца привести ее къ окончанію; такимъ образомъ, весною будущаго 1827 года можно будетъ оную сдать для пересылки въ Петербургъ.

(Напечатано въ «Русск. Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 388).

60.

К. П. Брюлловъ—отцу.

Римъ 1826 г.

Любезный батюшка! Плачъ и огорченія мои умножились, прочитавъ [1]) послѣднія строки вашего письма, въ коихъ вы пишете, по словамъ Александра Тона, что я не нахожу за нужное писать, ибо ко мнѣ не пишутъ. Правда, я сказалъ это, но по тому, что мнѣ очень страннымъ казалось приписывать въ письмахъ постороннихъ людей къ моимъ родственникамъ и я въ скорости не могъ дать лучшаго отвѣта господину услужливому Тону, вѣроятно, не могшему наполнить письма своего. Одно меня успокаиваетъ, что вы знаете совершенно нашу привязанность и почтеніе къ родителямъ, которое вы, любезный батюшка, и покойная матушка умѣли вселить въ насъ навсегда. Если жъ я не пишу чаще, то по причинѣ не той же, по какой и ко мнѣ не пишутъ; вы себѣ представить не можете мое огорченіе, когда узналъ я, что предпослѣднее письмо ваше къ брату черезъ Римъ было доставлено въ Неаполь. Развѣ я не имѣю того же права получать сіе удовольствіе? Я не говорю вамъ, любезный батюшка, но братьямъ, сестрамъ, и не иначе прошу имъ, какъ не получу съ нихъ обѣщаніе писать ко мнѣ часто и

---

[1]) Т. е. когда я прочиталъ.

очень часто; прошу васъ, батюшка, растолковать имъ, какое удовольствіе чувствуетъ человѣкъ въ отдаленіи отъ своего семейства при полученіи письма, заключающаго въ себѣ хоть одинъ титулъ «любезнаго брата». Можетъ быть, увѣщанія ваши на нихъ подѣйствуютъ, и я буду имѣть средство по временамъ быть спокойнѣе и забывать на время скуку, обременившую меня совершенно. Еще прошу васъ, любезный батюшка, попросить Петра Андреевича Кикина потрудиться переслать съ первымъ курьеромъ какой-нибудь поминокъ отъ нашей любезной матушки: или кольцо, или что-нибудь изъ вещей, оставленныхъ ею, что̀ можетъ меня осчастливить въ теперешнемъ положеніи. Я надѣюсь, что Петръ Андреевичъ не откажется сдѣлать мнѣ это удовольствіе, сдѣлавши уже столько для насъ благодѣяній, которыя, и при всей моей горести, я не могу не чувствовать вполнѣ; но скажу рѣшительно, что я никогда не принялъ бы сихъ благодѣяній, еслибъ зналъ, что не найду въ живыхъ той, воспоминаніе о коей будетъ вѣчно неизгладимо въ моемъ сердцѣ [1]). Очень увѣренъ, батюшка, что перенесли вы (потерю матери) съ твердостью, свойственной вашей опытности, но не обманывайте себя, что вы спокойны: дайте лучше волю вашей горести и ищите разсѣянія въ кругу васъ любящаго семейства. Я смѣю совѣтовать потому, что желаю слышать скорѣй о вашемъ успокоеніи; берегите себя для дѣтей, ненаружно васъ любящихъ,—вы отъ меня никогда не видали наружныхъ знаковъ привязанности, но увѣренъ совершенно, что знаете хорошо сердце сына вашего Карла.

61.

К. П. Брюлловъ—А. П. Брюллову.

(Январь, 1827 г. Римъ).

Ты очень ошибаешься, если думаешь, что ущербъ кошелька можетъ заставить меня преодолѣть слишкомъ закоренѣлую лѣнь, дѣйствія коей однакожъ гораздо слабѣе закоренѣлой дружбы, которая хоть и не всегда беретъ верхъ надъ гигантической моей лѣнью, но умѣетъ побѣдить ее въ случаяхъ необходимыхъ, какъ, напримѣръ, теперь. Чтобы доказать тебѣ, что вторая закоренѣлость превозмогаетъ первую, пишу отвѣтъ тотчасъ по полученіи твоего подъяческаго письма, которое однакожъ показываетъ (т. е. выказываетъ въ тебѣ) добраго адвоката, и я тебѣ охотно прощаю не совсѣмъ благородно придуманный крючокъ.—Pace! (Миръ!)—Новостей никакихъ нѣтъ (кромѣ), какъ только, что г. п(олковникъ) Винсперъ очень часто обѣдаетъ съ нами, также и г. Волковъ

[1]) Говорится о смерти матери, скончавшейся 18-го декабря 1825 г.

Ты можешь посудить, какъ пріятно проводятся часы, улучшенные присутствіемъ сего свѣтскаго философа, т. е. Роберта Антоновича (Винспера!) [1]). Онъ проситъ тебя купить лексиконъ французскій и при семъ прилагаетъ адресъ сей книги, которую проситъ переслать въ посольство въ Римъ на имя его превосходительства Андрея Яко(влевича) Италинскаго. Прощай, будь здоровъ и дѣятеленъ. Тебя любящій братъ Карлъ.

62.

К. П. Брюлловъ—Обществу поощренія художниковъ.

10-го марта 1827 г. Римъ.

Января 17-го дня сего 1827 года, я имѣлъ честь получить предписаніе Общества поощренія художниковъ съ полугодичнымъ моимъ пенсіономъ, составляющимъ 125 червонныхъ, и при семъ пакетъ съ 100 червонными на имя г. Бруни, коему и доставилъ оныя по принадлежности.

Меня весьма удивило, прочитавъ, что Общество до сихъ поръ не имѣло отзыва на его предписаніе отъ 31-го марта, въ коемъ, по волѣ государя императора, оно поручило мнѣ написать для его величества картину подъ пару «Итальянскому утру», ибо я немедленно по полученіи предписанія занялся выборомъ сюжета, который могъ бы представлять «Итальянскій вечеръ», и въ то же время имѣлъ честь донести почтеннѣйшему Обществу о слѣдующемъ сюжетѣ, взятомъ мною съ натуры, подобно первому: молодая дѣвушка, возвратившись домой по окончаніи праздника, подходитъ къ окну, чтобъ оное запереть; держа въ одной рукѣ лампу, другою дѣлаетъ итальянскій знакъ привѣтствія лицу, предполагаемому внѣ дома. Послѣ сего, другимъ донесеніемъ отъ 24-го октября, я увѣдомлялъ о перемѣнѣ сюжета и о причинѣ, къ тому меня побудившей, а именно, что, начавъ работать сію картину, я увѣрился въ невозможности приблизиться достаточно къ натурѣ на счетъ огненнаго освѣщенія [2]). Новый избранный мною сюжетъ представляетъ собраніе винограда при полдневномъ освѣщеніи, о чемъ я тогда же имѣлъ честь донести.

Почтеннѣйшее Общество пишетъ также, что не имѣло отвѣта на другое предписаніе свое, содержащее утвержденіе эскиза, представляю-

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что Р. А. Винсперъ былъ, между прочимъ, однимъ изъ основателей и управляющимъ мастеромъ масонской ложи „св. Георгія Побѣдоносца на востокѣ Мобежа“ (см. „Русск. Архивъ“ 1865 г., стр. 1091—2).

[2]) См. письмо № 59.

щаго «Благословеніе дѣтей», и препорученіе на новую картину, коей сюжетъ оно предоставляло на мой выборъ, съ условіемъ, чтобы въ оной были помѣщены двѣ фигуры въ естественную величину. На сіе я долженъ отнестись, что ни о семъ новомъ порученіи, ни объ утвержденіи перваго эскиза никакимъ предписаніемъ я не былъ увѣдомленъ, а потому и полагаю, что бумаги сіи въ какомъ-либо мѣстѣ задержаны или затеряны. Когда пріищу для сей новой картины сюжетъ, который могъ бы меня остановить и удовлетворить всѣмъ требованіямъ, то не замедлю представить оный вмѣстѣ съ эскизомъ на утвержденіе Обществу.

Теперь главное мое занятіе состоитъ въ оканчиваніи картины для его величества. Нашедши, что невозможно заниматься съ равной удачей въ одно и то же время двумя предметами, требующими равно особеннаго вниманія, я оставилъ копію «Аѳинской школы» до того времени, пока не окончу вышеупомянутой картины. Тогда по днямъ, въ которые Ватиканъ бываетъ запертъ, я могу начать картонъ для картины, представляющей Спасителя съ младенцами [1]), для коей между тѣмъ приготовляю матеріалъ.

(Напечатано впервые въ «Русск. Вѣстн.» 1861 г., т. 35, стр. 389—390).

63.

П. А. Кикинъ—А. П. Брюллову.

7-го апрѣля 1827 г. С.-Петербургъ.

Несмотря (на то), что послалъ къ тебѣ отношеніе отъ Общества, любезный Александръ, пишу къ тебѣ еще отъ себя съ тѣмъ, чтобы подтвердить приложить (sic) съ твоей стороны возможное стараніе, дабы изданіе твое [2]) было сколь возможно лучше и достойное государя, иждивеніемъ котораго оно дѣлается. Тысяча или двѣ не составитъ разницы и не твоя бѣда, а между тѣмъ тебѣ же и честь и слава.—Не посрамимъ имени русскаго!—Какъ гравировка, такъ и печатаніе должно быть отлично, и текстомъ не пренебреги, а посовѣтуйся хорошенько съ кѣмъ нужно. Приписанная смѣта твоя ничего не значитъ; государь повелѣніе далъ, и потому запросъ о цѣнѣ былъ токмо въ томъ видѣ, чтобъ перевести деньги. Государь же сказалъ, что онъ хочетъ, чтобы было токмо хорошо.

Позаботься узнать и напиши мнѣ, какъ бы сдѣлать, чтобъ наше

---

[1]) Т. е. „Благословеніе дѣтей“.

[2]) Говорится объ изданіи „Помпейскихъ термъ“, исполнявшемся въ Парижѣ.

изданіе «С.-Петербургскихъ зданій», уже оконченныхъ (кромѣ описанія долженствующихъ выйти впослѣдствіи)—сбыть въ большемъ количествѣ въ Парижѣ и Лондонѣ. Не возьмутъ ли книгопродавцы? Оно состоитъ изъ 4-хъ тетрадей въ 80-ти листахъ, а предметовъ до 100. Цѣна бумажками 100 рублей. Нельзя дешевле, а любопытно, особенно для иностранцевъ. Ты не пишешь, началъ ли ты заниматься механикой литографіи и пересылать ли къ тебѣ деньги, Энгельманомъ [1]) назначенныя (1.200 франковъ). Вообще не пишешь о своихъ занятіяхъ. Что касается до желанія твоего быть императорскимъ архитекторомъ, то долженъ откровенно тебѣ сказать, что ты предметъ сей не обдумалъ, ибо, не сдѣлавъ ничего, даже ни малѣйшаго проекта, кто и почему могутъ тебя даже подозрѣвать архитекторомъ, а тѣмъ болѣе архитекторомъ изящнымъ и опытнымъ. Ты извѣстенъ за весьма хорошаго рисовальщика и можешь несомнѣнно быть хорошимъ живописцемъ по перспективѣ и пейзажной части и то, когда хорошенько симъ займешься; по части же архитектуры, хотя также извѣстно, что хорошо учился, и по письмамъ твоимъ увѣряемся также, что хорошо и понимаешь вещь, но въ исполненіи ничѣмъ не занимался и ничего не сдѣлалъ. Сколько разъ (и съ самаго начала) писали мы тебѣ о составленіи проекта театра, но ты не выполнилъ, какъ сего, такъ и другаго, въ семъ родѣ, ничего не сдѣлалъ. Наше намѣреніе было для твоей же пользы, а теперь, оставшись въ бездѣйствіи, помышляешь уже быть на первомъ мѣстѣ сего труднаго званія. Ты, конечно, увѣренъ, что я тебя люблю и что наше самолюбіе даже заложено въ васъ, но тѣмъ болѣе слѣдуетъ остерегать и направлять васъ къ прямой вашей цѣли. Безъ труда ничто не пріобрѣтается, и потому трудись, пользуйся временемъ и молодостью и случаемъ; не слишкомъ довѣряй себѣ, учись и совѣтуйся, и впослѣдствіи токмо пожнешь плоды. Каковы бы ни были природныя дарованія, Боже упаси, на нихъ обнадежиться: какъ бы почва не была хороша, но воздѣлываніе необходимо. Сколько самонадѣяніе погубило талантовъ рѣшительныхъ, природныхъ!

Прощай; увѣрься, что ты самъ себѣ не желаешь болѣе, какъ тебѣ Петръ Кикинъ.

64.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

12-го ноября 1827 г. Римъ.

Ваше превосходительство, милостивый государь Петръ Андреевичъ! Причиной моей медленности въ письмѣ было желаніе сдѣлать письмо

[1]) Годфруа Энгельманъ (1788 † 1839),—одинъ изъ учредителей литографіи въ Парижѣ.

мое сколько-нибудь пріятнѣйшимъ, и не находя способовъ оному въ перѣ, намѣренъ былъ приложить къ оному рисунокъ какой-нибудь интересной сцены подобно рисунку, представляющему постриженіе монашенки, которой, какъ ваше превосходительство выразились въ письмѣ вашемъ, доставилъ вамъ не малое удовольствіе, что̀ принимаю какъ величайшую награду за слабый трудъ мой. Прочитавши письмо ваше съ чувствомъ благодарности, которое напрасно бъ старался выразить непокорнымъ моимъ перомъ, положилъ за непремѣнное посылать вамъ съ каждымъ письмомъ и рисунокъ въ замѣну моей мѣшкотности; намѣреніе сіе казалось мнѣ весьма легкимъ въ произведеніи въ дѣйствіе, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ противное; будучи занятъ важными работами, не могъ удѣлить времени для вашего рисунка. Привыкши выпускать труды своихъ рукъ, которые бы заслуживали хотя нѣсколько счастливое мнѣніе публики обо мнѣ, не могъ рѣшиться сдѣлать что-нибудь какъ-нибудь и, ожидая вдохновенія, дождался до того, что посторонніе люди должны увѣдомлять обо мнѣ, и, не желая вторичнаго упрека, спѣшу увѣдомить ваше превосходительство, что я занимаюсь (не прибавляя) какъ должно, что̀ нѣсколько оправдываетъ меня въ собственныхъ глазахъ моихъ. Копія «Аѳинской школы», приведенная почти къ концу, начинаетъ меня радовать, воображая, какую пользу можетъ доставить она начинающимъ и даже окончившимъ курсъ художникамъ. Сіе единственное твореніе генія, преисполненное глубочайшаго разсудка и обработаннѣйшаго вкуса, ведетъ художника гораздо надежнѣе къ цѣли, нежели всѣ академіи (по заведеніи коихъ не видимъ мы болѣе и тѣни художниковъ 15-го столѣтія) [1]; одно желаніе мое теперь есть, чтобъ копія сія поставлена была въ академію, гдѣ бъ она служила для учащихся, художественной философіей.

Картину подъ пару «Итальянскому утру» окончилъ въ іюнѣ мѣсяцѣ но не могъ послать по причинѣ свѣжести красокъ, и отложилъ посылку оной до возвращенія изъ Неаполя; пробывши тамъ іюль и августъ, надѣюсь провести сіе жаркое время съ большею пользой въ вояжѣ, среди развалинъ Помпеи и Геркуланума, нежели въ раскаленномъ Римѣ и въ бездѣйствіи, съ головною болью, которая увеличилась до того, что я нерѣдко долженъ былъ оставлять мои занятія. Здѣшніе доктора, довольно опытные, совѣтовали мнѣ пользоваться морскими ваннами: опытъ совершенно оправдалъ ихъ мнѣніе, я почти совершенно освободился отъ болѣзни, обременявшей меня съ дѣтскихъ лѣтъ; возвратясь изъ Неаполя въ концѣ августа, передалъ картину для госу-

---

[1]) Брюлловъ, конечно, хотѣлъ сказать XVI-го столѣтія. Здѣсь онъ слѣдовалъ привычкѣ итальянцевъ, которые называютъ художниковъ XV-го вѣка—quatrocentisti, а XVI-го cinquecentisti. (Примѣч. В. В. Стасова).

даря императора для пересылки въ Петербургъ, на имя вашего превосходительства. Ожидаю съ нетерпѣніемъ доставленія оной на мѣсто; страхъ или сомнѣніе не удовлетворить ожиданію публики, можетъ быть, мѣшали мнѣ видѣть ее въ настоящемъ видѣ, почему смѣю просить васъ не лишать меня вашихъ и почтеннѣйшаго Общества замѣчаній, коими впредь буду стараться воспользоваться.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861, т. 35, стр. 391—392).

65.

К. П. Брюлловъ—Обществу поощренія художниковъ.

19-го ноября 1827 г. Римъ.

Августа 17-го числа сего 1827 года я имѣлъ честь получить отъ почтеннѣйшаго Общества поощренія художниковъ на имя мое предписаніе съ приложеніемъ векселя въ 250 червонныхъ за сей текущій годъ. При семъ Общество обѣщаетъ продлить мнѣ пенсіонъ, доселѣ мною получаемый, еще на годъ и желаетъ знать, достаточенъ ли сей срокъ на окончаніе моихъ работъ: «Аѳинской школы» и двухъ картинъ, заказанныхъ почтеннѣйшимъ Обществомъ.

На сіе имѣю честь донести, что «Аѳинскую школу» я надѣюсь кончить въ декабрѣ нынѣшняго года. Копія сія могла бы уже быть кончена, если бы наступившіе жары не прервали моихъ занятій въ Ватиканѣ и не ограничили ихъ въ одной мастерской. Здѣсь, окончивъ картину подъ пару «Итальянскому утру», которую не могъ послать тогда же по причинѣ свѣжести красокъ, я рѣшился воспользоваться продолжающимся лѣтомъ, чтобы осмотрѣть Неаполь и его древности, полагая сіе необходимымъ для всякаго художника. Возвратившись въ Римъ, я немедленно передалъ сію картину извѣстному здѣсь коммиссіонеру господину де Сантису для пересылки въ Петербургъ, адресовавъ на имя его превосходительства Петра Андреевича Кикина.

Отъ начала іюля до конца августа мѣсяца пробылъ я въ Неаполѣ. Краткость времени не позволила мнѣ видѣть ни всѣхъ островов, ни многихъ окрестностей города, вообще славныхъ въ мірѣ своими прелестными видами; но я старался извлечь всю возможную пользу изъ сего путешествія, наблюдая все, что имѣетъ непосредственную связь съ моимъ художествомъ. Въ особенности же старался я болѣе ознакомиться съ древностями Бурбонскаго музея, единственнаго по своему собранію вазъ, бронзъ и фресокъ, найденныхъ при открытіи Геркулана и Помпеи. Разсматривая сіи послѣднія, я встрѣтилъ сюжетъ, могущій удовлетворить требованію почтеннѣйшаго Общества, заказывающаго

мнѣ картину, съ условіемъ, чтобы я помѣстилъ въ оной двѣ или три фигуры нагія. Фрескъ сей представляетъ похищеніе нимфами Гиласа, друга Геркулесова. Сочиненіе онаго весьма слабое, рисунокъ весьма неисправный, но сюжетъ самый я нахожу прекраснымъ, и, избравъ оный для произведенія требуемой отъ меня картины, осмѣливаюсь предложить его почтеннѣйшему Обществу на одобреніе. Между тѣмъ я уже занялся сочиненіемъ эскиза для сей картины. Намѣреваюсь начать оную тотчасъ по окончаніи копіи «Аѳинской школы» и обѣщаю почтеннѣйшему Обществу употребить всѣ мои силы, чтобъ окончить въ назначенный въ послѣднемъ предписаніи срокъ. Впрочемъ, могу утверждать навѣрное, что буду въ состояніи исполнить, ибо подобныя предпріятія (какъ то не безызвѣстно) много зависятъ отъ непредвидѣнныхъ затрудненій: въ такомъ случаѣ, смѣю надѣяться, что почтеннѣйшее Общество не откажетъ въ нужномъ пособіи.

(Напечатано впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 390—391).

66.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

29-го февраля 1828 г. Римъ.

Ваше превосходительство милостивый государь Петръ Андреевичъ! Въ послѣднемъ письмѣ изъявили вы желаніе имѣть отъ меня картину изъ масла; я не имѣлъ тогда времени, почему и не могъ обѣщать. Теперь же, будучи занятъ одной только картиной для Общества поощренія художниковъ, могу удѣлить время, полагая, что нельзя будетъ заниматься безпрерывно одной работой, почему и прошу ваше превосходительство увѣдомить меня о родѣ, въ какомъ желаете имѣть картину: въ историческомъ, или въ какомъ написаны для графини Нессельроде; также смѣю просить увѣдомить о величинѣ и о сюжетѣ, если имѣете оный на примѣтѣ, чѣмъ сократите для меня много времени для пріисканія онаго; вамъ не безызвѣстна моя мѣшкотность насчетъ сего, особливо судя по послѣдней моей картинѣ, подъ пару «Итальянскому утру», для котораго избраніе сюжета мнѣ стоило болѣе времени, нежели самое произведеніе. Но въ оправданіе сего скажу, что весьма затрудняло меня найти равный интересъ въ дѣйствіи, повторяя почти тотъ же предметъ. Трудность сего я избѣжалъ; не знаю, всегда непостоянная публика будетъ ли довольна сею работою, какъ первою. По крайней мѣрѣ я прилагалъ все мое стараніе, въ награду чего надѣюсь пользоваться замѣчаніями просвѣщенныхъ любителей. Ваше превосходительство по непремѣнной благосклонности вашей къ намъ не откажетесь написать,

не щадя честолюбія художника, замѣчаній какъ господъ любителей, такъ и господъ художниковъ на счетъ сей работы, зная, какую пользу приноситъ неослѣпленному артисту справедливая критика.

Я, сдѣлавши покупки, состоящія изъ двухъ манекеновъ, цѣна коихъ превзошла 2.000 франковъ, въ томъ числѣ нѣсколько книгъ по части художествъ, посему намѣревался употребить въ пользу полученный мною перстень; но даваемая за него цѣна составляетъ менѣе половины петербургской оцѣнки, почему я нахожусь принужденнымъ просить ваше превосходительство, если только возможно, обмѣнять его на деньги, хотя бы съ процентами, по уложенію Кабинета; надѣюсь, что ваше превосходительство одобрите таковое употребленіе съ пользою изъ царскаго подарка. Если же ваше превосходительство найдете сію мѣну сколько-нибудь затруднительною, въ такомъ случаѣ рѣшаюсь уплатить изъ заработанной мною маленькой суммы, которая могла бы служить для переду основаніемъ, о чемъ я всегда забочусь по возможности, слѣдуя вашимъ отцовскимъ наставленіямъ, кои для меня пребудутъ навсегда незабвенными.

(Напечатано впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 392—393).

67.

К. П. Брюлловъ—Ѳ. П. Брюлло.

(Мартъ, 1828 г. Римъ).

Любезный братъ! Письмо твое убѣдительное, страшное, сильное и забавное немного меня испугало, но, можетъ быть, недостаточно было сильно заставить меня писать, если бы Варвара Алексѣевна—дочь Алексѣя Николаевича Оленина [1], не очинила мнѣ пера и не дала мнѣ бумаги, присоединивъ къ сему нѣсколько словъ,—резонъ, да еще отъ такой доброй дамочки, кого не убѣдитъ! Я сажусь, приготовляюсь писать и не знаю что̀.

Мнѣ кажется, что ты и домашніе знаютъ мое положеніе не хуже меня самого отъ вояжеровъ, которые возвращаются въ Петербургъ. Но что̀ меня удивляетъ (такъ это то), что въ письмѣ изъ Петербурга, полученномъ мной за день до отправленія твоего ко мнѣ, помѣщены упреки ко мнѣ за молчаніе, и что́ еще хуже,—что не знаютъ, что̀ отвѣчать государю: начата ли картина подъ пару «Итальянскому утру», (тогда) какъ я уже три раза увѣдомлялъ оффиціально Общество объ избраніи

[1]) Варвара Алексѣевна Оленина—одна изъ дочерей А. Н. Оленина,—родилась 3-го февраля 1802 г., ум. 15-го сентября 1877 г.; похоронена на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

*

перваго сюжета, о перемѣнѣ его и о причинахъ, меня къ тому побудившихъ, и, наконецъ, въ концѣ августа (1827 г.) я передалъ самую картину коммиссіонеру де-Сантису, вслѣдъ чего немедля отправилъ также и донесеніе, въ коемъ описалъ мой вояжъ въ Неаполь и объ отправленіи картины сухимъ путемъ, которая, по разсчетамъ, долженствуетъ быть въ Питерѣ въ концѣ октября, пребывая въ дорогѣ по большой мѣрѣ два мѣсяца. Касательно сего дѣла я спокоенъ, совѣсть моя и не шелохнется, она чиста, какъ цвѣтъ лица Лизаветы Григорьевны. На счетъ же покровителей скажу тебѣ со свойственной мнѣ откровенностью: насильно милымъ быть нельзя и что чаще писать я не буду и за сотысячный пенсіонъ, т. е. хотѣлъ бы, да не напишется. Но, чтобъ успокоить тебя, обѣщаю тебѣ писать въ скоромъ времени къ П. А. Кикину съ приложеніемъ рисунка.

И забылъ было рекомендовать тебѣ вручителя письма сего: это—прелюбезный нѣмецъ, докторъ графа Вельегорскаго, который, по деликатности нѣмецкой, только передъ отъѣздомъ объявилъ мнѣ свое желаніе имѣть свой портретъ; я уже не могъ никакъ (написать) и если ты имѣешь часа два досуга, подари ихъ стоющему,—онъ обѣщался отслужить въ Питерѣ.

Я уже написалъ портретъ графа Вельегорскаго [1]), сего рѣдкаго генія въ музыкѣ, масляными красками; (портретъ) колѣнный въ ростъ, съ віолончелемъ; вышелъ не дуренъ.—Эскизъ для картины, заказанной мнѣ графиней Разумовской [2]), приведенъ въ порядокъ; сочиненіе слѣдующее: «Послѣдній день Помпеи».

Пунктъ избралъ въ Strada dei Sepolcri, картинная линія на перекресткѣ отъ гробницы Scauro къ гробницѣ сына какой-то жрицы Цереры. Декорацію сію я взялъ всю съ натуры, не отступая нисколько и не прибавляя, стоя къ городскимъ воротамъ спиною, чтобы видѣть часть Везувія, какъ главную причину,—безъ чего похоже-ль было бы на пожаръ? По правую сторону помѣщаю группъ [3]) матери съ двумя дочерьми на колѣняхъ (скелеты сіи найдены были въ такомъ положеніи); сзади сей группы виденъ тѣснящійся группъ на лѣстницѣ, ведущей въ Sepulcro Scauro, накрывая (sic) головы табуретками, вазами (спасаемыя ими вещи всѣ взяты мною изъ музея). Возлѣ сей группы—бѣгущее семейство, думая [4]) найти убѣжище въ городѣ: мужъ, закрывши

[1]) Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій—оберъ-гофмейстеръ, извѣстный музыкантъ (род. въ 1794 г., † 1866 г.).

[2]) Графиня Марія Григорьевна Разумовская (урожд. кн. Вяземская, род. въ 1772 г., ум. въ 1865 г.),—за графомъ Львомъ Кирилловичемъ Разумовскимъ была во второмъ бракѣ (въ первомъ бракѣ была за кн. Л. Н. Голицынымъ, прославившимся своей расточительностью; съ нимъ она развелась).

[3]) Т. е. группу.

[4]) Т. е. разсчитывающее.

плащемъ себя и жену, держащую груднаго ребенка, прикрывая другой рукой старшаго сына, лежащаго у ногъ отца; въ серединѣ картины—упавшая женщина, лишенная чувствъ; младенецъ на груди ея, не поддерживаемый болѣе рукою матери, ухватившись за ея одежду, спокойно смотритъ на живую сцену смерти; сзади сей женщины лежитъ сломленное колесо отъ колесницы, съ которой упала сія женщина; опрокинутая же колесница мчима конями, разъяренными отъ падающаго раскаленнаго пепла и камней вдоль по дорогѣ; управлявшій колесницей, запутавши руку въ вожжахъ, влечется вслѣдъ; между головъ лошадей видно продолженіе улицы Augustale, ведущей къ Неаполю, которая хотя и не открыта, но я, слѣдуя древнимъ писателямъ и нынѣшнимъ антикваріямъ, поворачиваю нѣсколько влѣво за домъ Діомедовъ, наполняя ее гробницами и отдыхальнями, оставшимися сзади меня, что очень кстати. По правую сторону упавшей женщины—жрецъ, схвативши жертвенникъ и приборы жертвоприношенія, съ закрытой головой, бѣжитъ въ безпорядочномъ направленіи; возлѣ него я ввожу случай, происшедшій съ самимъ Пливіемъ: мать его, обремененная лѣтами, не будучи въ состояніи бѣжать, упрашиваетъ сына своего спастись, сынъ же употребляетъ просьбу и силу всю, чтобы влечь ее съ собой. Происшествіе сіе, разсказанное самимъ Плиніемъ въ письмѣ къ Тациту, случилось въ Capo di Miseno, но художникъ, помѣщающій на саженной холстинѣ Помпею и Везувій, отстоящій на пять миль отъ онаго, можетъ перетащить и изъ-за 80 миль примѣръ дѣтской и материнской любви, такъ кстати тутъ своею противоположностью прочимъ группамъ. Между симъ группомъ и жрецомъ видны два молодые помпеянина, несущіе на плечахъ своихъ больнаго стараго отца; между ногъ дѣтей прячется вѣрная собака; въ промежуткахъ группъ видны разныя фигуры. Я задыхался...

Прощай,—перо иступилось. Кланяйся почтеннѣйшей графинѣ Разумовской, почтенной Елизаветѣ Григорьевнѣ. Тебя любящій братъ Карлъ.

P. S. (Кланяйся) Тону; попроси двѣ строчки отъ него.

68.

Общество поощренія художниковъ К. П. Брюллову.

19-го іюня 1828 г.

Комитетъ Общества, получивъ картину трудовъ вашихъ, писанную для государя императора и представляющую «Полдень», къ особенному удовольствію нашелъ въ ней достоинства, свидѣтельствующія объ успѣхахъ вашихъ въ живописи. Господа члены отдаютъ полную справедли-

вость сочиненію сей фигуры, и выполненію тѣла при трудномъ вами избранномъ освѣщеніи. Одно замѣчаніе, которое, впрочемъ, дѣлали на сіе прекрасное произведеніе, состояло въ томъ, что ваша модель была болѣе пріятныхъ, нежели изящныхъ соразмѣрностей, и хотя по предмету картины не требовалось въ семъ послѣднемъ случаѣ слишкомъ строгаго выбора, но онъ не былъ бы излишнимъ, поелику цѣлію художества вообще должно быть изображеніе натуры въ изящнѣйшемъ видѣ, а изящныя соразмѣрности не суть удѣлъ людей извѣстнаго класса, но представляютъ не рѣдко даже въ самомъ простомъ образцы удивительные. Это замѣчаніе дѣлаетъ комитетъ единственно по настоятельному желанію вашему знать мнѣніе безпристрастное о вашей картинѣ, увѣряя васъ, что кромѣ немногихъ строгихъ, хотя и справедливыхъ судей, которые при всемъ томъ отдавали вамъ весьма большую похвалу, всѣ вообще восхищаются вашимъ произведеніемъ. Доказательствомъ впечатлѣнія, которое произвела картина ваша на всѣхъ видѣвшихъ ее, можетъ служить для васъ то, что члены комитета рѣшились случаемъ представленія оной государю императору воспользоваться, для исходатайствованія высочайшаго позволенія на опредѣленіе десятилѣтняго брата вашего Ивана Брюллова [1]) въ Академію художествъ пенсіонеромъ его величества, и что государь соизволилъ опредѣлить его въ Академію на свой счетъ и сверхъ того пожаловалъ вамъ въ знакъ высочайшаго благоволенія бриллiантовый перстень, позволивъ Обществу литографировать картину вашу. Такимъ образомъ, трудъ вашъ награжденъ вниманіемъ монаршимъ и благодѣяніемъ, которое оказано брату вашему. Комитетъ, зная правила ваши, увѣренъ, что вы отъ души порадуетесь такому успѣху своего произведенія.

На счетъ предметовъ для картинъ, которыя вы по порученію Общества должны произвести къ возвращенію вашему въ Россію, комитетъ даетъ вамъ полную свободу: пребываніе ваше въ Римѣ отсрочиваетъ еще на будущій 1829 годъ, который будетъ послѣднимъ. Комитетъ, Общество и вся публика, принимая живѣйшее участіе въ васъ, радуются, что вы будете достойны милостей Общества и государя, и что твореніями, которыхъ отъ васъ ждутъ, какъ отъ профессора, проложите себѣ вѣрный путь къ счастью и уваженію соотечественниковъ.

«Аѳинской школы» комитетъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ и, по желанію вашему, когда получится, будетъ просить императора о помѣщеніи ея въ академію. Отзывы о сей копіи изъ Рима дѣлаютъ вамъ отличнѣй-

---

[1]) Иванъ Павловичъ Брюлло весьма рано обнаружилъ выдающійся художественный талантъ, но не успѣлъ развить его и произвести что-нибудь серьезное: онъ скончался, едва достигнувъ 20-ти-лѣтняго возраста, въ 1834 г. (См. о немъ прочувствованныя строки у Н. А. Рамазанова, „Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи“, кн. I, М. 1863, стр. 142—144).

шую честь [1]), а художники, коимъ она доставитъ существенную пользу, будутъ вамъ всегда благодарны.

Комитетъ требуетъ отъ васъ, чтобъ вы отзывались Обществу чаще, и полагаетъ, что вы не въ правѣ отказать въ исполненіи налагаемой на васъ легкой обязанности.

(Напечатано впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года, томъ 35, стр. 393—395).

69.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

27-го сентября 1828 г. Римъ.

Черезъ предписаніе почтеннѣйшаго Общества поощренія художниковъ отъ 23-го іюля увѣдомился я о пожалованіи мнѣ, въ знакъ высочайшаго благоволенія, перстня и объ опредѣленіи брата моего въ академію. Зная, что, безъ предстательства почтеннѣйшаго Общества, труды мои не могли заслужить подобной милости, и чувствуя всю цѣну оказаннаго брату моему благодѣянія, не нахожу словъ для выраженія моей благодарности и только надѣюсь, что усерднѣйшее исполненіе всѣхъ налагаемыхъ на меня Обществомъ обязанностей можетъ со временемъ доказать оную отчасти. Также приношу нижайшую благодарность за сдѣланныя на счетъ послѣдней моей картины весьма справедливыя замѣчанія. Причиной моей погрѣшности было желаніе отличить сію картину и самимъ отличіемъ формъ отъ первой картины, представляющей подобный же предметъ; находя же, что правильныя формы всѣ между собой сходствуютъ, какъ то особенно замѣтно въ статуяхъ, гдѣ сія чистота формъ необходима, и что въ картинѣ посредствомъ красокъ, освѣщенія и перспективы художникъ приближается болѣе къ натурѣ и имѣетъ нѣкоторое право иногда отступить отъ условной красоты формъ, я рѣшился искать того предположеннаго разнообразія въ тѣхъ формахъ простой натуры, которыя намъ чаще встрѣчаются и нерѣдко даже болѣе нравятся, нежели строгая красота статуй. Сіи-то разсужденія ввели меня въ ошибку, но я надѣюсь, что почтеннѣйшее Общество впередъ увидитъ, сколько я старался воспользоваться его замѣчаніями.

О моихъ занятіяхъ честь имѣю донести, что копія «Аѳинской школы»

---

[1]) Въ одномъ письмѣ, писанномъ изъ Рима къ одному изъ членовъ Общ. поощ. худож. и находящемся при дѣлѣ о Брюлловыхъ, сказано, что Каммучини, увидѣвъ копію „Аѳинской школы" Карла Брюллова, говорилъ, что „еще никогда подобной копіи съ Рафаэля до сихъ поръ не было, хотя многіе отличнѣйшіе художники копировали съ его творенія". (Примѣч. В. В. Стасова).

совершенно кончена и будущей весной будетъ отправлена въ С.-Петербургъ. Теперь, какъ, по случаю установленія русской церкви въ домѣ нашего посольства, всѣ русскіе художники, находящіеся въ Римѣ, взяли на себя съ согласія господина посланника пожертвовать для украшенія оной своими трудами, мнѣ досталось написать царскія двери; въ половинѣ октября сія работа должна быть кончена. Послѣ сего я располагался начать немедленно картину для Общества, но его сіятельство князь Г. И. Гагаринъ объявилъ мнѣ, вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, чтобъ я безъ всякаго отлагательства началъ картину для ея императорскаго величества Маріи Өеодоровны, а посему я и долженъ необходимо отложить по крайней мѣрѣ еще на два мѣсяца начатіе картины для Общества.

Между тѣмъ нахожусь принужденнымъ утруждать почтеннѣйшее Общество покорнѣйшей просьбой, дабы оно приказало сдѣлать нужныя розысканія въ разсужденіи моего пенсіона, столь милостиво мнѣ продолженнаго и котораго я еще не получалъ за сей 1828 годъ; предполагаю, что или вексель на оный какимъ-либо образомъ утратился, или можетъ быть онъ хранится до случая въ канцеляріи нашего посольства въ Вѣнѣ. Смѣю надѣяться, что почтеннѣйшее Общество поощренія художниковъ не откажетъ въ семъ случаѣ милостиво мнѣ вспомоществовать, и я, совершенно предавая себя въ покровительство онаго и т. д.

(Напечатано впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года, томъ 35, стр. 395—396).

70.

Ө. П. Брюлло—А. П. Брюллову.

6-го марта 1829 г. С.-Петербургъ.

Любезный братъ Александръ! Письмо твое отъ 6-го февраля я получилъ (письмо), гдѣ ты себѣ воздушные замки строишь, паришь въ мечтаніяхъ, которыя только одному сентиментальному влюбленному приличны. Ты недоволенъ своей судьбой: fi donc! Деньги отъ Общества за прошлый годъ тебѣ въ февралѣ уже посланы и болѣе впредь тебѣ пенсіона продолжать не будутъ (это мнѣ (В. И.) Григоровичъ сказалъ), а Карлу до 1830 года еще (продолжатъ). Повидимому, Общество поощренія художествъ рушится. Почему? Потому что ни одного представленія нельзя сдѣлать государю (иначе), какъ сперва князю Волконскому [1]) и на усмотрѣніе Оленина. П. А. Кикинъ уѣхалъ въ деревню и строитъ себѣ тамъ домъ пребогатый—въ 100.000. Оленинъ спрашивалъ, что ты дѣ-

---

[1]) Князь Петръ Михайловичъ Волконскій (1776 † 1852), - министръ двора.

лаешь въ Парижѣ, я сказалъ, что занимаешься архитектурой и проходишь курсъ Cherpantié и что тебѣ было препоручено награвировать подъ твоимъ присмотромъ бани Помпеи. «Не привезетъ ли онъ намъ архитектурныхъ вещей своего сочиненія?» «Весьма вѣроятно (сказалъ я) потому, что ему были заданы прожекты», но я не сказалъ какіе, ибо и самъ не знаю, а онъ у меня ихъ выпрашивалъ. Какъ видно, онъ хочетъ съ княземъ поговорить напередъ. «Да вотъ еще (сказалъ Оленинъ): что братъ вашъ Карлъ дѣлаетъ? Князь мнѣ приказалъ всѣ его работы взять въ академію: Государь велѣлъ сдѣлать въ академіи музеумъ русскихъ художниковъ».

Я сегодня былъ у К. Тона [1]); онъ имѣетъ препорученье сдѣлать проектъ новой конференцъ-залы, античной галлереи и музеума и отстроить церковь въ академіи; онъ уже ходилъ въ академію вымѣрять залы. Его и Монферрана проекты монумента передъ дворцомъ еще не аппробованы. Монферранъ сдѣлалъ первый рисунокъ—обелискъ, который государю не понравился; онъ сдѣлалъ второй—колонну и разукрасилъ его красками и разрисовалъ; судьба его еще не рѣшена.—Что касается до меня, то я былъ шесть мѣсяцевъ крѣпко боленъ нервическою лихорадкой и, слава Богу, теперь выздоровѣлъ, но не имѣю ни на грошъ работы, и ни одинъ изъ живописцевъ-профессоровъ ея не имѣетъ. Просіялъ было лучъ счастья: государь желалъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ церкви Преображенья, и ему уже была подана бумага, но онъ соизволилъ отказать до будущаго года. (В. А.) Глинка имѣетъ весьма хорошія занятія здѣсь: можно сказать, что болѣе чѣмъ на 500.000 его строеній. (В. К.) Сазоновъ пишетъ портреты, но не блистательно, Сазоновъ, который 7 лѣтъ въ Италіи находился! Ну что начнешь? работы отдаются съ торгу, да чтобы было непремѣнно къ сроку сдѣлано, а если не успѣлъ, то послѣдуетъ 10 процентовъ вычету. Весьма пріятно быть въ Россіи художникомъ! А чтобы заказали картины писать,—того и не слыхано. Одинъ только М. Н. Воробьевъ [2]) былъ такъ счастливъ, что государь ему заказалъ написать картину «Взятіе Варны», которую онъ снялъ въ то время, когда ее брали. И надо сказать безъ лести: хорошо онъ ее написалъ. Don Piedro Sokoloff [3])

---

[1]) Константинъ Андреевичъ Тонъ (1793†1881),—впослѣдствіи профессоръ и заслуж. ректоръ Академіи художествъ; строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ и др.

[2]) Максимъ Никифоровичъ Воробьевъ (род. въ 1787 г., ум. въ 1854 г.); въ 1828 г. былъ отправленъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, въ Турцію, для снятія видовъ, откуда возвратился въ ноябрѣ того же года, привезя съ собой нѣсколько картинъ, между прочимъ и „Взятіе Варны"; особенно громкой славой пользовалась его картина „Осада Шумлы".

[3]) Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ.

написалъ портретъ императрицы Александры Θеодоровны во весь ростъ (акварелью), когда она въ Одессѣ на скалахъ при Черномъ морѣ удитъ рыбу вмѣстѣ съ великой княгиней Маріей Николаевной. Картина его честь дѣлаетъ всѣмъ русскимъ: весьма хорошо, чудо! Государь его очень любитъ. И вотъ одинъ, который въ большой чести и въ модѣ, а изъ прочихъ—никто. Государь очень осердился на (В. К.) Шебуева за его дурно написанныя иконы въ (церкви) Преображенья.—Ну что-то будетъ Карлъ дѣлать, когда пріѣдетъ? Крайне сожалѣю, что будетъ мелочи малевать, а онъ не то можетъ производить.—Ну, прощай.—Время покажетъ.

Щедринъ тебѣ кланяется; онъ женился на Лебедниковой изъ Кусовой фамиліи. Твой братъ Θедоръ.

71.

Θ. П. Брюлло—А. П. Брюллову.

27-го марта 1829 г. С.-Петербургъ.

Ну, любезный Александръ, не сердись, что пишу тебѣ сущую правду, которую я изустно отъ В. И. Григоровича имѣю. Общество (поощренія художниковъ) или члены онаго говорятъ, что «намъ братья Брюлловы стоютъ 48 тысячъ рублей, а что они намъ прислали за эти деньги? Карлъ Брюлловъ намъ присылаетъ только фрагменты, а Александръ Брюлловъ—перспективныя пьесы, а прожектъ театра, который ему былъ заказанъ, онъ не выполнилъ, не представилъ во французскую академію, за что могъ бы получить званіе профессора академіи. А теперь вмѣсто театра А. Брюллова сложили кучу кирпичей и говорятъ: «вотъ вамъ театръ каменный!» Такъ какую же пользу сдѣлалъ Александръ Брюлловъ Обществу, и какую оно имѣетъ отъ нихъ (т. е. братьевъ) честь за столь большія деньги?! Да, къ тому же, за всѣ ихъ картины Общество платило»... На то В. И. Григоровичъ подалъ мнѣніе, что А. Брюлловъ прожекты привезетъ съ собой и еще представитъ во французскую академію. Но П. А. Кикина нѣтъ, и некому заступиться! А о Карлѣ члены отозвались, что онъ написалъ «Аѳинскую школу» и что ему срокъ еще два года, а что онъ дѣлалъ шесть лѣтъ и теперь чѣмъ занимается, еще не знаемъ. То онъ хочетъ писать: «Христосъ благословляетъ дѣтей», то онъ выдумаетъ другой сюжетъ: «Послѣдній день разоренія Помпеи», пришлетъ эскизъ, и годъ пропалъ, а мы все еще въ надеждѣ имѣть отъ него трудовъ. Немудрено жить на чужой счетъ въ чужихъ краяхъ, да игрушками забавляться! Вотъ (П. В.) Басинъ: онъ прислалъ въ Россію своихъ работъ—двѣ копіи съ Рафаэля [1]), копію

[1]) „Изведеніе ап. Петра изъ темницы“ и „Больсенская обѣдня“.

съ Доменикино [1]) и множество другихъ работъ. Григоровичъ на то сказалъ, что хоть и прислалъ Басинъ своихъ работъ, но онѣ слабѣе К. Брюллова игрушекъ...

Вотъ, любезный Александръ, господъ членовъ сужденье, и по сей причинѣ тебѣ пенсіонъ отказали. Еще разъ тебѣ дѣлаю повтореніе, что Общество желаетъ только, чтобъ ты въ Россію воротился членомъ французской академіи, для легчайшаго способа тебѣ сдѣлать карьеру въ Россіи. (О твоемъ портретѣ, который ты изъ Парижа послалъ П. А Кикину, никто ничего не знаетъ). Кутайсовъ [2]) крайне сожалѣетъ, что твой проектъ театра не прибылъ сюда ко времени, и говоритъ, что «когда бы я былъ членомъ театра, я бы настоялъ, чтобы (театръ) строился по проекту А. Брюллова», но теперь князь Гагаринъ [3]) директоръ всѣхъ театровъ. Григоровичъ говоритъ, что не промахнулся ли ты съ своимъ (проектомъ) театра въ академіи: французы не очень жалуютъ чужихъ (художниковъ) и трудно у нихъ заслужить имя въ академіи.

Аполлонъ Ѳедосьевичъ Щедринъ [4]) un homme comme il faut—ведетъ свои дѣла такъ гладко и хорошо, что всѣми любимъ и уважаемъ желаетъ только, чтобъ ты пріѣхалъ,—для тебя онъ готовитъ мѣсто въ академіи: читать лекціи по исторіи архитектуры (самъ онъ читаетъ курсъ архитектуры); посему позапасись нужнымъ, пока находишься въ Парижѣ. Глинка и Тонъ требовали 6.000 рублей жалованья. Теперь въ академіи будетъ новое уложеніе о жалованіи: ректоръ получаетъ 6.000 р., адъюнктъ-ректоръ 5.000, профессоръ 3.000, академикъ 2.500 р. Чуть не забылъ: А. А. Михайловъ подалъ въ Совѣтѣ (академіи) бумагу, что по проекту К. А. Тона конференцъ-зала нельзя выстроить; (А. Н.) Оленинъ тотчасъ циркуляръ (В. П.) Стасову, Россію [5]), Гамзину [6]), Штауберту [7]), и всѣ единогласно подписали, что можно и никакого затрудненія не имѣется, и Михайловъ долженъ былъ согласиться съ гг. членами и (сознаться), что онъ ошибся.

---

[1]) „Причащеніе св. Іеронима".

[2]) Графъ Павелъ Ивановичъ Кутайсовъ (1782 † 1840),—оберъ-гофмейстеръ, сенаторъ.

[3]) Князь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ (ум. въ 1852 г.).—оберъ-гофмейстеръ, директоръ театровъ.

[4]) А. Ѳ. Щедринъ (1796†1847 г.),—въ то время профессоръ теоріи строит. искусства въ Академіи художествъ.

[5]) Карлъ Ивановичъ Росси (1775†1849),—извѣстный архитекторъ, строитель зданій Сената, Синода, Александринскаго театра и др.

[6]) Иванъ Григорьевичъ Гамзинъ (1784†1831),—профессоръ архитектуры, строитель Новаго адмиралтейства въ С.-Петербургѣ.

[7]) Александръ Егоровичъ Штаубертъ (1780†1843), архитекторъ, съ 1828 г. почетный вольн. общникъ Академіи художествъ.

Какъ говорятъ, П. А. Кикинъ будетъ осенью въ Петербургѣ, и въ будущемъ году ѣдетъ вояжировать съ своею дочерью въ Италію, Англію, Швейцарію и Германію; жаль, что не ранѣе, когда бы онъ могъ застать васъ и быть вмѣстѣ съ вами.—П. Ѳ. Соколовъ спрашиваетъ: не видалъ ли ты графа Віельгорскаго. Графъ ему долженъ 5.000 рублей и хотѣлъ ему выслать изъ Парижа.

Прощай, будь здоровъ. Твой многолюбящій тебя братъ Ѳедоръ.

72.

Общество поощренія художниковъ К. П. Брюллову.

26-го апрѣля 1829 г.

Недоставленный къ вамъ досelѣ пенсіонъ за прошлый 1828 годъ при семъ къ вамъ препровождается. Въ концѣ нынѣшняго года вы получите пенсіонъ за текущій 1829 годъ, и затѣмъ уже прекратится содержаніе, вами отъ Общества получаемое. Увѣдомляя васъ о семъ, я почитаю обязанностью сказать, что комитетъ Общества, доставившій средства къ вашему усовершенствованію, не сомнѣвается видѣть васъ въ полномъ смыслѣ достойнымъ художникомъ. Это будетъ лучшею наградою за попеченія, которыя объ васъ прилагали, и послужитъ къ вашей собственной пользѣ по возвращеніи въ отечество. Ежели копія «Аѳинской школы» будетъ нынѣшнее лѣто отправлена въ С.-Петербургъ, то примите всѣ нужныя мѣры осторожности при укладкѣ и отправленіи, дабы она не потерпѣла въ пути, какъ оригинальная картина Басина, которая, бывъ подмочена, требуетъ собственнаго его исправленія и новыхъ трудовъ. Между тѣмъ, къ возвращенію въ Россію, окончите какое-либо изъ собственныхъ вашихъ значительныхъ произведеній, о коихъ неоднократно вамъ было писано. Надобно, чтобъ вы возвратились съ доказательствомъ дѣятельности своей и усовершенія въ искусствѣ, для котораго столько имѣете природной способности и коего опыты вы уже присылали въ Россію. Общество и здѣсь вамъ будетъ полезно. На счетъ помѣщенія копіи «Аѳинской школы» въ Академію вы можете быть спокойны: государь императоръ подарилъ ей копіи Басина [1]), слѣдовательно, и ваша туда же поступить можетъ.

По положенію комитета Общества поощренія художниковъ членъ и казначей графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ [2]).

---

[1]) См. примѣч. къ письму № 71.

[2]) Графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ (1775†1836),—оберъ-шенкъ, одинъ изъ раннихъ членовъ Общества поощренія художниковъ.

73.

А. П. Брюлловъ—К. П. Брюллову.

19-го мая 1829 г. Парижъ.

Любезный братъ! Не знаю, получалъ ли ты мои письма или нѣтъ. Твоихъ отвѣтовъ я, по крайней мѣрѣ, уже около двухъ лѣтъ не имѣю ни строки, буду надѣяться, что это только одна лѣнь, а не хуже что-нибудь. Что тебя заставляетъ забывать всѣ твои обязанности? надѣюсь, что это, такъ сказать, не сердечное онѣмѣніе. Не сердись и не смѣйся, я тебѣ говорю, что я чувствую, и увѣренъ, что тебѣ это будетъ не непонятно, если забудешь хоть на минуту самолюбіе, если позволишь говорить разсудку. Я бы ничего не говорилъ, если бъ ты только ко мнѣ не писалъ (хотя между нами и были дѣла, на которыя ты долженъ бы былъ отвѣчать только потому, что это были дѣла или препорученія), но и всѣ тебя знающіе жалуются, что они находятся въ совершенной неизвѣстности о тебѣ. Не знаю, пишутъ ли тебѣ изъ Общества чаще, нежели ко мнѣ,—я уже около года не получалъ ни строки и не зналъ, что объ этомъ думать; наконецъ, стороною узналъ, что они очень недовольны нами; не хочу тебѣ повторять всѣ непріятныя замѣчанія съ ихъ стороны; ты особенно долженъ понять, въ чемъ они состоятъ. Братъ! не забудь, что уже 7 лѣтъ, какъ мы выѣхали, и суди послѣ этого самъ; я увѣренъ, что по возвращеніи я въ состояніи буду отдать отчетъ о моемъ времени и занятіи, я давно уже хотѣлъ ѣхать въ Россію, но гравированіе моихъ бань меня здѣсь, къ моему отчаянію, задерживаетъ. Въ надеждѣ скораго отъѣзда и желанія заниматься собственными дѣлами я не хотѣлъ здѣсь совсѣмъ заниматься ничѣмъ, что могло бы доставить мнѣ деньги, разсчитывая на мой пенсіонъ, но мой пенсіонъ кончился, и я два года живу собственными деньгами. Ты можешь вспомнить, что я изъ полученныхъ нами денегъ въ Италіи во все время получилъ только 633 червон., а въ Парижѣ 350; Общество же жалуется, что оно истратило на насъ слишкомъ 40 тысячъ и для чего же?! Я слышалъ, что тебѣ продолжили еще на годъ пенсіонъ. Итакъ, подумай хорошенько, сдѣлай что-нибудь, чтобъ, возвратившись въ Россію, заставить ихъ не только забыть ихъ худое мнѣніе, но, напротивъ, заставить ихъ остаться довольными и доказать имъ, что ихъ покровительство принесло плоды, заставить ихъ насъ уважать. Кланяйся всѣмъ товарищамъ, а А. Тону скажи, что вѣрно у него рука отсохла, что до сихъ поръ мнѣ не писалъ ни о чемъ. Братъ Өедоръ былъ боленъ, но выздоровѣлъ. Я надѣюсь скоро окончить всѣ мои работы и къ августу мѣсяцу почти не сомнѣваюсь быть въ дорогѣ. Будь, нако-

нецъ, немного разсудителенъ и пиши мнѣ скорѣе; братъ Ѳедоръ пишетъ, что ты долженъ скоро получить деньги за два года... Итакъ, р а б о т а й и удивляй; а для этого надо трудиться. Мое здоровье лучше. Прощай! А. Брюлловъ.

74.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ [1]).

28-го мая 1829 г. Римъ.

Я имѣлъ честь получить предписаніе почтеннѣйшаго Общества поощренія художниковъ отъ апрѣля мѣсяца 26-го числа, съ приложеніемъ векселя въ 250 червонныхъ, пожалованныхъ мнѣ въ пенсіонъ за 1828 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивыя обѣщанія переслать мнѣ въ концѣ сего года такую же сумму за 1829 годъ съ тѣмъ, дабы я, по истеченіи сего срока, окончилъ заказанную мнѣ почтеннѣйшимъ Обществомъ картину [2]).

Лестная для меня увѣренность почтеннаго сословія, коего мощному покровительству я обязанъ первымъ успѣхомъ моимъ на стезѣ художествъ, и чувство благодарности за оказанныя мнѣ благодѣянія возлагаютъ на меня священную обязанность объяснить Обществу причины, принуждающія меня уклонить отъ себя новые знаки его благорасположенія и поставляющія меня въ невозможность выполнить, какъ бы я желалъ, требованія онаго. Опредѣленный мнѣ пенсіонъ всегда былъ почитаемъ мною не токмо какъ знакъ милостиваго къ трудамъ моимъ вниманія Общества, но и какъ право онаго требовать отъ меня, дабы я посвящалъ почти исключительно время и способности мои къ вящшему снисканію столь поощрительной для меня довѣренности; но какъ въ продолженіе двухъ лѣтъ отпускъ пенсіона по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ пресѣкся,—не получая при томъ никакого разрѣшенія на сдѣланное мною почтеннѣйшему Обществу въ августѣ 1828 года покорнѣйшее представленіе,—не долженъ ли я былъ, къ крайнему моему прискорбію, заключить, что и вниманіе Общества ко мнѣ прекратилось? Лишась, такимъ образомъ, его покровительства, я нашелся принужденнымъ, чтобы вмѣстѣ не лишиться способовъ къ содержанію,—заняться посторонними работами. Во время пребыванія своего въ Римѣ, государыня великая княгиня Елена Павловна благоволила заказать мнѣ свой портретъ въ ростъ и нѣсколько копій съ него; для приведенія къ концу сихъ работъ мнѣ нужно, по крайней (мѣрѣ), шесть мѣсяцевъ, а

---

[1]) Этимъ письмомъ кончаются письменныя сношенія К. П. Брюллова съ Обществомъ. (Примѣч. В. В. Стасова).

[2]) См. письмо № 72.

по окончаніи оныхъ я обязался письменнымъ договоромъ господину Демидову написать картину, изображающую «Послѣдній день Помпеи», по сдѣланному уже эскизу [1]): работу сію я обязанъ окончить въ концѣ 1830 года.

Сколь ни прискорбно для меня видѣть, что я ошибся въ предположеніи моемъ и какъ ни лестно получить новое доказательство одобренія почтеннѣйшаго Общества, но, находя себя не въ правѣ пользоваться онымъ, и уповая на справедливость господъ сочленовъ, убѣдительно прошу позволить мнѣ возвратить доставленный при семъ ко мнѣ вексель, какъ награду за время, которое я употребилъ не въ пользу Общества, а на произведеніе постороннихъ работъ. Если же, по окончаніи сдѣланныхъ мною обязательствъ, Обществу еще угодно будетъ признать меня достойнымъ своей довѣренности, и почтетъ за благо возобновить назначенный мнѣ пенсіонъ, то я употреблю всѣ мои старанія для оправданія оказанной мнѣ довѣренности.

(Напечатано впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года, томъ 35, стр. 396—397).

75.

К. П. Брюлловъ—Ѳ. П. Брюлло.

3-го декабря 1829 г. Римъ.

Любезный братъ Teodoro! Виноватъ очень передъ всѣми вами, но и вы за то не очень правы въ вашей упрямости не писать. Нынѣ, будучи облагодѣтельствованъ фортуной, спѣшу загладить мою ошибку. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно о монаршей ко мнѣ милости, которая, вѣроятно, и вами принята не съ меньшимъ удовольствіемъ; порадуемся вмѣстѣ и забудемъ нашу неисправность съ условіемъ впредь быть рачительнѣе въ нашихъ обязанностяхъ, т. е. писать чаще. Прошу усерднѣйшимъ образомъ немедленно спросить у генерала Перовскаго [2]), сколько у него находится моихъ денегъ, ибо я не знаю, какимъ образомъ проданы мои вещи (картины) и за какую цѣну; помнится только, что папенька что-то когда-то писалъ о суммѣ, удержанной г. Перовскимъ, а какой именно—хоть убей! —не помню. Итакъ, прошу тебя, любезный братъ, обезпокоить его превосходительство: пожелавъ ему отъ меня всякаго благополучія и засвидѣтельствуя мое почтеніе, попроси его

---

[1]) См. объ этомъ письмо № 67.

[2]) Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, въ то время—генералъ-адъютантъ.

прислать мнѣ сіи деньги, ибо я нахожусь въ крайней нуждѣ, занимаясь работами, требующими большихъ издержекъ; а какъ за оныя работы по сдѣланнымъ условіямъ я получу по окончаніи, то и долженъ всѣ издержки сдѣлать на свои чистыя. Манекенъ, мною тебѣ обѣщанный, перешлю вмѣстѣ съ портретомъ ея высочества великой княгини Елены Павловны; прошу принять оный безъ платы въ знакъ признательности за твои труды и попеченія въ дѣтскихъ нашихъ лѣтахъ съ Александромъ, какъ и въ самой Академіи. Не забудь приложить своего вниманія старшаго брата о меньшемъ нашемъ (братѣ)—Ванѣ; да поругай его за его молчанье и, если онъ такъ упрямъ, какъ и я, то (посади) на хлѣбъ и на воду. Скажи ему отъ меня, что стыдно, очень стыдно и т. д. (Въ наставники не гожусь—виноватъ!) Нѣтъ, лучше ты попроси его, по-братски, опомниться,—написать къ брату Карлу въ Римъ, куда онъ долженъ устремить всѣ свои мысли и чувства, если онъ любитъ изящное. Неужели его не задираетъ иногда (желаніе) знать о находящемся въ великомъ градѣ художествѣ, имѣя брата корреспондентомъ?!.. Папенькѣ скажи, что я наконецъ пересталъ сердиться на его предпочтеніе Англіи, Италіи и славному Риму, Риму, въ которомъ Рафаэль и Микель-Анджело раторствовали, достигая вѣнца лавроваго, оспаривая (его) одинъ у другаго—и гдѣ вѣнокъ вѣчности коронуетъ ихъ и гдѣ, наконецъ, ожидалъ его сынъ съ нетерпѣніемъ, чтобы обѣгать съ нимъ Ватиканъ и Капеллу Сикстину и такъ жестоко обманулся! Миръ всѣмъ! Только прошу я (всѣхъ отъ) перваго до послѣдняго приписать что-нибудь хотя бы въ твоемъ письмѣ; припомни имъ, что намъ не видаться еще два года, а тамъ—я навсегда вашъ, тебя любящій братъ Карлъ.

76.

А. П. Брюлловъ—отцу.

19-го декабря 1829 г. Парижъ.

Любезный батюшка! Приближающійся новый годъ даетъ мнѣ поводъ самый благовидный и основательный писать къ вамъ, и я спѣшу имъ воспользоваться, чтобы, хоть нѣсколько, удовлетворить моему желанію съ вами побесѣдовать. Оставивъ Италію, я лишился того, что дѣлало мнѣ разлуку съ вами сносною; теперь въ шумномъ, веселомъ единственномъ Парижѣ мнѣ такъ скучно, что я желалъ бы быть лучше въ какой-нибудь деревенькѣ самаго бѣднаго края Сициліи, и я увѣренъ, что я былъ бы гораздо веселѣе. Если бъ меня здѣсь не удерживала необходимость (пріѣхавши въ Парижъ, надобно, чтобъ это было недаромъ),

то я, кажется, немедля уѣхалъ (бы). Первое, что меня заставляетъ такъ мало любить Парижъ, есть эта безпрерывно мрачная, туманная, сырая погода, повсемѣстная грязь, кромѣ покоевъ, которые здѣсь въ самомъ пріятномъ контрастѣ съ Италіей, но это такая бездѣлица, что она ни мало не можетъ способствовать забыть или пріучить меня переносить мысль, что я долженъ жить во Франціи, а не въ Италіи. Я думаю, что я всѣмъ уже наскучилъ съ любезною Италіею: не могу вести ни пяти минутъ разговора, чтобы не обратить его на этотъ золотой край, край счастья, какое можно только составить въ своемъ воображеніи. Всякій день я просыпаюсь и засыпаю съ мыслями о ней; послѣдняя мысль, исчезающая въ моемъ разсудкѣ, есть Римъ, когда сонъ овладѣваетъ мною, и часто обманчивая мечта переноситъ меня туда и даетъ мнѣ вкушать эту сладость! но они слишкомъ скоро протекаютъ, эти мгновенія мечты, и я тѣмъ болѣе чувствую эту скуку жить въ несносномъ Парижѣ.

Я недавно получилъ отъ Петра Андреевича Кикина письмо (и также деньги), на которое я ему уже отвѣчалъ и послалъ чрезъ здѣшнее посольство. Вы, вѣроятно, его увидите предъ новымъ годомъ или около этого времени, то, прошу васъ, свидѣтельствуйте ему мое глубокое почтеніе, а вмѣстѣ и благодарность за его милостивое письмо, которое, мнѣ кажется, способно бы было возродить въ самой холодной душѣ желаніе трудиться и тѣмъ быть достойну того покровительства, которымъ мы имѣемъ счастіе пользоваться. Я начинаю уже чувствовать желаніе возвратиться въ Россію и теперь остальное время хочу трудиться совершенно для себя, чтобы воспользоваться, сколько можно, тѣмъ, что мнѣ представляетъ остающійся мнѣ вояжъ; чѣмъ болѣе я вижу людей, народы и составъ ихъ, тѣмъ болѣе я долженъ любить мое отечество. Все, что ни слышу о нашемъ государѣ, заставляетъ меня гордитьси носить имя русскаго подданнаго, и я горю нетерпѣніемъ назваться также полезнымъ гражданиномъ. Счастливъ, кто имѣетъ надежду и обузданныя желанія: тому въ жизни на каждомъ шагу улыбаются удовольствія, надежда его поддерживаетъ, а желанія ведутъ; подъ симъ руководствомъ онъ часто не замѣчаетъ ужасовъ страстей человѣческихъ, кроющихся по сторонамъ прямаго пути, избраннаго добродѣтельнымъ съ пламенною душою. Вотъ вамъ еще новости, конечно, вамъ уже извѣстныя,—Тиволи, знаменитое въ вѣкахъ своею красотою мѣсто, лежащее на горахъ Сабинскихъ, около 3-хъ часовъ ѣзды отъ Рима, претерпѣло большое несчастіе. Рѣка Авіо протекала чрезъ Тиволи и, падая съ горъ на горы, образовывала живописные и великолѣпные каскады, и доставляла вмѣстѣ многимъ средство заводить фабрики и тѣмъ способствовала много къ улучшенію состоянія жителей (которое такъ нужно, особенно въ папскихъ владѣніяхъ). На сихъ дняхъ получилъ я изъ Рима письмо съ

извѣстіемъ, что рѣка у самаго главнаго каскада, въ самомъ городѣ, разорвала скалы, дававшія ей направленіе, открыла себѣ новую дорогу подъ землей, разрушила 18 домовъ, одну церковь и одну изъ прекраснѣйшихъ картинъ въ свѣтѣ. Жители теперь въ безпрерывномъ страхѣ: подземный шумъ стремящихся водъ и какъ бы угрожающихъ весь городъ участью 18 домовъ оставляетъ весь городъ въ недоумѣніи, что начать: оставить городъ—не то, что птичкѣ гнѣздышко.—Вмѣстѣ съ письмомъ П. А. Кикину послалъ я также маленькій рисунокъ моей мастерской въ Римѣ или Храмъ моего счастья; попрошу васъ, любезный батюшка, вставьте его въ рамочку, словомъ, сдѣлайте все, что надо, когда онъ прибудетъ въ Петербургъ. Пусть Петръ Андреевичъ скажетъ, смотря на этотъ рисунокъ: «если бъ не я, онъ не былъ бы такъ счастливъ»; и онъ будетъ справедливъ, а я, съ моей стороны, считаю себя еще вдвое счастливымъ быть ему обязану. На сихъ дняхъ мнѣ случилось нарисовать маленькій портретъ съ Вальтеръ-Скотта самымъ необыкновеннымъ образомъ. Для него княгиня Голицына сдѣлала вечеръ и пригласила меня воспользоваться симъ случаемъ, если можно, сдѣлать его портретъ такъ, чтобы онъ этого не зналъ; я попробовалъ и, какъ всѣ говорятъ, успѣлъ совершенно, даже говорятъ, что ни одинъ изъ существующихъ портретовъ такъ не похожъ, какъ мой; если время позволитъ, то я налитографирую и пришлю съ первымъ случаемъ нѣсколько экземпляровъ въ Петербургъ [1]). Уже поздно; еще нѣсколько строкъ завтра и—на почту. Ахъ, Италія!

Поклонъ отъ А. Тона, съ которымъ мы здѣсь очень хорошо живемъ; онъ очень прилеженъ, работаетъ и помнитъ своихъ такъ, что его во снѣ почти не оставляютъ.

77.

К. П. Брюлловъ—А. Н. Демидову.

4-го сентября 1830 г. Римъ.

Милостивый государь, Анатолій Николаевичъ! Хотя не получалъ отвѣта на письмо, адресованное мною въ С.-Петербургъ на ваше имя касательно картины «Послѣдняго дня Помпеи», однако же господинъ Весковали увѣдомилъ меня, что вы желаете уничтожить контрактъ по сему дѣлу, ежели сія вышеупомянутая картина еще не начата. По многимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ и занятіямъ для двора рос-

---

[1]) Портретъ этотъ былъ налитографированъ въ ограниченномъ количествѣ; въ настоящее время представляетъ большую рѣдкость.

сійскаго, я не имѣлъ на холстѣ другаго, кромѣ однихъ начертаній фигуръ; время приближалось къ концу контракта, а окончаніе картины слишкомъ было далеко отъ онаго. Итакъ, найдя разрѣшеніе ваше совершенно справедливымъ, мнѣ не оставалось ничего другаго, какъ безъ малѣйшаго ропота пожалѣть только о томъ, что случай воспрепятствовалъ мнѣ воспользоваться столь лестнымъ для меня препорученіемъ, надѣясь однако же, что уклоненіе ваше отъ картины нисколько не отклонило отъ лестнаго для меня расположенія и не лишило вашей довѣренности. Будучи въ томъ и другомъ совершенно увѣренъ, долгомъ себѣ поставлю въ представившемся нынѣ непріятномъ случаѣ въ разсужденіи пенсіонера вашего Козлова изъяснить вамъ, что весьма справедливо ваше предписаніе: «выслать Козлова изъ Рима, какъ человѣка съ худою нравственностью и весьма малыми способностями», который, имѣя достаточный пенсіонъ для своего образованія, не умѣлъ цѣнить вашей милости, и былъ не что другое, какъ негодяй и порча для себя и своихъ товарищей [1]).

Касательно же остальныхъ трехъ, грѣшно и несправедливо бы было съ моей стороны не поручиться за ихъ поведеніе и способности: ибо признаюсь по справедливости, что они при хорошей нравственности надѣлены отъ природы отличными способностями, могущими совершенно выполнить прекрасное человѣколюбивое ваше предназначеніе. Въ похвалу ихъ занятій и къ удовольствію ихъ покровителя, могу сказать, что Ѳедоровъ, Казицынъ и Дмитріевъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, успѣли столько, что рѣдкіе сего достигаютъ въ столь короткое время. Итакъ, примѣтивъ въ сихъ трехъ таковую наклонность къ изящному искусству, непростительно было бы съ моей стороны, обязавшись имѣть надзоръ по части художествъ надъ ними, не увѣдомить васъ о ихъ успѣхахъ и не просить, чтобы вы не вмѣняли проступокъ Козлова имъ, и оставили ихъ (то-есть сихъ трехъ) въ Римѣ до окончанія столь счастливо начатаго дѣла и для чести великаго покровителя.

Имѣю честь быть и проч. [2]).

(Письмо это впервые напечатано въ «Русск. Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 398—399).

---

[1]) Здѣсь говорится о четырехъ молодыхъ людяхъ, присланныхъ съ нижнетагильскихъ заводовъ А. Н. Демидова въ Римъ, для обученія ихъ искусству. (Примѣчаніе В. В. Стасова).

[2]) На это письмо А. Н. Демидовъ отвѣчалъ Брюллову просьбой снова приняться за „Послѣдній день Помпеи", назначивъ для окончанія картины такой срокъ въ новомъ контрактѣ, какой Брюлловъ признаетъ самъ за лучшій для себя. Что касается пенсіонеровъ, то обѣщано было въ точности выполнить желаніе Брюллова. (Примѣчаніе В. В. Стасова).

*

78.

К. П. Брюлловъ—А. Н. Демидову.

16-го апрѣля 1831 г. Римъ.

Милостивый государь, Анатолій Николаевичъ! Неполученіе вашего отвѣта на мое письмо, состоящее въ согласіи и благодарности къ вамъ, милостивый государь, за возобновленное препорученіе произвесть для васъ картину, нисколько не препятствовало мнѣ заняться оною, соглася со вторичнымъ препорученіемъ, сдѣланнымъ мнѣ въ послѣднемъ вашемъ письмѣ; почему оная уже больше мѣсяца какъ производится, и, рѣшась не принимать никакихъ работъ прежде ея окончанія, могу быть твердо увѣренъ, что оная окончится къ назначенному сроку; ибо сіе пріятное ваше препорученіе сдѣлало меня невѣроятно дѣятельнымъ. Я бы васъ не безпокоилъ симъ письмомъ, ежели бы новость, привезенная Весковаліемъ, не заставила меня по совѣсти вступиться въ дѣло невинно-обвиненнаго архитектора Казицына, вашего пенсіонера, который или по ошибкѣ, или по клеветѣ заслужилъ ваше негодованіе. Возможно ли, чтобы вы въ одно и то же время лишили вашего благодѣянія и самаго лучшаго и самаго негоднаго изъ вашихъ пенсіонеровъ? Скажу вамъ чистосердечно, что Казицынъ одинъ достоинъ болѣе всѣхъ троихъ вашихъ милостей, какъ по своему хорошему поведенію, такъ и по отличному дарованію, ибо въ теченіе трехлѣтняго его пребыванія въ Римѣ онъ не только оказалъ отличные успѣхи въ художествѣ, но даже въ наукахъ. Итакъ, видя въ немъ всѣ сіи отличныя качества, не могу догадаться, почему онъ оказался передъ вами столь виновнымъ, что долженъ отправиться въ Сибирь вмѣстѣ съ негодяемъ Козловымъ.

Въ оправданіе его скажу, что онъ находился всегда въ нашемъ обществѣ, гдѣ всѣ господа россійскіе пенсіонеры, уважая вашу благородную цѣль, употребляютъ всѣ средства къ поданію совѣтовъ, могущихъ служить къ его пользѣ, плоды коихъ въ немъ ясно оказываются. О занятіяхъ его довольно сказать, что онъ занимается въ студіи г. архитектора Ефимова, пенсіонера его императорскаго величества, которую я нерѣдко посѣщаю, и съ радостью примѣчаю, съ какой быстротой онъ идетъ впередъ; въ особенности меня удивилъ оконченный имъ планъ, фасадъ и профиль греческаго храма di Nemesi in Attica, послѣ коего онъ уже началъ съ успѣхомъ заниматься измѣреніемъ остатковъ отъ храмовъ nel foro romano съ г. Ефимовымъ. Итакъ, видя въ немъ совершенное выполненіе предназначенной цѣли, долгомъ поставляю просить васъ не прекращать милостей тому, кто вполнѣ умѣетъ пользоваться ими.

Увѣренъ, что вы войдете въ его положеніе и повѣрите вторично безкорыстному моему ходатайству, удостоивъ его вашихъ милостей для продолженія его образованія въ Римѣ.

Я имѣю достаточное подозрѣніе, что Казицынъ подпалъ подъ немилость вашу единственно по клеветѣ Дмитріева, вашего же пенсіонера, о коемъ вы сами отзывались очень невыгодно, находясь въ Римѣ, и который поддѣлался къ Весковалію, человѣку недальнему, коему осмѣлился Дмитріевъ сказать, что онъ не можетъ работать до тѣхъ поръ, пока Казицынъ не будетъ высланъ; между прочимъ, какъ Казицынъ, такъ и мой ученикъ Ѳедоровъ занимаются прилежно и гораздо съ бóльшимъ успѣхомъ, не безпокоясь пребываніемъ Дмитріева въ Римѣ, коего поведеніе гораздо менѣе одобрительно, ибо онъ долженъ, но Весковали того не знаетъ, занятія его ничтожны, а Весковалію кажутся значительны. Послѣ сихъ объясненій, я надѣюсь, что вы, въ угожденіе Весковалію, не пожертвуете участію молодаго человѣка, доселѣ вами благодѣтельствуемаго.

Всѣ сіи непріятности, происходившія доселѣ между вашими пенсіонерами, не происходили отъ другаго, какъ отъ неимѣнія надлежащаго надзора; ибо надзоръ Весковалія сколько былъ нуженъ по ихъ пріѣздѣ, для ихъ экипированія и для пріисканія квартиръ, столько же теперь безполезенъ для усовершенствованія въ художествахъ. Можетъ ли тотъ человѣкъ быть имъ полезенъ, который, очернивъ предъ вами человѣка, самъ сознается, что онъ невиненъ, и обманываетъ васъ, что Казицына нельзя отправить по болѣзни, между прочимъ онъ здоровешенекъ; изъ сего можно видѣть, что Весковали совершенно не годится въ наставники. Если вамъ угодно будетъ поручить ихъ мнѣ, я охотно и безкорыстно принимаю на себя сію пріятную обязанность изъ уваженія къ вамъ. Въ ожиданіи отвѣта честь имѣю быть и проч. [1]).

(Впервые напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 399—401).

79.

А. П. Брюлловъ—К. П. Брюллову.

3-го февраля 1833 г. С.-Петербургъ.

Нельзя всегда молчать... Если мы или—лучше сказать—ты,ересталъ совсѣмъ писать, то печальныя (хотя и неизбѣжныя) происшествія (въ) жизни нашей заставляютъ опять вспомнить о взаимной обязан-

---

[1]) Вслѣдствіе этого письма, участь сибирскихъ пенсіонеровъ А. Н. Демидова была устроена такъ, какъ просилъ Брюлловъ.

(Примѣчаніе В. В. Стасова).

ности. Тебѣ небезъизвѣстно, что нашъ батюшка уже два года страдалъ ужасною болѣзнью (раною) въ горлѣ, которая обратилась, наконецъ, въ ракъ. Его мученія были столь велики, что всякій долженъ былъ желать конца его жизни, чтобъ прекратились его мученія, что наконецъ и воспослѣдовало 19-го января 1833 года. По крайней мѣрѣ утѣшительна была смерть: онъ такъ тихо заснулъ, что даже никто не замѣтилъ. Онъ совершилъ свое назначеніе... Пусть его дѣятельность останется для насъ незабвенною! . . .

80.

К. П. Брюлловъ—Ѳ. А. Моллеру [1]).

26-го іюля 1841 г. Pietroburgo.

Почтеннѣйшій другъ, Ѳедоръ Антоновичъ! Примите въ немногихъ словахъ душевное спасибо за милое ваше письмецо, принесшее мнѣ столько удовольствія, сколько и затруднило меня на счетъ выбора сюжета для васъ. «Положеніе во гробъ», начерченное въ вашемъ письмѣ, слишкомъ похоже на мой эскизъ, который видѣли уже многіе, и не преминули бы замѣтить непозволительное сходство въ сочиненіи, хотя и случайное. Причина эта достаточна, (чтобъ) совѣтовать вамъ перемѣнить сюжетъ, если не начали еще; если же она (картина) у васъ подвинута довольно далеко, въ такомъ случаѣ я нахожу одно средство для устраненія всякихъ толковъ (въ коихъ никогда недостатка не бываетъ), и которыхъ не желалъ бы слушать столько желающій вамъ отъ души полнаго счастья и славы, васъ ожидающей. Вы въ состояніи произвесть сами, не заимствуяся никѣмъ: вы не голодный эгоистъ, у котораго запружено воображеніе тщетными усиліями къ мнимому счастью. Вы,—человѣкъ со свѣтлою душою, вспомните слова, намъ часто повторяемыя: «живописецъ освѣщаетъ свою голову огнемъ своего сердца». Соберите силы и преслѣдуйте неутомимо всякую счастливую мысль, за которыми (т. е. мыслями) вамъ—не гоняться; сообразите напередъ главныя требованія для картины, т. е. драму, освѣщеніе, наготу и приноровленность къ требованіямъ XIX-го вѣка, т. е., новизну. Я бы вамъ, можетъ быть, и посовѣтовалъ какой-нибудь сюжетъ,

---

[1]) Ѳедоръ Антоновичъ фонъ-Моллеръ (1812 † 1874) началъ поприще на военной службѣ и въ свободное время посѣщалъ рисовальные классы въ Академіи художествъ; на выставкахъ его картины начали появляться съ 1832 года; по пріѣздѣ К. П. Брюллова въ Петербургъ сталъ пользоваться его руководствомъ и всецѣло посвятилъ себя искусству. Въ 1837 г. уѣхалъ за границу; былъ въ Римѣ и переписывался съ К. П. Брюлловымъ.

но зная, что истинный талантъ произведетъ съ гораздо большею любовью собственную мысль, лелѣя ее, какъ мать нѣжная первый плодъ любви своей; почему еще прошу васъ, прошу caldamente [1]): вооружитесь твердостью и вырвите изъ событій вѣковъ нужное для пищи человѣка съ чувствомъ. Трудно, а возможно. Развѣ Петръ, преобразователь Россіи, мало вмѣщаетъ достойнаго пера и кисти лучшихъ геніевъ всѣхъ прошедшихъ и будущихъ временъ? Цѣлую васъ братски. Per sempre vostro vero amico Carlo Brullof.

Ваши всѣ здоровы; если увидите сестрицу вашу [2]), кланяйтесь и поцѣлуйте у ней ручку отъ меня.

На оборотѣ: Al illustrissimo signore signor Feodoro von-Moller a Roma [3]).

(Напечатано въ «Русской Старинѣ» 1879 г., т. 26, стр. 726—727).

81.

К. П. Брюлловъ—В. И. Григоровичу.

20-го сентября 1847 г. С.-Петербургъ.

Отецъ и командиръ, Василій Ивановичъ!—Болѣзнь моя запрещаетъ мнѣ выходить изъ дому, а мнѣ съ вами нужно поговорить вмѣстѣ; почему, не благоволите ли зайти ко мнѣ, чѣмъ осчастливите одного добраго и честнаго человѣка, а также и вполнѣ вамъ преданнаго e vero amico.—Carlo Brullof [4]).

82.

К. П. Брюлловъ—неизвѣстному [5]).

(1848 г.).

Милостивый государь! Болѣзнь ваша и мое нисколько не улучшающееся положеніе принуждаютъ меня взять доктора, почему прошу васъ покорнѣйше принять при семъ прилагаемое за ваше безпокойство.

---

[1]) Горячо.

[2]) Сестра Ѳ. А. Моллеръ была замужемъ за адмираломъ Глазенапомъ, впослѣдствіи военнымъ губернаторомъ въ Николаевѣ.

[3]) Оригиналъ этого письма хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

[4]) Напечатано М. И. Желѣзновымъ въ его книгѣ «Неизданныя письма К. П. Брюллова» 1867 г., стр. 16.

[5]) По предположенію М. И. Желѣзнова, впервые записку эту обнародовавшаго, строки эти писаны Карломъ Павловичемъ доктору Канцлеру. (См. „Неизданныя письма К. П. Брюллова“ 1867, стр. 17—18).

83.

К. П. Брюлловъ—князю П. Р. Багратіонъ [1]).

1850. Roma и я дома.

Какъ хотѣлось бы, чтобъ вы были здѣсь... Хотя Римъ и прежній Римъ, но одни его чудныя окрестности лучше всего міра! Проѣзжая берега Гишпаніи, я изумлялся плоскостью формъ горъ, блѣдностью цвѣта неба, и уже начиналъ думать, что воспоминанія мои объ Италіи не слишкомъ ли прикрашены молодостью и новизною впечатлѣній, но подъѣзжая къ Генуѣ, я узналъ неизмѣнную красавицу! Кажется, Италія какъ будто сработана Вулканами со всѣмъ ихъ знаніемъ и любовью, а Гишпанія—только эхо или отпрыскъ: такъ она мелка и не изящны ея формы, въ сравненіи съ Италіей, гдѣ краски неба, земли, скалъ роскошнѣе!... Здѣсь, кажется, сама природа внушила человѣку завладѣть остальнымъ тщедушнымъ міромъ. Но довольно: старо восхищаться Италіей! Посылаю вамъ два рисунка, представляющіе процессію въ Барселонѣ...

84.

К. П. Брюлловъ—И. Г. Желѣзнову.

(1850 г.).

Свидѣтельствую симъ, что мой компаніонъ Михайло Ивановъ сынъ Желѣзновъ [2]) дѣйствительно велъ себя бережливо и не только добропорядочно, но даже о т л и ч н о для его о г н е н н а г о характера;—дороговизна выше нашихъ предположеній, но мы проѣхали экономнѣйшимъ образомъ и теперь надѣемся заняться на благословенной М а д е й р ѣ, съ которой будемъ имѣть случай переслать вамъ и почтеннѣйшему вашему семейству настоящей м а д е й р ы, только, чуръ, никому не давать. Покорнѣйшій вашъ слуга Карлъ Брюлловъ [3]).

---

[1]) Князь Петръ Романовичъ Багратіонъ (1819†1874),—въ то время адъютантъ его императорскаго высочества герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, впослѣдствіи остзейскій генералъ-губернаторъ.

[2]) Михаилъ Ивановичъ Желѣзновъ—художникъ; ученикъ К. П. Брюллова, сопровождалъ его въ его послѣднемъ путешествіи за границу и издалъ за границей нѣсколько его писемъ и матеріаловъ для біографіи Карла Павловича въ брошюрѣ „Неизданныя письма К.П. Брюллова“ 1867; кромѣ того напечаталъ статью „Нѣсколько словъ о путешествіи К. П. Брюлова на Мадеру“ въ „Модѣ“ 1851 г., стр. 66 и др.

[3]) Напечатано М. И. Желѣзновымъ въ его книгѣ «Неизданныя письма К. П. Брюллова» 1867, стр. 19.

85.

К. П. Брюлловъ—А. А. Ѳомину [1]).

(1850 г.).

Carissimo Ѳомушка! Получилъ я твое письмо отъ 21 іюня 1849 г. и 3 февраля. Спасибо отъ всего больнаго сердца и прошу не замедлить отвѣтомъ на сіе, прошу тебя сходить, не теряя ни минуты, къ г. Аралову [2]) и попроси его совѣта, какимъ бы образомъ мнѣ можно было деньги мои, находящіяся въ банкѣ, въ разныхъ билетахъ, переложить въ 2 билета. У меня уже находится оныхъ билетовъ одиннадцать, и, что онъ тебѣ скажетъ, напиши наиподробнѣйшимъ образомъ, а лучше упроси его самого изложить всѣ законныя мудрости, а самъ, пожалуйста, подробнѣе опиши мнѣ все касательно моей квартиры; до меня дошли слухи, будто бы нѣкоторыя изъ моихъ вещей разобраны, какъ-то: фортепіано, органъ и разныя прочія; еще повторяю мою усерднѣйшую просьбу о сохраненіи всего въ томъ же порядкѣ, какъ я оныя оставилъ. Если... вздумалъ бы искать какихъ-нибудь своихъ вещей, то прошу воспретить, ибо оныхъ не находится, самъ же я буду, если не въ этомъ году, то въ томъ, если Богъ позволитъ. Соболѣзную о тебѣ, любезный Александръ Андреевичъ, о твоей потерѣ супруги, воля Божья—терпѣніе; всякій да несетъ крестъ свой. Живи для Саши, котораго и я люблю и не забуду, смотри за нимъ, учи его, а, главное, укорени въ немъ чувства чести и сдѣлай его похожимъ на тебя въ этомъ отношеніи. Кланяйся... и скажи, что я буду къ ней (?) писать въ другомъ письмѣ, пароходъ отходитъ, и я пишу чужими чернилами и на чужой бумагѣ, въ чужой квартирѣ. Прощай, другъ мой, Богъ да дастъ тебѣ силы и укрѣпитъ тебя для священной обязанности отца. Поцѣлуй Сашу отъ меня, кланяйся Андреево; что онъ не припишетъ хоть нѣсколько словъ въ твоемъ письмѣ? Больно сердцу, не могу болѣе. Прощай! Весь твой постоянный другъ Карлъ [3]).

---

[1]) Александръ Андреевичъ Ѳоминъ—живописецъ; былъ товарищъ К. П. Брюллову по Академіи; уѣзжая за границу, К. П. оставилъ Ѳомину на сохраненіе свою квартиру и всѣ находившіяся въ ней вещи.

[2]) Араловъ—пріятель К. П. Брюллова, одинъ изъ директоровъ коммерческаго банка. (Примѣч. М. И. Желѣзнова).

[3]) Напечатано М. И. Желѣзновымъ въ его книгѣ «Неизданныя письма К. П. Брюллова» 1867, стр. 19—21.

86.

А. П. Брюлловъ К. П. Брюллову.

26-го января 1850 г. С.-Петербургъ.

Въ предположеніи, что ты постоянно пребываешь на felice isola di Madeira, посылаю тебѣ письмо, полученное мною по иностранной почтѣ.

Слухомъ земля полнится, а слухи на твой счетъ благопріятны, что очень насъ радуетъ. Дай Богъ, чтобъ ты получилъ для старости постоянное здоровье и не зналъ бы болѣе этихъ страданій. У насъ, кажется, все благополучно. Мраморный дворецъ[1]) я благополучно кончилъ и въ немъ уже живутъ; государю угодно было произвести меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ надеждѣ, что въ нынѣшнемъ году буду имѣть отдохновеніе, я мечталъ уже сдѣлать прогулку на Мадеру, чтобъ увидать тебя и природу, о которой говорятъ, какъ объ образцовой; но новыя занятія накапливаются, а потому и думать нечего и оставляю все до лучшаго времени. Я не видалъ еще твоего портрета герцога Лейхтенбергскаго, о которомъ здѣсь говорятъ съ восторгомъ, но надняхъ увижу.

28-го января. Вспомнилъ, что сегодня день твоего ангела: поздравляю тебя и посылаю тебѣ всѣ желанія блага, какія только могутъ родиться въ твоей философской головѣ, постигающей чего искать желать и что бренно.

87.

К. П. Брюлловъ А. А. Ѳомину.

23-го мая 1850. Палада.

Благодарю тебя, любезнѣйшій Александръ Андреевичъ, за твое письмо и прошу впредь быть также исправнымъ на дружескія просьбы. Я отправляюсь теперь одинъ въ Барселону, гдѣ находится какой-то старецъ, имѣющій дивный секретъ излѣчивать сердечныя болѣзни, и уже три опыта служатъ тому доказательствомъ; можетъ быть, онъ пособитъ и моему горестному сердечешку. Боже мой! съ какою бы радостію прижалъ васъ, милые друзья мои, къ выздоровѣвшему сердцу, будемъ надѣяться.

---

[1]) Подъ наблюденіемъ А. П. Брюллова въ Мраморномъ дворцѣ производился большой ремонтъ (См. объ этомъ дворцѣ въ „Русск. Стар.“, 1885 г., т. XLVI, стр. 421—448).

Теперь къ дѣлу: прошу тебя двѣ неоконченныя картины, представляющія пріапическія сцены, вручить князю Петру Романовичу Багратіону [1]), но другихъ не показывать и сохранять за печатями въ условленномъ порядкѣ. Ты просишь меня увѣдомить заранѣе насчетъ квартиры, объ этомъ не безпокойся: еслибъ я и пріѣхалъ неожиданно, то приглашаю и прошу тебя жить со мною, братъ и другъ, ты теперь одинъ, какъ и я, мы другъ другу можемъ быть полезны. Ты мнѣ ничего не пишешь о бѣдномъ Филиппѣ Ос(иповичѣ) Будкинѣ [2]), напиши, пожалуйста, какъ и отъ чего мы потеряли его. Не лѣнись писать мнѣ о всѣхъ подробностяхъ, касающихся до всего, что мнѣ дорого, что... ради Бога упроси ее (?) приписать, хотя нѣсколько словъ больному, но вѣчно постоянному сердцу вашего друга Карла Брюллова [3]).

88.

К. П. Брюлловъ неизвѣстному [4]).

30-го августа 1850 г. Римъ.

Дорогой другъ! Я надѣюсь, что вы благополучно прибыли въ свое милое отечество и не забыли еще вашихъ барселонскихъ друзей.

Поэтому я пишу вамъ въ полной увѣренности, что вы не откажете мнѣ въ своемъ совѣтѣ касательно моего здоровья. Я желаю провести зиму въ Неаполѣ и мнѣ хотѣлось бы заранѣе знать обстоятельно, найду ли я тамъ необходимыя удобства, т. е., могу ли я найти тамъ такой же домъ, какъ и во Флоренціи, о которомъ вы мнѣ говорили, или, по крайней мѣрѣ, найду ли я тамъ квартиру со всѣмъ необходимымъ въ моемъ положеніи. Вы знаете лучше другихъ, что для меня требуется, собственно, немного: простой, но здоровый столъ и комната, выходящая на солнечную сторону; при этомъ желательно, чтобы все это было по цѣнѣ доступной для артиста, а не аристократа. Я надѣюсь, что вы не замедлите отвѣтомъ ни минуты, зная, что время бѣжитъ и уже наступаютъ холода и сырость, отъ которыхъ я долженъ мчаться подобно курьеру. Горячо прошу васъ отвѣтить мнѣ сейчасъ же; тѣмъ вы доставите большое удовольствіе своему вѣрному другу Брюллову. Съ полнымъ уваже-

---

[1]) См. о немъ письмо № 83.

[2]) Филиппъ Осиповичъ Будкинъ (1806†1850),—портретный живописецъ, академикъ Академіи художествъ.

[3]) Напечатано М. И. Желѣзновымъ въ его книгѣ „Неизданныя письма К. П. Брюллова“ 1867, стр. 22—24.

[4]) Подлинникъ на итальянскомъ языкѣ.

ніемъ и преданностью прижимаю васъ къ своему слишкомъ быстро бьющемуся серцу. Вашъ другъ К. Брюлловъ. Via Sistina № 79.

89.

К. П. Брюлловъ В. И. Григоровичу.

Сентябрь 1850. Roma.

Illustrissimo amico Василій Ивановичъ! Вѣчно приходится мнѣ васъ просить, хоть не для себя, но зная ваше доброе сердце, вполнѣ увѣренъ, что вы не откажете вспомоществовать вашимъ мощнымъ словомъ въ пользу человѣка, вполнѣ заслуживающаго вниманія добрыхъ людей. Нуждающійся въ вашемъ добромъ словѣ есть ученикъ мой Өедоровъ [1]), скопировавшій копію съ Giulio Romano «Coronazione», за нѣсколько лѣтъ уже представилъ оную въ Академію Художествъ въ Петербургѣ и не получилъ за оную никакого вознагражденія; а какъ вы поручили узнать о цѣнѣ оной копіи г. Шурупову [2]), то Өедоровъ немедленно и отвѣчалъ вамъ, назначивъ цѣну двѣ тысячи рублей ассигнаціями. Василій Ивановичъ! если можно ему прибавить, не откажите мнѣ. Онъ—женатый человѣкъ, бородка съ просѣдью, а въ виду ничего не предвидится; онъ же долженъ отправиться будетъ въ Питеръ съ женой нынѣшнимъ лѣтомъ, ему бы пригодилось на вояжъ,—а вы знаете, что значитъ ѣхать съ самкой. Если можно, вы сдѣлаете: это доставитъ большое удовольствіе вашему больному другу, который и лѣнивъ писать, но прилежно помнитъ васъ. Я ни шагу почти не дѣлаю здѣсь въ Римѣ, чтобъ не побесѣдовать съ вами. Какъ вы изумились бы теперь, взглянувши на эту трижды властвовавшую надъ міромъ старуху, одряхлѣвшую наконецъ—и кажется уже невозвратно:—это трупъ, еще дышащій, а насѣкомыя уже ползаютъ по немъ.

Я сдѣлалъ рисунокъ одной дамѣ, представляющій Римъ въ видѣ старой сѣдой женщины, облокотившейся на руку, на колѣняхъ бременящій ее шлемъ, щитъ съ буквами S. P. Q. R. свалился съ лѣвой ея руки, въ ногахъ—обломанная мраморная волчица съ Ромуломъ и Рем(омъ). Но ея защитники еще охраняютъ ее: это—Мпкель-Анджело, держащій рисунокъ, на коемъ начерчена капелла Sistina, а по лѣвую—Ра-

---

[1]) Степанъ Өедоровичъ Өедоровъ (Худояровъ),—впослѣдствіи извѣстный мозаичистъ (род. въ 1810 г., ум. въ 1865 г. въ Римѣ). За копію съ упоминаемой въ этомъ письмѣ картины онъ получилъ званіе свободнаго художника.

[2]) Архитекторъ.

фаэль съ своими рисунками Ватикана; сзади ихъ видны тѣни Цезарей—Тита, Траяна, Марка Аврелія и прочихъ; вдали—неоцѣненные остатки древности и куполъ Петра. Вотъ что заставило такъ галловъ нынѣшнихъ быть осторожными въ метаніи артиллерійскихъ пилюль, а не то, что новые гуси вздумали, то-есть, что храбрость, пробудившаяся въ нихъ, заставила продлить осаду на два мѣсяца [1]); надобно отдать справедливость французамъ, что они даже учтиво стрѣляютъ. Я видѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ядра (въ) 36 фунтовъ, направленныя именно туда, гдѣ не могло причинить ни(ка)кого вреда ни монументамъ, ни какимъ-либо изящнымъ произведеніямъ; но что изъ рукъ вонъ, такъ это—церковь Pietro Montorio, которая вся разстрѣлена: алтари, картины, колонны, украшающія ихъ, балюстрады изъ дорогихъ мраморовъ, вся эта дорогая дрянь совершенно разрушена, кромѣ перваго придѣла, въ которомъ находится «Біеніе Христа» Daniel de Volterra [2]) и, какъ говорятъ, съ помощью Микель-Анджело написанная картина. Усталъ, грудь больно.

P. S. Если еще не отправленъ ко мнѣ пенсіонъ, въ которомъ я очень нуждаюсь, то сдѣлайте милость, скажите, гдѣ слѣдуетъ, чтобы переслали черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ; я уже просилъ г. секретаря посольства нашего въ Римѣ г. Скарятина [3]), который и писалъ объ ономъ въ Питеръ, но до сихъ поръ—никакого результата; сдѣлайте милость, дорогой мой цензоръ, похлопочите еще немного для страждущаго вашего истиннаго друга до конца. Покорный слуга Карлъ Брюлловъ [4]).

---

[1]) Говорится объ осадѣ Рима французами лѣтомъ 1849 г. (См., между прочимъ, объ этомъ письмо другаго художника—А. А. Иванова къ Н. В. Гоголю въ книгѣ „А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка“,—изд. М. Боткина. Спб. 1880, стр. 262).

[2]) Daniele Ricciarelli, прозванный Даніеле-да-Вольтерра (1509†1566).

[3]) Александръ Яковлевичъ Скарятинъ,—въ то время камеръ-юнкеръ, секретарь посольства въ Римѣ, впослѣдствіи гофмейстеръ; сконч. 18-го сент. 1884 г.

[4]) Впервые отрывокъ изъ этого письма былъ напечатанъ еще при жизни Карла Павловича въ отчетѣ Академіи художествъ за 1849—1850 ак. годъ (стр. 9); затѣмъ въ „Русскомъ Вѣстн.“ 1861 г., т. 35, стр. 46, прим. 2-е; наконецъ, въ полномъ видѣ появилось на стр. „Русск. Стар.“ 1879, т. 26, стр. 727—729. Мы печатаемъ его по оригиналу, хранящемуся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

90.

К. П. Брюлловъ его императорскому высочеству герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому [1]).

Римъ—апрѣль, май, 1851 г.

Ваше императорское высочество! Имѣвъ счастіе получить предписаніе вашего императорскаго высочества отъ 2-го минувшаго марта за № 35-мъ, въ которомъ мнѣ объявлено, что государь императоръ вслѣдствіе исходатайствованія господина генералъ-фельдмаршала министра императорскаго двора, по представленію вашего императорскаго высочества, изъявилъ высочайшее соизволеніе на безсрочное пребываніе мое за границей съ сохраненіемъ получаемаго мною донынѣ содержанія (1716 руб. серебромъ въ годъ),—священнымъ долгомъ поставляю принести искреннѣйшую чувствительную мою признательность за таковую монаршую милость и за живое ко мнѣ участіе, которымъ я удостоенъ вашимъ императорскимъ высочествомъ. Здоровье мое, не взирая на строжайшее со стороны моей исполненіе всѣхъ врачебныхъ предписаній, не даетъ еще надеждъ о его возстановленіи и одно только упованіе на Бога поддерживаетъ меня. Съ сердцемъ, преисполненнымъ благодарности, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почитаніемъ вашему императорскому высочеству покорнѣйшимъ слугою Карлъ Брюлловъ.

91.

К. П. Брюлловъ—графу Ѳ. П. Толстому [2]).

2-го іюля 1851 г., Мансіано.

Ваше сіятельство, милостивый государь, графъ Ѳедоръ Петровичъ! Вслѣдствіе вашего письма отъ 2-го іюня съ предписаніемъ его императорскаго высочества господина президента [3]), спѣшу отвѣчать вашему сіятельству съ первою почтою, препровождая при семъ письмо къ г. (А. А.) Ѳомину [4]), въ которомъ прошу его размѣстить, куда слѣдуетъ,

---

[1]) Герцогъ Максимиліанъ-Евгеній-Іосифъ-Наполеонъ Лейхтенбергскій—(1817†1852),—президентъ Академіи художествъ.

[2]) Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой (1783†1873), въ то время вице-президентъ Академіи художествъ, живописецъ и медальеръ.

[3]) Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго.

[4]) См. слѣдующее письмо.

вещи, находящіяся въ моей мастерской или комнатѣ, назначенной для вашего кабинета. Пользуясь симъ случаемъ и помня всегдашнее ваше ко мнѣ расположеніе, беру смѣлость обезпокоить ваше сіятельство приказать поспѣшить переслать мнѣ за двѣ трети прошлаго года слѣдующія мнѣ двѣ тысячи рублей изъ Кабинета; срокъ имъ кончился уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; лѣченіе мое требуетъ большихъ издержекъ, а зарабатывать нѣтъ возможности. Вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Карлъ Брюлловъ.

92.

К. П. Брюлловъ—А. А. Ѳомину [1]).

2-го іюля 1851 г., Мансіано.

Любезнѣйшій Александръ Андреевичъ! Я получилъ предписаніе отъ вице-президента—очистить для его кабинета мою мастерскую, почему и прошу тебя поспѣшить перемѣщеніемъ всѣхъ вещей, въ ней находящихся, въ другія комнаты, т. е., картину неоконченную «Псковъ» свернуть также и другіе портреты г-жи Самойловой, Шишмаревыхъ и проч. и уложить ихъ на верхъ въ кухнѣ, которая находится противъ моей квартиры черезъ корридоръ; органъ и стулья и пьедесталъ съ Пушкинскимъ бюстомъ помѣстятся удобно въ другихъ комнатахъ. Если жъ тебѣ покажется слишкомъ тѣсно оставаться въ остальныхъ комнатахъ, и ты вздумаешь перебраться въ свой домикъ, то прошу тебя перевезти всѣ мои мебели и картины и вещи, какъ-то: ящики съ оружіемъ и прочія запечатанныя, сохраняя цѣлость печатей. Мебелью можешь пользоваться какъ твоей собственностью, картинъ же не раздавать никому и даже не показывать и держать ихъ свернутыми; я надѣюсь, что у тебя, въ миломъ домикѣ, найдется мѣсто для всего моего хлама. Что ты не пишешь мнѣ? или замерло у тебя обѣщаніе быть постояннымъ въ перепискѣ? пожалуйста, пиши почаще, всякая вѣсточка отъ васъ мнѣ доставляетъ неимовѣрное удовольствіе, попроси приписать хоть двѣ строчки Василія Васильевича Самойлова [2]), да не лѣнись порадовать больнаго и безнадежно больнаго твоего друга Карла Брюллова.

Я беру бани (или грязи) въ древнихъ баняхъ Клавдія, недавно открытыхъ, которыя мнѣ принесли значительную пользу [3]).

---

[1]) См. о немъ примѣч. къ письму № 85.

[2]) В. В. Самойловъ (1813†1887), извѣстный актеръ.

[3]) Напечатано М. И. Желѣзновымъ въ его книгѣ „Неизданныя письма К. П. Брюллова“ 1867 г., стр. 24—26.

Письма къ Брюлловымъ.

93.

Ф. Амброзоли [1])—К. П. Брюллову.

14-го марта 1837 г. Миланъ.

Дорогой Брюлловъ! Получивъ ваше письмо, отправленное вами изъ Рима, въ концѣ мая 1835 года передъ своимъ путешествіемъ въ Грецію, я сталъ съ нетерпѣніемъ поджидать отъ васъ какихъ-либо извѣстій о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя вы вынесли изъ этой священной страны (т. е. Греціи). Но ожиданія мои не увѣнчались успѣхомъ, и теперь, будучи увѣренъ, что вы уже въ Петербургѣ, я пишу вамъ третье письмо, въ надеждѣ, что участь этого третьяго письма будетъ лучше, чѣмъ участь прежнихъ двухъ. Какъ только я получилъ ваше милое письмо, то тотчасъ отправился къ г-ну Бинаги, чтобъ получить ваши работы, которыя я храню у себя вмѣстѣ съ вашими книгами и другими вещами. Кстати, у меня находится ваша картина: «Смерть Инесы де-Кастро», на которую я не перестаю любоваться, и былъ бы очень огорченъ, еслибъ ее у меня взяли. Между прочимъ, среди лицъ, приходящихъ посмотрѣть на эту картину, есть не мало и вашихъ соотечественниковъ... Въ концѣ прошлаго года былъ я въ Парижѣ, но не видалъ г-на (А. Н.) Демидова, да, признаться, и избѣгалъ съ нимъ встрѣчи, изъ боязни, какъ бы у меня не утащили вашей картины.—Нашъ вице-король, какъ вамъ уже извѣстно, заплатилъ за вашъ рисунокъ въ альбомъ для вице-королевы 50 луидоровъ; деньги эти находятся у Фумагалли и, если вы желаете, я могу переслать ихъ немедленно вамъ... Отвѣтьте же мнѣ наконецъ, могу ли я надѣяться увидѣть васъ въ Миланѣ? Неужели вы забыли прекрасныя утра Италіи, забыли всю поэзію нашей страны и на вѣки поселились въ странѣ льда, въ вашей сѣверной столицѣ? во всякомъ случаѣ, если вы не пріѣдете къ намъ, то увидите меня у себя. Итакъ, пишите, если вамъ что-либо нужно, и я всегда исполню съ охотой ваши порученія; пишите обо всемъ, ибо вы знаете, какъ я интересуюсь всѣмъ тѣмъ, что касается васъ. Вашъ искренно любящій другъ Амброзоли [2]).

---

[1]) Вѣроятно, это тотъ самый Франческо Амброзоли, который написалъ въ 1833 г. брошюру о картинѣ К. П. Брюллова «Послѣдній день Помпеи». Gran quadro del cavaliere Carlo Brulloff, rappresentante l'ultimo giorno di Pompeja, esposto nelle sale del palazzo di Brera". Millano 1833. (Отрывки изъ нихъ были напечатаны на русск. яз. въ „Библ. для чтенія" 1834, т. I, отд. III., стр. 131—132).

[2]) Подлинникъ на итальянскомъ языкѣ.

94.

Князь П. Р. Багратіонъ [1]—К. П. Брюллову.

28-го февраля 1851 г. С.-Петербургъ.

Государь соизволилъ продлить отпускъ вашъ въ Италію, Сицилію и всюду, куда потребуетъ здоровье ваше, съ полнымъ содержаніемъ отъ Академіи и изъ кабинета, на безсрочное время.

Вотъ, дорогой и добрѣйшій другъ, извѣстіе, которое конечно васъ порадуетъ. Вы видите, что я не медлю отвѣчать вамъ на ваше письмо отъ 10-го февраля. Благодарю васъ за память, благодарю васъ за довѣріе. На дняхъ вы получите оффиціальное увѣдомленіе о милости царской. Я же сію минуту получилъ объ этомъ записку отъ добраго нашего герцога [2]). Хочу сегодня еще бросить письмо мое на почту чтобы скорѣе успокоить васъ, добрѣйшій другъ. Завтра ѣдетъ отсюда въ Римъ флигель-адъютантъ графъ Гейденъ [3]). Съ нимъ пришлю письмо по длиннѣе.

Цѣлую и обнимаю васъ. Искренно преданный вашъ другъ и обожатель кн. П. Багратіонъ.

P. S. Въ квартирѣ вашей все исправно. Я былъ тамъ вчера. Цѣлую васъ сто разъ.

95

Князь П. Р. Багратіонъ—К. П. Брюллову.

2-го (14-го) марта 1851 г. С.-Петербургъ.

Третьяго дня написалъ я къ вамъ нѣсколько строкъ, дражайшій и почтеннѣйшій другъ Карлъ Павловичъ. Я спѣшилъ увѣдомить васъ, что по представленію нашего добраго герцога, государь позволилъ продлить пребываніе ваше за границей на безсрочное время съ сохране-

---

[1]) Князь Петръ Романовичъ Багратіонъ (1819—1874),—въ то время полковникъ, адъютантъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго; впослѣдствіи остзейскій генералъ-губернаторъ. (См. письмо № 83).

[2]) Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, президента Академіи художествъ.

[3]) Графъ Ѳедоръ Логгиновичъ Гейденъ (род. въ 1821 г.), въ то время полковникъ, флигель-адъютантъ; впослѣдствіи начальникъ Главнаго штаба, финляндскій генералъ-губернаторъ и нынѣ членъ Государственнаго Совѣта (см. слѣдующее письмо).

ніемъ получаемаго вами содержанія отъ Академіи и отъ Кабинета. Если письмо мое не дошло до васъ, то графъ (Ѳ. Л.) Гейденъ, которому я показывалъ записку его высочества ко мнѣ, подтвердитъ вамъ, что это извѣстіе справедливо, и скажетъ вамъ, сколько я радъ, что желаніе ваше исполнено по милости добраго царя нашего...

Чтобы придать (письму) болѣе полноты, прилагаю отчетъ Академіи за прошлый годъ. На 8-й страницѣ этого отчета вы увидите, какъ умѣютъ въ Петербургѣ цѣнить высокія произведенія ваши [1]), и убѣдитесь, что все, писанное мною въ первомъ письмѣ,—сущая истина, нисколько не преувеличенная.

На дняхъ у насъ открывается новая выставка художественныхъ произведеній и рѣдкихъ вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Это любопытное собраніе картинъ древнихъ и новыхъ школъ, антиковъ, мраморовъ, старинныхъ серебряныхъ вещей, оружія и проч. Государь соизволилъ утвердить проектъ этой выставки и далъ намъ залы Академіи тѣ самыя, гдѣ бываетъ годичная выставка. Посылаю вамъ списокъ членовъ комитета и не замедлю прислать каталогъ, какъ только онъ будетъ напечатанъ. Вашихъ картинъ множество. Давыдовъ прислалъ вашу «Свѣтлану», (Д. Е.) Бенардаки [2])—«Образъ св. Анны». (П. К.) Ферзенъ, Прянишниковъ и многія другія лица, счастливцы, обладающіе произведеніями великаго maestro, спѣшили пощеголять ими. Тутъ даже «Ромулъ и Ремъ», давно вами писанная картина, задатокъ высокой будущности, не говоря о портретахъ (Х. А.) Бека, (А. Н.) Струговщикова и многихъ другихъ, украшающихъ русскую залу. Великолѣпная будетъ выставка. Графъ Ѳедоръ Логгиновичъ Гейденъ, старинный и добрый пріятель мой и товарищъ еще по пансіону, ѣдетъ въ Италію для излѣченія ранъ, полученныхъ имъ на Кавказѣ. Вы, какъ старинный римлянинъ, можете указать ему предметы, болѣе всего достойные вниманія, и, конечно, по добротѣ своей не откажетесь, лю-

---

[1]) На стр. 8—10 „Отчета Импер. Академіи художествъ" за 1849—1850 ак. годъ, между прочимъ, Карлу Павловичу посвящены слѣдующія строки... „упомянуть должно объ отсутствующемъ знаменитомъ нашемъ профессорѣ, находящемся... въ отпуску, для возстановленія здоровья, Карлѣ Брюлловѣ. Въ бытность на островѣ Мадерѣ онъ поправился и могъ исполнить нѣсколько произведеній, въ которыхъ видны неослабѣвающая сила истиннаго таланта и воображенія художника......... О если-бъ угодно было Провидѣнью продлить дни его! Многое изящно-прекрасное, истинное и высокое явилось бы въ чертахъ карандаша его или въ образахъ дивныхъ настоящаго и давно прошедшаго, или въ очеркахъ будущаго, заимствуемаго изъ области всегда юной фантазіи, которая одна способна возстановлять забытое и творить новое, возникло бы еще изъ-подъ его творческой кисти!!»

[2]) Дмитрій Егоровичъ Бенардаки (ум. въ 1870 г.), золотопромышленникъ соорудитель въ С.-Петербургѣ греческой церкви св. Дмитрія Солунскаго.

безнѣйшій Карлъ Павловичъ, быть его менторомъ. Въ чичероне вы уже не годитесь. Полюбите Гейдена ради меня, если правда, что я заслужилъ лестную дружбу вашу. Читая описаніе страданій вашихъ, я не разъ вздохнулъ о томъ, что не могъ въ эти минуты понѣжить и полелѣять васъ. Дорого заплатилъ бы я за возможность снова ухаживать за вами, почтенный другъ, и, мнѣ кажется, присутствіе мое облегчило бы страданія и муки ваши. Не взыщите за самонадѣянность. Тутъ гордости менѣе, чѣмъ любви, и я готовъ бы расцѣловать того, кто умѣетъ развлечь и успокоить васъ въ тяжкія минуты болѣзни. Берегите остатки здоровья, будьте воздержаны, какъ были на Мадерѣ, и авось Богъ доведетъ меня еще разъ увидѣться съ вами. Анюта и Женни всякій день въ молитвахъ своихъ просятъ Всевышняго объ исцѣленіи вашемъ, а молитвы ихъ должны бы восходить до неба.

Я передалъ всѣмъ поклоны ваши, и всѣ чувствительно благодарятъ васъ за память. Великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ я не могъ передать вашихъ словъ, потому что видѣлъ ее на балу черезъ три дня послѣ ея свадьбы и не смѣлъ въ ту минуту привести ей на мысль тяжелыя воспоминанія о смерти отца, котораго она не перестала еще оплакивать. При первомъ удобномъ случаѣ постараюсь исполнить ваше порученіе. Ихъ высочества герцогъ и великая княгиня Марія Николаевна поручили мнѣ кланяться вамъ и передать ихъ желаніе о выздоровленіи вашемъ. Графиня Бобринская, урожденная гр. Шувалова [1]), благодаритъ васъ за память и говоритъ, что она очень васъ любитъ. Айвазовскій [2]), Самойловъ [3]), Ѳ. А. Бруни, (В. И.) Григоровичъ и А. А. Ѳоминъ, которыхъ я видѣлъ на дняхъ, усерднѣйше кланяются вамъ. Часто бываю я у Ѳомина [4]), рѣдко застаю его дома, но всегда просиживаю болѣе часа предъ «Осадой Пскова» и неоконченными картонами графини Самойловой, Меллеръ-Закомельской и Шишмаревыхъ. Эти часы—часы величайшаго наслажденія. Я сажусь на старую вашу красную оттоманку и воображаю тѣ минуты, когда вы на этомъ самомъ мѣстѣ задумывали высокую думу и передавали ее вѣкамъ. Ѳоминъ позволилъ мнѣ снять копію съ портрета вашего, сдѣланнаго Каневскимъ [5]), и тѣмъ много одолжилъ меня. Все въ квартирѣ вашей

---

[1]) Софія Андреевна,—жена графа Александра Алексѣевича Бобринскаго.

[2]) Иванъ Константиновичъ Айвазовскій—знаменитый недавно скончавшійся маринистъ, въ то время уже профессоръ Академіи художествъ (род. въ 1817†1900).

[3]) Василій Васильевичъ Самойловъ,—извѣстный актеръ (1813†1887).

[4]) А. А. Ѳоминъ жилъ въ квартирѣ К. П. Брюллова. (См. о немъ прим. къ № 85).

[5]) Ксаверій Ксаверіевичъ Каневскій (1804 † 1867),—академикъ Академіи художествъ, впослѣдствіи директоръ Варшавской художественной школы.

исправно. Всѣ вещи спрятаны въ особую комнату и запечатаны. Въ мастерской только портреты, о которыхъ я говорилъ уже, «Осада Пскова» и плащаница, писанная, какъ мнѣ говорилъ Ѳоминъ, какимъ-то монахомъ Сергіевскаго монастыря и вами поправленная. Портретъ великой княгини Александры Николаевны виситъ въ гостиной Ѳомина. Огромный органъ—въ мастерской, гдѣ также находится бюстъ Пушкина вызолоченный, на каминѣ—Кукольникъ [1]). У окна электрическая машина и на полкахъ нѣсколько алебастровыхъ коровъ, верблюдовъ, лошадей, маски Наполеона и Пушкина. Вы видите, что я подробно изучилъ квартиру вашу. Скажу даже, что на стѣнѣ возлѣ полокъ рукою вашею написано мѣломъ: «въ 8 лѣтъ сожгли 207.800 человѣкъ» и еще нѣсколько цифръ внизу. Теперь я, какъ членъ комитета выставки, бываю каждый день въ Академіи и захожу всякій разъ въ квартиру вашу, какъ влюбленный, чтобъ подышать воздухомъ ея.

Письмо ваше дошло въ Петербургъ въ три недѣли, а представьте себѣ, что въ тотъ же день я получилъ письмо съ острова Тенерифа въ 18 дней. Каково усилилось движеніе пароходства. Когда же Римъ соединится съ Вѣной желѣзной дорогой? Новостей у насъ немного. На Невѣ поставленъ новый мостъ—великолѣпное сооруженіе; но самая новая новость—та, что нашъ преподобный Паншинъ женился на графинѣ Соллогубъ [2]) и тотчасъ послѣ свадьбы уѣхалъ въ Москву. Сегодня я получилъ отъ него письмо, исполненное выраженія счастья супружескаго. Жена его предоброе существо, но можно ли было подумать, что Паншинъ (ходячіе счеты) женится на дѣвушкѣ безъ состоянія. Такъ часто бываетъ умъ съ сердцемъ не въ ладу, и это говоритъ въ пользу нашего Паншина.

Приказывайте мнѣ, дорогой другъ, если въ чемъ еще встрѣтится вамъ надобность, располагайте мною совершенно. Я счастливъ буду служить вамъ всѣми силами головы и ногъ. О сердцѣ говорить нечего, оно давно ваше, и вы это знаете. Если же вы въ состояніи отвѣчать мнѣ, то порадуйте меня; хоть продиктуйте письмо Гейдену да подпишите, если своихъ силъ не хватитъ. Онъ обѣщалъ мнѣ исполнить это желаніе мое. Всякое письмо ваше—праздникъ семейный, и въ тотъ день пьется за обѣдомъ во здравіе ваше бутылка лучшей мадеры. Съ радости пьянѣемъ.

Такъ какъ вы теперь вѣроятно на Мадеру не воротитесь, то подумайте, любезный другъ, не лучше ли выписать оттуда всѣ вещи ваши,

---

[1]) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (1809 † 1868),—извѣстный писатель. Братья Кукольники были одни изъ раннихъ пріятелей К. П. Брюллова, который со всѣхъ нихъ писалъ портреты.

[2]) Платонъ Ивановичъ Паншинъ,—въ то время ротмистръ гусарскаго полка. Былъ женатъ на Вѣрѣ Львовнѣ, урожд. гр. Соллогубъ.

тамъ оставленныя; мнѣ жаль вашихъ эскизовъ, которые пропадутъ на этомъ дикомъ островѣ.

Не лѣнитесь, милый, добрый Карлъ Павловичъ, подарите мнѣ хоть словечко. Это будетъ подарокъ всѣмъ вашимъ знакомымъ. Половина Петербурга обращается ко мнѣ постоянно съ вопросами объ васъ, будто въ справочную контору. Всѣ мы благодаримъ васъ отъ полноты сердца за обѣщанныя картины и рисунки. Вы сами знаете, сколько дороги для меня эти жемчужины вѣнца вашего. Но дороже всего здоровье друга. Не утомляйте себя и не забывайте, что мы безъ памяти любимъ васъ.

Вотъ вамъ длинное нескладное письмо. Тороплюсь, какъ почтовая лошадь. Гейденъ уѣзжаетъ сегодня и на словахъ передастъ вамъ мои мысли и желанія.

Обнимаю васъ отъ всего сердца. Да сохранитъ васъ Господь на славу, на гордость и на любовь искренно преданнаго вамъ и почитающаго васъ друга князя П. Багратіона.

96.

Баруцци [1]) К. П. Брюллову.

30-го января 1835 г. Болонья.

Дорогой другъ!..... Я получилъ письмо отъ графа (П. К.) Ферзена, со вложеніемъ тысячи экю за мраморную статую для княгини — его двоюродной сестры. Кстати, вотъ и тебѣ письмо графа, которое онъ просилъ тебѣ переслать. А отъ тебя я до сихъ поръ такъ и не получалъ отвѣта на оба мои письма, хотя Өедоровъ и сказывалъ мнѣ, что ты мои письма получилъ. Впрочемъ, твои заботы обо мнѣ для меня, конечно, дороже и больше значатъ, чѣмъ письмо, хотя желательно было бы получить и послѣднее.

...... Кто только о тебѣ не спрашиваетъ? кто только не желаетъ тебя видѣть здѣсь? Для тебя готовится у насъ торжественный пріемъ и ужинъ въ Большомъ театрѣ, и я увѣренъ, что ты не обманешь нашихъ ожиданій и пріѣдешь. Президентъ и всѣ наши товарищи по Академіи жаждутъ тебя видѣть у себя, и нѣкоторые очередные вопросы даже перенесены на другое время, чтобы и ты могъ присутствовать при ихъ обсужденіи. Всѣ шлютъ тебѣ общій привѣтъ, я же за всѣхъ обнимаю тебя. Любящій тебя Баруцци [2]).

---

[1]) Итальянскій скульпторъ, съ котораго К. П. писалъ портретъ.

[2]) Подлинникъ на итальянскомъ языкѣ.

97.

Ѳ. Б. Булгаринъ [1]—А. П. Брюллову.

30-го марта 1840 г. С.-Петербургъ.

Ангелъ Александръ Павловичъ! Со всей семьей записываюсь къ вамъ на десять лѣтъ въ рабство, если пристроите моего protégé Ромула Гейста, юношу честнаго, кроткаго, добраго и имѣющаго страсть быть архитекторомъ.

На ваше святое слово вызвалъ я его и помѣстилъ близъ васъ. Отъ васъ жду, какъ отъ Бога, счастья бѣднаго семейства. Если бъ вы для роднаго моего сына сдѣлали благодѣяніе, то я не былъ бы вамъ столько обязанъ, какъ за этого юношу! Душевно преданный на вѣки вѣковъ Ѳ. Булгаринъ.

98.

Р. А. Винсперъ [2]—А. П. Брюллову.

17-го февраля 1827 г. Римъ.

Любезнѣйшій Александръ Павловичъ!.. Отъ нашихъ художниковъ узналъ я, что для развлеченія отъ скуки занеслись вы въ Швейцарію; жаль только, что не въ хорошее время, когда край сей являетъ въ очаровательномъ и блестящемъ видѣ свои ужасы. Хвала вамъ за то, что старый и развратный волшебникъ [3] васъ не приманиваетъ къ себѣ!

Еще хвала намѣренію вашему употребить пребываніе въ Парижѣ болѣе для умственной, нежели для вещественной выгоды. Римъ есть единственный городъ для художниковъ, хотя онъ не уступитъ другому въ отношеніи развратности... Очень умно вы дѣлаете, Александръ Павловичъ, что отправляетесь въ Англію: тамъ несравненно болѣе толку и честности, чѣмъ во Франціи; кромѣ сего ландшафтному и портретному живописцу предоставляются тамъ пріятнѣйшія занятія. Графъ Воронцовъ [4] будетъ для васъ въ Лондонѣ безцѣнное знакомство; прошу

---

[1]) Ѳаддей Бенедиктовичъ Булгаринъ, (1789†1859), извѣстный писатель.

[2]) Робертъ Антоновичъ Винсперъ (или Винспіеръ) см. о немъ письма №№ 47, 61.

[3]) Т. е. Парижъ.

[4]) Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ (1782†1856) былъ хорошо знакомъ съ Р. А. Винсперомъ и находился съ нимъ въ перепискѣ (См. «Архивъ кн. Воронцова» т. XXXVII, стр. 354 — 355, 382; т. XVII, стр. 48; т. XXIII, стр. 405).

васъ засвидѣтельствовать какъ ему такъ, и графу Семену Романовичу [1]), лэди и лорду Пемброку мое глубокое почтеніе. Постарайтесь застать ихъ въ Лондонѣ, хотя бы и пришлось ускорить вамъ отъѣздъ изъ Парижа.

Не думаете ли вы протягать дорогу сквозь Шотландію? Вы знаете, сколько сей край богатъ картинными мѣстоположеніями въ необыкновенномъ родѣ! Въ случаѣ же сбудется ваша поѣздка въ Шотландію, сдѣлайте дружбу—познакомьтесь съ Вальтеръ Скоттомъ, котораго я считаю чрезвычайнымъ живописцемъ и уважаю выше всякаго выраженія.—Въ прошломъ мѣсяцѣ прибылъ сюда г. Киль [2]), который отправился черезъ нѣсколько дней въ Неаполь, гдѣ занимаетъ мѣсто барона Сакена [3]). Онъ привезъ мнѣ письмо отъ его брата [4]) полковника, адъютанта е. и. в. Константина Павловича; въ семъ письмѣ есть нѣсколько строкъ, касающихся васъ и Карла Павловича. Послѣ многихъ ласковыхъ и сердечныхъ выраженій проситъ онъ васъ обоихъ, въ случаѣ пріѣзда вашего въ Варшаву, остановиться у него, въ его квартирѣ въ Королевскомъ дворцѣ. Братъ вашъ Карлъ здоровъ и всегда прекрасный чудакъ, какъ я его назвалъ. Прощайте, обнимаю васъ сердечно. Р. Винспіеръ.

99.

Р. А. Винсперъ—А. П. Брюллову.

14-го (26-го) апрѣля 1827 г., Римъ.

Любезнѣйшій Александръ Павловичъ. Получивъ ваше послѣднее письмо, я принужденъ былъ отложить отвѣтъ на него, по причинѣ... поѣздки въ Неаполь.

По возвращеніи моемъ сюда нашелъ г-на Подчацкаго [5]), который

[1]) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ (1744†1832), русскій посланникъ въ Англіи.

[2]) Θедоръ Ивановичъ Киль,—въ то время секретарь русскаго посольства въ Неаполѣ.

[3]) Баронъ Карлъ Θедоровичъ Остенъ-Сакенъ до 1827 г. былъ секретаремъ русскаго посольства въ Неаполѣ, впослѣдствіи вице-директоръ азіатскаго департамента.

[4]) Левъ Ивановичъ Киль (1795†1851),—въ то время адъютантъ великаго князя Константина Павловича: любитель-рисовальщикъ, почетный вольный общникъ Академіи художествъ.

[5]) Ипполитъ Ивановичъ Подчаскій (1792†1879),—былъ сынъ Прасковьи Михайловны Соболевской и воспитанникъ гр. Л. К. Разумовскаго. Въ то время состоялъ на службѣ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, изъ которой уволился въ слѣдующемъ году. (См. А. А. Васильчиковъ «Семейство Разумовскихъ» т. II, стр. 168, и «Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ» подъ ред. В. И. Саитова, т. I, Спб. 1899 г., стр. 550—551).

истинно заслуживаетъ вашу похвалу. Наше знакомство съ нимъ совершено съ первой почти минуты, ибо онъ изъ числа тѣхъ людей, коихъ достоинство является при первой встрѣчѣ. Очень вамъ благодаренъ за портретъ Вальтеръ-Скотта: онъ долженъ быть вѣренъ по выраженію и мастерству. Почтеннѣйшій нашъ министръ получилъ также (экземпляръ); съ большимъ удовольствіемъ, онъ уже показывалъ его разнымъ англичанамъ, которые единогласно расхваливали его сходство съ подлинникомъ. Посланникъ (А. Я. Италинскій) препоручилъ мнѣ благодарить васъ чувствительнѣйше за то, что вы имѣли къ нему таковое уваженіе.— Слава Богу, наши художники заслужили большое вниманіе нашего государя, и есть надежда, что (С. И.) Гальбергъ, (Ѳ. А.) Бруни, (К. А.) Тонъ и прочіе будутъ въ состояніи доказать свое искусство царю и Россіи. В. А. Перовскій много дѣлаетъ для нихъ; не трудно догадаться, что это онъ (дѣлаетъ), хотя ничего никому и не пишетъ. Между тѣмъ неразглашайте сей вѣсти, покуда не дойдетъ къ вамъ вѣрнѣйшая... Веселитесь по вашему вкусу, да пишите какъ можно чаще изъ всѣхъ земель любящему и почитающему васъ отъ всего сердца Р. Винспіеру.

100.

Р. А. Винсперъ—А. П. Брюллову.

24-го іюня (6-го іюля) 1827 г. Римъ.

Любезнѣйшій Александръ Павловичъ! Хлопоты, въ которыхъ я находился, препятствовали моему отвѣту. Дѣла разнаго рода, и при томъ неожиданныя, занимали меня сверхъ обыкновеннаго и казалось, что они удержатъ меня въ Римѣ еще на долгое время. Все вдругъ перемѣнилось, и я ѣду въ Неаполь. Смерть почтеннѣйшаго (А. Я.) Италинскаго [1]), случившаяся 15—27 іюня, дала всему другой видъ, даже моему здоровью. Я оставилъ министра, занимавшагося въ своемъ кабинетѣ въ 4 часа и 10 минутъ по полудни, и побѣжалъ домой, чтобы надѣть другое платье; черезъ четверть часа прихожу къ нему и вижу его сидящимъ съ закрытыми глазами, а г. Коссаковскаго [2]) на колѣняхъ и въ слезахъ у ногъ его... Слово «умеръ» проникло до моего сердца, которое оледенѣло отъ сего внезапнаго зрѣлища.

Италинскій скончался вмигъ отъ сильнаго стеченія крови въ сердце. По вскрытіи тѣла нашли легкое въ крайнемъ разслабленіи, а главную жилу у сердца окаменѣвшею. Кн. (Г. И.) Гагаринъ [3]) отправляетъ

---

[1]) См. о немъ прим. къ письму № 17.

[2]) Графъ Станиславъ Осиповичъ Коссаковскій, въ то время секретарь нашего посольства въ Римѣ; впослѣдствіи сенаторъ.

[3]) См. о немъ прим. къ письму № 17.

теперь должность министра и ждетъ утвержденія на сіе мѣсто. Много покойный сдѣлалъ въ пользу художниковъ; представленія его о нихъ будутъ отправлены на сихъ дняхъ черезъ Коссаковскаго, съ прибавленіемъ сходнаго имъ мнѣнія кн. Гагарина.—Вашъ братецъ Карлъ увезенъ былъ въ Неаполь графиней Разумовской [1]) и г. (И. И.) Подчацкимъ, а черезъ недѣлю возвратится сюда. — Радуюсь, любезный Александръ Павловичъ, что Англія вамъ столько понравилась. Она дѣйствительно стоитъ уваженія: послѣ нашего отечества англійская земля покажется первою въ Европѣ или несравненною. Твердость въ правилахъ чести и достоинства человѣческаго имѣетъ тамъ многочисленнѣйшіе примѣры не какъ въ другихъ странахъ, особливо въ смежной черезъ проливъ.— Прощайте! другъ вашъ Р. Винспіеръ.

101.

Р. А. Винсперъ—А. П. Брюллову.

6 сентября (н. с.) 1827 г. Неаполь.

...Князь (Г. И.) Гагаринъ получилъ уже мѣсто министра въ Римѣ; по сему случаю не худо, чтобы вы писали ему съ поздравленіемъ, ибо его расположеніе ко всѣмъ художникамъ, а особливо къ вамъ, заслуживаетъ этого знака уваженія. Братецъ вашъ отправился въ Римъ въ началѣ прошлаго мѣсяца. Онъ остался въ восхищеніи по разсмотрѣніи всѣхъ или большей части здѣшнихъ природныхъ прелестей и уѣхалъ съ намѣреніемъ пользоваться ими въ ближайшее пребываніе съ будущей весны. Онъ говоритъ, что всякій нелюбящій Неаполя глупъ и что не меньше глупъ и тотъ, кто предпочитаетъ Римъ Неаполю.

Вы, вѣрно, не въ числѣ глупыхъ людей, хотя второе его предложеніе можетъ подвергаться исключенію. (И. И.) Подчацкій ѣдетъ съ графиней (М. Г.) Разумовской до Милана, а оттуда въ Москву одинъ. Василій Алексѣевичъ (Перовскій) пишетъ ко мнѣ изъ Кронштадта, гдѣ имѣетъ трудное дѣло по волѣ государя; Левъ Алексѣевичъ [2]) пишетъ почаще, и оба вспоминаютъ и спрашиваютъ о васъ. Р. Винспіеръ.

---

[1]) Графиня М. Г. Разумовская (См. о ней прим. къ письму № 67).

[2]) Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій (1793†1856),—въ то время дѣйств. статскій совѣтникъ, камергеръ, членъ Департамента удѣловъ.

102.

Князь Л. П. Витгенштейнъ [1]—К. П. Брюллову.

6-го декабря 1834 г., Каменки.

Сейчасъ получилъ письмо отъ друга моего графа (П. К.) Ферзена, который мнѣ пишетъ, что вы меня еще не забыли, любезнѣйшій Карлъ Павловичъ! Это такъ пріятно моему сердцу, что я не могъ утерпѣть написать вамъ эти строки, чтобы вамъ еще разъ повторить, сколь я васъ люблю. Я никогда не забуду пріятнаго времени, которое мы вмѣстѣ проводили въ Римѣ и Флоренціи, и когда вы съ такимъ восхищеніемъ писали портреты дѣтей моихъ. Я не говорю вамъ ничего о томъ, что чувствовалъ, когда читалъ и слышалъ справедливыя похвалы, которыя на счетъ вашего таланта изливались по всей Европѣ, ибо трудно выразить, но, вѣрно, никто изъ друзей вашихъ не принималъ въ этомъ столько участія, какъ я! Дабы и мнѣ имѣть какое-либо чрезвычайное произведеніе вашего таланта, прошу васъ написать мнѣ, когда будете внушены вашимъ поэтическимъ духомъ, картину какую хотите, за которую назначаю вамъ 25.000 рублей. Не откажите мнѣ въ этомъ удовольствіи и напишите мнѣ хоть словцо на этотъ счетъ. Вы, вѣрно, забыли, что я вамъ писалъ черезъ Каньевскаго [2]) и просилъ написать для алтаря каплицы, въ которой похоронена покойная моя жена; я и мѣру вамъ послалъ, но вы мнѣ ничего не отвѣчали Ферзенъ вамъ вѣрно сказалъ, что я женился: Богъ мнѣ послалъ такого же ангела, какъ и прежняя жена моя была, и вмѣстѣ мать маленькимъ сиротамъ [3]). Когда моя картина, которую, надѣюсь, вы не откажете мнѣ написать, будетъ начата и мнѣ дадите знать, то я нарочно пріѣду въ Римъ съ женой, и вы непремѣнно напишете ея портретъ: она вамъ понравится. Полюбите моего Ферзена: онъ стоитъ того: страшный охотникъ до живописи и умѣетъ вполнѣ васъ цѣнить. Не откажите и ему написать маленькую картину,—онъ васъ за то вѣкъ будетъ благодарить и безъ памяти любить. Вашъ другъ князь Витгенштейнъ.

---

[1]) Князь Левъ Петровичъ Витгенштейнъ (род. въ 1799 г.),—сынъ генералъ-фельдмаршала П. Х. Витгенштейна, въ то время—флигель-адъютантъ.

[2]) Ксаверій Ксаверьевичъ Каньевскій. (См. о немъ прим. къ письму № 95).

[3]) Первой супругой кн. Л. П. Витгенштейна была Стефанія Доминиковна, урожд. кн. Радзивиллъ (1809†1832), второй—Леонилла Ивановна, урожд. кн. Барятинская.

103.

Князь Л. П. Витгенштейнъ—К. П. Брюллову.

(1834 г).

. . . Братъ вашъ Александръ, какъ вамъ уже извѣстно, строитъ у меня въ имѣніи близъ Петербурга католическую церковь въ память жены моей. Такъ какъ я желаю, чтобы эта церковь была во всѣхъ частяхъ совершенна, то я желалъ бы, чтобъ вы мнѣ написали главную картину надъ алтаремъ. Церковь посвящена св. Петру потому, что св. Стефаніи нѣтъ. Итакъ, прошу васъ взять сюжетъ изъ жизни св. Петра и, если можно, то и св. Стефана—патрона жены моей помѣстить въ ту же картину, разумѣется, если въ ихъ исторіи найдете (моментъ), когда они были вмѣстѣ. Вообще же я полагаюсь совершенно на васъ въ дѣлѣ избранія сюжета; вы весьма легко поймете мое желаніе и вѣрно не откажетесь его исполнить въ память моего ангела, котораго и вы умѣли цѣнить. Не знаю, исполнилъ ли г. Маріетти мою коммиссію, которому я поручилъ благодарить васъ отъ всего сердца за проектъ монумента покойной жены моей: онъ такъ хорошъ, что я рѣшился поручить его здѣсь сдѣлать (съ маленькими передѣлками) нашему скульптору С. И. Гальбергу. Примите еще разъ чувствительнѣйшую мою благодарность. Никто не могъ лучше васъ изъяснить моихъ чувствъ потому, что вы часто насъ (съ женой) видѣли и знаете, что̀ я потерялъ. Прошу васъ не забывать меня и любить по-прежнему. Витгенштейнъ.

104.

Графъ М. Ю. Віельгорскій [1])—К. П. Брюллову.

У насъ сегодня музыка и итальянцы будутъ. Если это можетъ васъ прельстить, то милости просимъ въ 9 часовъ. Весь вашъ М. Віельгорскій.

(Среда).

105.

В. А. Владиславлевъ [2])—К. П. Брюллову.

2-го апрѣля 1845 г.

Не хотите ли, Карлъ Павловичъ, у меня завтра обѣдать.

---

[1]) Графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій (См. о немъ письмо № 67).

[2]) Владиміръ Андреевичъ Владиславлевъ (1807†1856),—полковникъ гвардіи, писатель.

Будутъ: удивительныя щи,
гречневая каша,
свѣжія яйца съ новой зеленью,
цыплята,
кіевское варенье,
столѣтній хересъ и П. А. Каратыгинъ [1]). Вашъ Владиславлевъ.

106.

М. Н. Воробьевъ [2])—А. П. Брюллову.

1-го ноября 1845 г. Palermo.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Александръ Павловичъ! Максимъ Никифоровичъ, слава Богу, здоровъ; немного рука у него пошаливаетъ, ну да что на нее смотрѣть. Изъ Рима былъ въ Неаполѣ—веселый городъ!—надо правду сказать. Но вы его знаете, онъ ту же физіономію имѣетъ, что и прежде. Теперь я въ Палермѣ уже почти двѣ недѣли; всякій день вижу Monte Piligrino и буду ее видѣть еще мѣсяца два слишкомъ. Я здѣсь съ сыномъ моимъ; онъ занятъ работой по препорученію государя; государь его очень полюбилъ, и надо сказать правду—мило рисуетъ: сильно, умно и съ большимъ вкусомъ, молодецъ! сердце мое порадовалось [3]). О Палермѣ вамъ тоже писать нечего, а ворочусь, такъ и поговоримъ.—Въ Германіи, въ Пруссіи я наслаждался музыкой, но здѣсь заговѣлся: нигдѣ хорошей не слыхалъ; правда, въ Неаполѣ былъ въ оперѣ,—опера порядочная, но оркестръ неваженъ, а послѣ того, что мы слышали въ Петербургѣ, все—ничто. Вотъ уже семь мѣсяцевъ не было скрипки въ рукахъ... горько!—Прощай для меня Бетховенъ и проч. [4]). Хорошо въ Палермѣ погулять, но знаетель,

---

[1]) Петръ Андреевичъ Каратыгинъ (1805†1879),—извѣстный комическій актеръ.

[2]) Максимъ Никифоровичъ Воробьевъ (1787†1855), художникъ: пейзажистъ и перспективный живописецъ; профессоръ Академіи художествъ; извѣстенъ особенно своими картинами, писанными во время путешествія въ Палестину (См. нѣкоторыя его работы въ Русск. музеѣ импер. Александра III-го). Въ Италію онъ ѣздилъ въ 1845 г.

[3]) Сынъ М. Н. Воробьева—Сократъ Максимовичъ находился въ Палермо, при императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, и занимался рисованіемъ видовъ (карандашомъ) для альбома ея величества. (Нѣсколько рисунковъ его перомъ есть въ Русск. музеѣ императора Александра III-го).

[4]) Максимъ Никифоровичъ, какъ извѣстно, былъ большой любитель музыки и прекрасный скрипачъ, но параличъ, поразившій его за нѣсколько лѣтъ до смерти, заставилъ его разстаться съ инструментомъ, который онъ любилъ не меньше кисти. (См. о немъ воспоминанія Н. А. Рамазанова въ его книгѣ: „Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи“, кн. I. М. 1863, стр. 21—23).

какъ оглянусь въ Питеръ, на родину, такъ представляю себѣ скромную новую Смирну [1])... Право, она мила: въ ней нѣтъ ни огромныхъ горъ, ни безмѣрнаго моря, но маленькая рѣчка, хозяйственно устроенный садъ, домъ, гостепріимство чистосердечныхъ хозяевъ..... Вотъ что дорого и чего здѣсь не встрѣтишь. Мило все это вспомнить, а вспомнишь, и сдѣлается грустно. Но теперь зима,—протяну ее, а лѣтомъ въ новую безцѣнную Смирну и въ ней отдохну, ибо глаза мои уже устали отъ огромныхъ горъ. Въ Римѣ шумно, въ Неаполѣ еще болѣе, но Палерма просто стонетъ отъ крика народа; не могу привыкнуть, да и нельзя: съ 4-хъ часовъ утра начинаютъ кричать по всѣмъ улицамъ продавцы и разносчики разныхъ вещей, иной сидитъ съ двумя десятками фигъ, а кричитъ что есть силъ на всю Палерму, и такихъ крикуновъ не сочтешь; все живетъ на улицѣ, въ домѣ жарко и нѣтъ удобства, а на улицѣ мѣста много; я нигдѣ не видалъ столько ребятъ, какъ въ Палермѣ, и каждый кричитъ во все горло и самъ не знаетъ что и зачѣмъ кричитъ, умолку нѣтъ до одиннадцатаго часу вечера, развѣ когда дождь пойдетъ, тогда потише. Впрочемъ славный проспектъ Толедо, но только двумъ каретамъ можно разъѣхаться: народу гибель, точно въ толкучемъ ряду,—карманъ только держи. Бѣлье виситъ и сушится почти изъ всякаго окна и поперекъ улицы. Чудо какъ хорошо! Если хочешь разсѣяться, такъ кофейныхъ много,—тамъ всякая всячина и преинтересная компанія; но я имѣю всѣ удобства дома и счастливъ, что живу въ Hôtel de la Fortuna..... Въ полномъ увѣреніи на вашу дружбу, остаюсь вашъ покорнѣйшій М. Воробьевъ [2]).

107.

С. И. Гальбергъ—А. П. Брюллову.

1-го марта (н. с.) 1828 г. Римъ.

Любезнѣйшій Александръ Павловичъ! Письмо твое пришло въ то самое время, какъ я лишь только воротился изъ Анконы, куда ѣздилъ, чтобъ лѣпить бюстъ графа Капо д'Истрія; послѣ того были у меня разныя хлопоты и неудовольствія; потомъ къ недосугамъ прибавилась еще смертельная тоска; теперь же тоска моя возросла до non plus ultra, а дѣла мои идутъ какъ хуже быть нельзя—до писанья ли тутъ? При всемъ томъ хандра моя, помѣшавъ тебѣ отвѣчать немедленно, не помѣшала исполнить твоего препорученія въ разсужденіи прежнихъ

---

[1]) Говорится о дачѣ Брюлловыхъ въ г. Павловскѣ.

[2]) При письмѣ приложенъ рисунокъ перомъ (Palermo—Monte Piligrino) писанный С. М. Воробьевымъ.

твоихъ корреспондентовъ. Но что̀ съ ними дѣлать? Карлъ самъ тебѣ писалъ; получилъ ли ты его письмо? письмо его болѣе мѣсяца лежало, дожидая конверта и какой-то приписки. Я непрестанно твержу ему, чтобъ онъ писалъ, и насилу могъ вырвать обѣщаніе, что онъ напишетъ къ П. А. Кикину частное письмо; но это обѣщаніе мѣсяца полтора, какъ только повторяется и не перестаетъ быть обѣщаніемъ. Когда я ему говорю: «ты, Карлуша, дошутишь съ обществомъ наконецъ до того, что у тебя пенсію отнимутъ», онъ мнѣ отвѣчаетъ: «этого-то я и хочу, до этого-то я добиваюсь, ибо».... тутъ слѣдуютъ резоны и доказательства, и ты самъ знаешь, что онъ никогда виноватъ не бываетъ. Однакожъ, надобно сказать, что и Общество на него напраслину взводитъ: картину для государя: «Дѣвушка снимаетъ виноградъ» онъ послалъ отсюда еще въ августѣ мѣсяцѣ черезъ наше здѣшнее посольство и вскорѣ затѣмъ послалъ и донесеніе. Я тогда же ему говорилъ, чтобъ онъ начиналъ тотчасъ собираться къ новому донесенію, ибо сборы его обыкновенно продолжаются мѣсяца по два и болѣе; онъ тогда же и сулилъ и теперь все сулитъ. Между тѣмъ въ недавнемъ времени получилъ онъ изъ Питера жалобу, что картина его еще не получена. Онъ же чѣмъ тутъ виноватъ? Онъ долженъ бы отвѣчать и онъ каждый день говоритъ: вотъ сегодня вечеромъ начну писать. Впрочемъ, его увѣрили, что пенсія ему продолжается еще на годъ. Кажется, я о немъ довольно написалъ. Прибавлю еще, что копія «Аѳинской школы» скоро будетъ кончена.

Изъ пробки, которая служила на чернильницѣ, можно иногда хоть капли двѣ чернилъ выжать, а изъ товарища твоего, котораго ты величаешь пробочнымъ, и того не добудешь. Двумя моими письмами я не выжалъ изъ него ни одной капли чернилъ, да и нужды нѣтъ, Панглосъ [1]) говоритъ, что все на свѣтѣ къ лучшему; вѣрю что, по крайней мѣрѣ это къ лучшему. Все-таки поздравь его отъ меня и отъ всѣхъ насъ. У насъ у самихъ здѣсь въ Римѣ радостей цѣлая гора: иначе я, можетъ быть, еще и сегодня не сладилъ бы побѣдить мою хандру и написать къ тебѣ. Читай же. Архитектору Константину Андреевичу Тону быть придворнымъ архитекторомъ съ теперешнимъ его содержаніемъ и сверхъ того выдать ему для напечатанія сочиненія его о дворцѣ Цесарей единовременно 1000 піастровъ. Славно! Онъ пристроенъ на всю жизнь. Брунію [2]) назначается пенсіонъ въ уравненіе съ прочими на 5 лѣтъ. Гофману [3]) продолжается еще пенсіонъ на два года. Габерцеттелю [4])—онъ, бѣдняга, не очень доволенъ—продолжается пенсіонъ

---

[1]) Герой повѣсти Вольтера: „Candide ou l'optimisme".

[2]) Ѳ. А. Бруни.

[3]) Иванъ Ивановичъ Гофманъ (р. 1805, ум. въ 1860-хъ годахъ),—впослѣдствіи академикъ живописи.

[4]) Іосифъ Ивановичъ Габерцеттель (1791†1853),—историческій живописецъ.

еще на одинъ годъ. Гагину [1])—онъ находитъ, что никогда и никому такой обиды не дѣлали, какъ ему теперь, и, при томъ, вовсе безъ вины—продолжить пенсіонъ на два года съ тѣмъ, чтобъ за это онъ кончилъ копію съ Рафаэля, и выдать единовременно 200 піастровъ. Видишь, сколько у насъ радостей и потчиваній!

Аддіо! Пиши, а еще лучше: пріѣзжай, коли можно, прежде нежели начнутся всѣ эти потчиванія, тогда вмѣстѣ попируемъ и пошумимъ. Аддіо! Робертъ Антоновичъ Винсперъ тебѣ кланяется. Онъ къ тебѣ писалъ и послѣ того получилъ еще послѣднее твое письмо, на которое также будетъ отвѣчать въ свое время.

Прости за безтолковщину и знай, что, какъ это письмо ни показалось бы тебѣ гадкимъ, все оно еще въ тысячу разъ пригожѣе моихъ обстоятельствъ. Самуилъ Гальбергъ.

108.

С. И. Гальбергъ—А. П. Брюллову.

15-го—17-го іюня (н. с.) 1828 г. Римъ.

Хорошъ же, братъ, и ты, Шашинька Павловичъ! И ты еще жалуешься на корреспондентовъ! И ты же еще выдумываешь перемѣнить контору корреспонденціи! Да тебѣ ли? Кстати ли и исправнымъ-то быть съ тобою? Но, можетъ быть, въ то же время ты мнѣ пеняешь? Можетъ быть, ни ты, ни твой какъ ты называешь пробочный товарищъ не получали моихъ писемъ. Почему знать? Можетъ быть, у васъ въ Парижѣ такое же негодяющее посольство, какъ въ Неаполѣ, и не заботится о пріемѣ и доставленіи писемъ.

На письмо твое можно бы написать цѣлый томъ въ отвѣтъ; но обо всемъ подобномъ—матеріи курчавой—мы лучше сладимъ, поговоривъ изустно: братъ твой К. П. сомнѣвается, что, можетъ быть, ты уже на дорогѣ въ Питеръ, а я отправлюсь туда мѣсяца черезъ два или около. Увидимся, насмотримся, наговоримся и наспоримся. Сообщаю тебѣ выписку изъ выписки изъ депеши графа Нессельроде [2]) къ князю Г. И. Гагарину, чтобы ты видѣлъ, зачѣмъ ѣду или ѣдемъ: «Изъ отношенія моего отъ 7-го января извѣстно вашему сіятельству, что государь императоръ повелѣлъ мнѣ снестись съ министромъ императорскаго двора о томъ, какія именно работы должны быть назначены скульптору Гальбергу и Орлов-

---

[1]) Августъ Гагенъ—пейзажистъ.

[2]) Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде (1780†1862),—въ то время вице-канцлеръ,—министръ иностранныхъ дѣлъ.

скому [1]). Нынѣ кн. П. М. Волконскій увѣдомилъ меня, что по докладу его о семъ Высочайше повелѣно: скульпторовъ Гальберга и Орловскаго вызвать въ С.-Петербургъ для сочиненія проектовъ статуямъ фельдмаршаловъ князей Кутузова и Барклая де Толли, доставя имъ на путевыя издержки по 150 червонныхъ; по пріѣздѣ же ихъ сюда производить имъ жалованья по три тысячи рублей въ годъ каждому изъ Кабинета..., прошу, снабдивъ ихъ паспортами, приказать имъ, чтобы они немедленно отправились въ Россію и по пріѣздѣ сюда явились къ президенту А. Н. Оленину». Каково? Не худо?! ась? А все же таки не мимо хищныхъ не медальерныхъ ручекъ президента. И вотъ, я теперь спѣшу, гоню, тороплюсь кончить свои работы, которыхъ, какъ на смѣхъ, теперь-то именно ко мнѣ и перепало, да такъ, что даже отказываться долженъ. Экой срамъ! Я ѣздилъ въ Анкону, чтобы сдѣлать тамъ бюстъ гр. Капо-д'Истрія: едва-едва только успѣлъ его застать на одинъ день, и то благодаря противному вѣтру и однако жъ бюстъ мой находятъ довольно схожимъ и мнѣ приходится повторить и потретить его на мраморѣ. Такимъ образомъ, я надѣюсь, что прежде отъѣзда буду въ состояніи поступить съ должными мною тебѣ 40 скудами тàкъ, кáкъ тебѣ будетъ угодно: оставить ли ихъ у брата Карла? сдѣлать ли на нихъ для тебя какія покупки, какъ ты нѣкогда говорилъ? Или привезти въ Питеръ? Видишь, что мои обстоятельства очень и очень поправились, а за все это я обязанъ благодарить великаго экземплярнаго мужа Р. А. Винспера— à propos: знаешь ли, что онъ сдѣланъ генералъ-майоромъ? Что я почти цѣлый годъ жилъ здѣсь у него въ домѣ? что онъ уѣхалъ въ Неаполь? Безъ него, вѣрно, наши князья Г. И. Гагаринъ и Горчаковъ [2]) вѣрно не позаботились бы обо мнѣ, хотя они и рѣдкой доброты люди. Однако жъ о монументахъ не подумай слишкомъ высоко. Дѣло такъ: Лауницъ [3]) послалъ со своихъ статуй рисунки; государю они не понравились, и онъ приказалъ, чтобъ всѣ скульпторы сдѣлали эскизъ для конкурса. Итакъ мы ѣдемъ только на конкурсъ, на состязаніе.

Ты сдѣлаешь мнѣ великое одолженіе, если увѣришь гр. Елизавету Григорьевну, что рисунокъ мой совсѣмъ не стоитъ того, чтобы его ждать да еще и съ нетерпѣніемъ, я его сдѣлаю и пошлю или самъ привезу, только чтобъ его не ожидали.

Аддіо, Шаша! Будь счастливъ! Написалъ бы и поболѣе, и, можетъ

---

[1]) Борисъ Ивановичъ Орловскій (1794†1838),—въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ, работалъ въ Римѣ подъ руководствомъ Торвальдсена; впослѣдствіи профессоръ ваянія.

[2]) Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (1799†1883),—въ то время камеръ-юнкеръ и 1-й секретарь нашего посольства въ Римѣ; впослѣдствіи канцлеръ.

[3]) См. о немъ прим. къ письму № 1.

быть, получше, но, ей, ей! я не совсѣмъ въ порядкѣ. Несмотря на то, я всегда и весь твой Самуилъ Гальбергъ.

109.

С. И. Гальбергъ—А. П. Брюллову.

23-го сентября (н. с.) 1828 г. Римъ.

Радуюсь твоему веселью, любезнѣйшій Шашинька Павловичъ, и завидую тебѣ. Недавно брудеръ Карлъ читалъ намъ послѣднее письмо твое: ты погуливаешь со своимъ фатеромъ. Славно! Славно! Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобъ и меня — у меня нѣтъ отца—пріѣхала хоть сестра навѣстить. Но никто ни съ мѣста, и я самъ долженъ ѣхать къ нимъ. Такъ, Шашинька, недѣли черезъ двѣ, наконецъ, я отправлюсь отсюда, и слѣдовательно въ Русь святую брякну прямо на новый снѣгъ. Ты поздравляешь меня со счастьемъ. Спасибо. Въ самомъ дѣлѣ, чего бы, кажется, лучше? Я такъ давно и такъ горячо желалъ повидать свою родину, своихъ родныхъ, матушку-академію; теперь я ѣду, и не просто: ѣду на пенсію или жалованіе, которое мнѣ положено изъ Кабинета по 3.000 рублей въ годъ. Это почти можетъ назваться: занять теплый уголъ, лежанку во дворцѣ капризной дамы Фортуны; почти нельзя желать лучше въ нашемъ быту, а все-таки... Но какимъ образомъ угодить человѣку? Гдѣ край его желаніямъ? Теперь мнѣ почти досадно, что долженъ ѣхать. Мои обстоятельства начали было такъ хорошо поправляться, и я надѣялся, что съ бюстомъ гр. Капо-д'Истрія они пошли бы еще впередъ; въ заключеніе же, два или три дня спустя послѣ того, какъ мнѣ присланъ былъ приказъ ѣхать немедленно, получилъ я отъ Аракчеева [1]) утвержденіе проекта той работы, которую долженъ для него дѣлать, и вмѣстѣ съ тѣмъ и вексель на задатокъ; теперь опасаюсь, чтобы онъ не отдумалъ; по крайней мѣрѣ онъ можетъ имѣть на то основательныя причины, а это походило бы нѣсколько на бѣду, ибо работа это такая, что одинъ задатокъ составляетъ 800 червонныхъ.

Всего же скучнѣе сборы въ дорогу: 10 лѣтъ прожилъ я въ Римѣ, уже началъ покрываться мохомъ и плѣсенью, и вдругъ надобно расшевелиться, растолкаться. Книги, бумаги, стеки—все кругомъ меня разбросано; смотрю направо, налѣво, и не знаю, за что приняться. Пришлось раскачать свою лѣность. Хотѣлъ бы ужъ быть въ дорогѣ, ужъ быть на мѣстѣ.

А ты, Шаша, когда ты явишься на берега Невы? Съ береговъ ея, можетъ быть, напишу тебѣ сколько-нибудь потолковѣе, а на этотъ разъ

---

[1]) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (1769†1834).

прошу не погнѣвиться. Если будешь имѣть какія-либо коммиссіи въ Питерѣ, то вспомни, что, возложивъ на меня ихъ исполненіе, можешь доставить мнѣ удовольствіе. Еще не знаю, гдѣ буду жить, а потому письма можешь покуда адресовать на имя зятя моего Александра Христофоровича Востокова [1]) въ Императорскую публичную библіотеку: онъ мнѣ доставитъ. Аддіо! Все семейство русскихъ пенсіонеровъ и экспенсіонеровъ тебѣ усердно кланяется. К. Тонъ ѣдетъ вмѣстѣ со мною, Бруни обѣщаетъ писать; а брудеръ Карлъ думаетъ, что тебѣ было бы очень ладно ѣхать въ Питеръ скорѣе. Я ему отдалъ наши 40 скудъ и очень благодарю тебя. Онъ, сердечный, почти нуждался въ деньгахъ. Аддіо, будь счастливъ. До свиданія въ Питерѣ или до писанія изъ Питера. Аддіо. Самуилъ Гальбергъ.

110.

С. И. Гальбергъ—К. П. Брюллову.

11-го (23-го) февраля 1829 г., С.-Петербургъ.

Любезный Карлушинька Павловичъ! Многое, очень многое хотѣлъ было я тебѣ написать, но не придумаю, съ чего начать. Кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ въ Питеръ,—тому уже около полутора мѣсяца—я еще болѣе одурѣлъ, отупѣлъ, сталъ вовсе неспособнымъ о чемъ-либо или что-либо думать. Ну же! попытаемъ!.. Г-жа Корсакова [2]), та самая дама, что была въ Римѣ и съ дочери которой я дѣлалъ бюстъ, препоручила мнѣ спросить у тебя: сколько бы ты взялъ написать для нея картину подобную твоимъ «Утру» и «Полдню» и въ такую же величину, а чтобъ представляла вечеръ. Вѣдь ужъ на это ты будешь отвѣчать? Думаю, что ты можешь за это взяться и даже употребить въ дѣло свой готовый эскизикъ. Отвѣчай же, пожалуйста. Да отвѣчай, пиши также и Обществу; за твое малописаніе на тебя немало иные ропщутъ. Не худо было бы, когда бы ты прислалъ также поскорѣе свою копію «Аѳинской школы»: всѣ о ней спрашиваютъ, всѣ желаютъ ее видѣть; да кабы къ этому еще что-нибудь собственнаго. Пишешь ли ты картину? Ради Бога, Карлушинька, не мѣшкай и не откладывай. Государь такъ готовъ всѣмъ художникамъ и ученымъ помогать, какъ болѣе желать не можно:

---

[1]) Александръ Христофоровичъ Востоковъ (1781†1864),—извѣстный филологъ; въ то время—надворн. совѣтникъ, хранитель манускриптовъ въ Публичной библіотекѣ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ С. И. Гальбергъ—Аннѣ Ивановнѣ.

[2]) Авдотья Ивановна Корсакова. (См. „С. И. Гальбергъ въ его заграничныхъ письмахъ и запискахъ“. Прилож. ко 2 т. „Вѣстн. изящн. искусствъ“. С.-Пб. 1884 г. стр. 155).

мое несчастье то, что со мною нѣтъ никакихъ работъ, и при всемъ томъ онъ мнѣ велѣлъ чрезъ кн. Волконскаго заняться проектомъ статуи покойнаго императора, изъ чего, впрочемъ, я увѣренъ, не будетъ никакого толку, а потому и не слишкомъ хлопочу. Да и до сихъ поръ не сыскалъ еще мѣста работать. Здѣсь все такъ идетъ: всѣ и вездѣ торопятся сломя шею, погоняютъ другъ друга во всю мочь, а никто ни съ мѣста. Такъ и со мною: еще до сихъ поръ не знаю, что со мной хотятъ дѣлать, и уже начинаю терять надежду, чтобы возвратиться въ Италію прежде двухъ лѣтъ и болѣе. Vater твой, любезный Карлинька, до слезъ радовался, когда я ему о тебѣ говорилъ. «Ich dummer Vater!»—отвѣчалъ онъ, ударивъ себя нѣсколько разъ ладонью по лбу; «ich dummer, мнѣ бы должно было расположиться такъ, чтобы зиму провести въ Италіи, тогда наглядѣлся бы на Карла; но я ужъ поздно догадался, что лѣтомъ не могу въ Италію ѣздить». Братъ твой такъ же прилежно и похвально трудится и работаетъ, какъ онъ и всегда работалъ. По его совѣту ты хорошо бы сдѣлалъ, когда бы постарался остаться въ Римѣ еще подолѣе. Впрочемъ, ты переговоришь съ Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ лично; онъ тебѣ разскажетъ объ Обществѣ и проч., и ты увидишь, что ни генеральскій чинъ, ни лента со звѣздой, ни даже рана въ груди на-вылетъ [1]) не перемѣнили его нисколько: онъ остался точно такой же рѣдко-добрый человѣкъ. Вмѣсто царскаго эскиза я началъ съ него бюстъ, да плохо идетъ. Аддіо! Карлуша мой, вспоминай иногда обо мнѣ, какъ я о тебѣ вспоминаю. Теперь некогда: спѣшу. На досугѣ напишу вамъ всѣмъ поболѣе. Остаюсь всегда твой Самуилъ Гальбергъ.

P. S. На запискѣ къ Брунію я написалъ кое-какія новости: ты увидишь, что мы имѣемъ и вице-президента и оберъ-призидента. Кажется, это все попытки, чтобъ спихнуть Оленина.

111.

А. М. Горностаевъ [2])—А. П. Брюллову.

28-го декабря 1834 г., Римъ.

Милостивый государь Александръ Павловичъ! Честь имѣю поздравить васъ и супругу вашу съ новымъ годомъ.

. . . Братца вашего (Карла Павловича) я нашёлъ въ Булоніи, гдѣ ему такъ нравится, что онъ, кажется, намѣренъ тамъ и поселиться. И

---

[1]) Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ сильно раненъ въ сраженіи подъ Варной; по окончаніи же войны произведенъ былъ въ генералъ-маіорскій чинъ.

[2]) Алексѣй Максимовичъ Горностаевъ (1804†1862),—впослѣдствіи профессоръ архитектуры; ученикъ А. П. Брюллова.

въ самомъ дѣлѣ, мѣсто, гдѣ онъ думаетъ построить дачу въ аѳинскомъ духѣ, прелестно, виды очаровательны. Онъ былъ столь добръ, что водилъ меня туда и во время прогулки много разспрашивалъ о всѣхъ своихъ родныхъ. Какъ онъ радъ былъ получить ваше и Ѳедора Павловича письма и скучалъ, что это удовольствіе имѣетъ столь рѣдко. Узнавши, что картина его была освѣщена съ правой стороны, очень жалѣлъ, что не освѣтили съ лѣвой стороны, съ которой она была и писана. Онъ мнѣ сообщилъ свою гигантскую мысль—представить въ картинѣ то время, когда варвары разграбляютъ Римъ [1]). Съ какимъ наслажденіемъ провелъ я время, слушая его истинно поэтическіе разговоры. Карлъ Павловичъ недѣли полторы, какъ пріѣхалъ сюда, думая на короткое время, но, кажется, пробудетъ болѣе, нежели полагалъ. Теперь онъ занимается здѣсь большимъ акварельнымъ портретомъ Потоцкой. Кипренскій тоже въ Римѣ и черезъ нѣсколько времени собирается, какъ слышно, въ Россію.—Нынѣшнимъ лѣтомъ имѣю намѣреніе ѣхать въ Тиволи и заняться реставраціей какой-нибудь части виллы Адріаны, боюсь, не будетъ ли это предпріятіе свыше моихъ силъ, а мнѣ бы желалось представить что-нибудь позначительнѣе къ вашей академической выставкѣ. Теперь пока неудобно рисовать на воздухѣ, хожу въ Ватиканъ и дѣлаю рисунки античныхъ деталей; началъ внутренность базилики S.-Maria Maggiore. Наставьте вашего ученика вашими совѣтами... Вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Горностаевъ.

112.

Н. И. Гречъ [2])—А. П. Брюллову.

(1831 г.).

Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Александръ Павловичъ, сообщите мнѣ размѣры вашего прелестнаго театра [3]): длину или глубину сцены, ширину ея вообще, ширину ея между арками; число креселъ, мѣстъ за креслами и скамей; число ложъ 1-го, 2-го и 3-го ярусовъ. Когда начатъ строеніемъ?—Очень одолжите. Вашъ всепокорнѣйшій Н. Гречъ.

---

[1]) Очевидно, говорится о проектѣ картины „Нашествіе на Римъ Гензериха“, эскизъ для которой былъ сдѣланъ Карломъ Павловичемъ лишь въ 1836 году.

[2]) Николай Ивановичъ Гречъ (1787†1867),—извѣстный литераторъ.

[3]) Говорится о Михайловскомъ театрѣ.

113.

А. Ф. фонъ-Гумбольдтъ [1])—А. П. Брюллову.

25-го марта 1838 г., Берлинъ.

Милостивый государь! Великому и прекрасному таланту всегда свойственна снисходительность; поэтому я съ полной увѣренностью позволяю себѣ разсчитывать на вашу снисходительность какъ ко мнѣ лично, такъ и къ выдающемуся художнику, ученику извѣстнаго скульптора Давида [2]), котораго я беру смѣлость рекомендовать вашему вниманію отъ своего имени и отъ имени своихъ друзей Рауха и Шинкеля [3]). Молодой Штрейхенбергъ (котораго я рекомендую)—уроженецъ Берлина, съ большимъ успѣхомъ помимо скульптуры, отдавался занятіемъ архитектурной орнаментикой, занимался также исполненіемъ капителей, фризовъ и разнаго рода рѣзными работами; онъ также удачно выполняетъ тонкія работы изъ слоновой кости. Этотъ молодой человѣкъ, обладая такими разнообразными способностями, надѣленъ также и прекраснымъ мягкимъ характеромъ и, я думаю, вполнѣ пригоденъ, чтобы найти какое-либо занятіе въ странѣ, гдѣ милости императора такъ щедро вознаграждаютъ потери, причиняемыя общественными бѣдствіями. Я былъ бы вамъ безконечно признателенъ, если бы вы были столь любезны помочь и Штрейхенбергу вашими совѣтами и покровительствомъ. Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи, съ какимъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою баронъ Гумбольдтъ [4]).

114.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову.

18-го января 1833 г., Парижъ.

Любезный Брюлловъ! Письмо ваше отъ 4-го января я имѣлъ удовольствіе получить и сердечно благодарю васъ за оное, тѣмъ болѣе, что этого удовольствія не всегда отъ васъ имѣть можно, ибо вы на переписку какъ-то довольно скупы. Теперь я очень ясно вижу изъ содержанія

---

[1]) Александръ-Фридрихъ-фонъ-Гумбольдтъ (1769†1859),—знаменитый натуралистъ.

[2]) Пьеръ-Жанъ-Давидъ (1788†1856),—одинъ изъ лучшихъ французскихъ скульпторовъ нынѣшняго столѣтія.

[3]) См. о нихъ прим. къ письму № 4.

[4]) Подлинникъ письма писанъ на французскомъ языкѣ.

письма сего, въ какомъ положеніи находятся заказанные мною картины и портретъ, и что медленность по неокончанію оныхъ произошла отъ поѣздки вашей въ Болонью и Венецію. Вы говорите, что, по возвращеніи вашемъ въ Римъ, картину Помпеи, сравнивая съ знаменитыми произведеніями венеціанъ, нашли только подготовленною, почему принуждены были, занявшись оною, сдѣлать много перемѣнъ и, судя по рисунку, въ письмѣ начерченному, мнѣ кажется такъ же, какъ и вамъ, что сюжетъ оной произведетъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе на зрителей, чрезъ сдѣланіе таковыхъ перемѣнъ, подходящихъ ближе къ подлинности происшествія, и чрезъ то удвоитъ цѣну талантовъ вашихъ. Ежели картина сія въ самомъ дѣлѣ приведется къ окончанію въ концѣ сего мѣсяца, то я совершенно остаюсь увѣреннымъ, что вы также не замедлите окончить и портретъ мой въ продолженіе назначаемаго вами трехнедѣльнаго времени; когда же та и другая работа будутъ порѣшены наготово, прошу васъ немедленно о томъ мнѣ сообщить для того, чтобы я могъ распорядиться назначить мѣсто, куда отправить тѣ картины.—Мнѣ очень интересно слышать, что совѣтъ мой, касательно осмотрѣнія Венеціи и Болоньи, сдѣлалъ вамъ не токмо пріятное удовольствіе, но и принесъ много неимовѣрной пользы по вашимъ занятіямъ. Я думаю, что еслибъ вы побывали здѣсь, въ Парижѣ, то также нашли бы много предметовъ, послужившихъ къ вашему замѣчанію съ неменьшею пользою и, право, буде бы, послушавъ меня, пріѣхали сюда, раскаиваться въ томъ не стали. За симъ, свидѣтельствуя вамъ мое почтеніе и поздравляя съ Новымъ годомъ, имѣю удовольствіе быть вамъ покорнымъ слугою. А. Демидовъ.

115.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову.

12-го (24-го) сентября 1824 г. С.-Петербургъ.

Любезный мой Брюлловъ! Зная, сколь лестно и пріятно слышать всякому о себѣ насчетъ похвалъ въ честь воздаваемыхъ, а потому основываясь на ономъ, я не могу умолчать, чтобъ не сказать вамъ объ отзывахъ, здѣсь бывшихъ, о вашей картинѣ: «Послѣдній день Помпеи». Она, по доставкѣ сюда, стараніемъ моимъ была выставлена въ Эрмитажѣ. Въ началѣ удостоилась лучшаго одобренія государя императора, потомъ отличныхъ особъ, художниковъ и любителей изящнаго и, наконецъ, самой публики здѣшней столицы. О ней судили безпристрастно и не такъ, какъ въ Парижѣ: весь сюжетъ разбирали и соображали съ настоящаго истиннаго того времени, когда случилось несчастное происшествіе паденія Помпеи, и найдено единогласно всѣми знатоками, что картина сія неподражаема, сдѣлана съ необыкновеннымъ стараніемъ и

принорowлена къ подлинному происшествію столь близко, что потрафить лучше невозможно, а посему всѣ умы здѣшнихъ жителей въ продолженіе полутора мѣсяца были заняты однимъ только сужденіемъ о ней, и талантъ вашъ превознесенъ до невѣроятія.—Достославную сію картину я всеподданнѣйше поднесъ государю императору и удостоился благосклоннаго принятія. Его величество соизволилъ повелѣть столь рѣдкій и примѣрный оригиналъ русскаго художника поставить въ Академію художествъ, гдѣ теперь и устраивается для нея особливая зала. Жаль одного, что васъ здѣсь не было самихъ, когда всѣ восхищались зрѣлищемъ произведенія и необыкновеннаго генія вашего. Вы увидѣли бы, что значитъ чувство русскихъ къ своему единоземцу; безъ сомнѣнія, васъ бы это порадовало и придало болѣе желанія къ порывамъ на будущія предпріятія по искусству столь уважаемому. Совѣтую вамъ, не опасаясь ничего, когда вы кончите казенную работу, не терять случая сюда пріѣхать; вы чрезъ свой пріѣздъ выиграете много и удержаны здѣсь не будете. Я разговаривалъ о семъ съ княземъ Петромъ Михайловичемъ (Волконскимъ) и президентомъ императорской академіи (художествъ) Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, имѣющимъ къ вамъ особое расположеніе; они меня завѣрили, что васъ здѣсь не оставятъ, и вы приметесь отлично, удостоитесь даже имѣть благоволеніе самого монарха. Я надѣюсь въ скоромъ времени имѣть удовольствіе поздравить васъ съ наименованіемъ профессора. Думаю, что это будетъ для васъ пріятно, и безъ лести скажу, что вы истинно сего заслуживаете.

Не мое дѣло разбирать слабости кого бы то ни было, но, любя васъ по безцеремонному со мною обращенію, я не могу умолчать предъ вами, что братецъ вашъ [1]) ни мало не сходствуетъ характеромъ съ вами; онъ какъ-то чуждъ меня, и хотя я старался сблизить наше съ нимъ знакомство, но, къ сожалѣнію, не имѣлъ въ томъ успѣха. Мнѣ кажется, что онъ, гордясь своимъ маленькимъ геніемъ, не желаетъ ни съ кѣмъ быть въ короткихъ связяхъ. Простительно нѣкоторымъ образомъ мечтать о себѣ предъ людьми, мало заслуживающими уваженія, но со мною не должно бы было находиться въ такомъ отношеніи! Извините, что я о немъ говорю такъ откровенно. Это истинно происходитъ отъ добраго къ вамъ расположенія и отъ прискорбія видѣть двухъ братьевъ столь различнаго нрава и характера. — Желая вамъ всѣхъ благъ и счастія и свидѣтельствуя мой поклонъ, имѣю удовольствіе быть вамъ покорнымъ слугою Анатолій Демидовъ.

---

[1]) Говорится объ Александрѣ Павловичѣ Брюлловѣ.

116.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову.

18-го (30-го) сентября 1834 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь, Карлъ Павловичъ! Его высопревосходительство, г. президентъ императорской академіи художествъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, бывъ извѣщенъ отношеніемъ г-на министра двора, его свѣтлости князя Петра Михайловича Волконскаго, въ копіи у сего прилагаемымъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи вамъ бриллiантоваго перстня съ вензелемъ его величества, въ знакъ монаршаго благоволенія за написанную картину: «Послѣдній день Помпеи» и получивъ его изъ Кабинета, препроводилъ ко мнѣ при письмѣ отъ 13-го сентября за № 132-мъ, здѣсь же оригиналомъ прилагаемымъ для доставленія онаго къ вамъ.

Вслѣдствіе чего, поспѣшая о семъ васъ увѣдомить и препровождая вмѣстѣ съ онымъ на ваше имя письмо г. Оленина, я поставляю за особенную себѣ пріятность искреннѣйше васъ поздравить съ сею примѣрною милостію. Это истинно есть особый и единственный знакъ монаршаго къ вамъ благоволенія, *каковаго до сего времени никто изъ художниковъ не удостоивался имѣть*, и вы есть первый счастливецъ столь важнаго и знаменитаго вознагражденія.

Драгоцѣнный сей перстень я посылаю отсюда съ отправляющимся въ скоромъ времени во Флоренцію г. Григорьемъ Ѳеодоровичемъ Орловымъ [1]), онъ доставитъ его къ вамъ чрезъ римское посольство, къ которому я причисленъ на службу по высочайшей волѣ. Съ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, вамъ покорнымъ слугою Анатолій Демидовъ.

117.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову [2]).

4-го мая 1844 г. Флоренція.

Вы, безъ сомнѣнія, помните, что около десяти лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія моего въ Италіи, вы начали рисовать мой портретъ, на которомъ я былъ изображенъ верхомъ, въ боярскомъ костюмѣ; мой отъѣздъ (за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и вашъ) не далъ возможно-

---

[1]) Въ то время—генералъ-маіоръ.

[2]) Подлинникъ писанъ на французскомъ языкѣ.

сти его докончить. Узнавъ, что этотъ эскизъ находится въ числѣ вещей, переданныхъ вами, при своемъ отъѣздѣ изъ Рима, на храненіе А. Иванову, я недавно писалъ ему и просилъ переслать мнѣ этотъ эскизъ во Флоренцію, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что можетъ передать его мнѣ только съ вашего позволенія. Въ виду этого я прошу васъ, дорогой Брюлловъ, будьте любезны дать ему возможно скорѣе это разрѣшеніе потому, что этотъ эскизъ, въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находится въ настоящее время, можетъ представлять интересъ только для меня. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ заранѣе выразить вамъ мою благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ просить васъ принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ расположеніи къ вамъ. Демидовъ.

118.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову [1]).

16-го августа 1850 г. San Donato.

Дорогой Брюлловъ! Я узналъ о вашемъ пріѣздѣ въ Римъ, и, будучи въ такомъ сравнительно близкомъ сосѣдствѣ, что, кажется, мнѣ стоитъ только протянуть свою руку, чтобъ встрѣтить вашу, — я хотѣлъ бы однимъ изъ первыхъ привѣтствовать васъ, какъ стараго друга. Это право, право называться старымъ другомъ, вполнѣ законно: вспомните только то время, когда 22 года тому назадъ вы стяжали себѣ извѣстность въ мірѣ художниковъ «Послѣднимъ днемъ Помпеи»—картиной, которая тогда была одной изъ моихъ радостей и въ то же время по сію пору — однимъ изъ больныхъ моихъ воспоминаній и угрызеній совѣсти [2])...

Я очень часто сожалѣлъ, мой дорогой Брюлловъ, что патріотизмъ мой (кстати сказать, настолько же мало вознагражденный, какъ и оцѣненный) внушилъ мнѣ мысль разстаться съ этимъ прекраснымъ произведеніемъ искусства, котораго не достаетъ для украшенія San Donato [3]). Не имѣя возможности ни вернуть прошлаго, ни требовать отъ васъ (новой) великой страницы въ исторіи, я хотѣлъ бы лишь воспользоваться вашимъ пребываніемъ здѣсь (т. е. въ Римѣ), чтобы попросить васъ объ одномъ одолженіи, которое меня весьма тронуло бы. Почти четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы сдѣлали съ меня одинъ набросокъ: какъ

---

[1]) Подлинникъ писанъ на французскомъ языкѣ.

[2]) Намекъ А. Н. Демидова на свои рѣзкія письма Брюллову и недовольства имъ по случаю невыполненія въ срокъ знаменитой картины.

[3]) Какъ извѣстно, А. Н. Демидовъ поднесъ «Послѣдній день Помпеи» государю, а государь пожаловалъ эту картину Академіи художествъ (въ настоящее время она—украшеніе Русскаго музея императора Александра III-го).

сейчасъ, вижу себя верхомъ въ лѣсномъ уголку въ сопровожденіи борзой собаки! Вы не можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы я этотъ портретъ доконченнымъ, понятно, съ помощью вашихъ воспоминаній. Вѣдь никакое чудо не въ состояніи возвратить намъ хотя бы лишь на четверть часа признаковъ молодости, бывшихъ у насъ 22 года тому назадъ! Для такого рода чудесъ служитъ только память или живопись, которая тоже въ своемъ родѣ (можетъ служить) памятью о прошломъ. Итакъ, скажите мнѣ, мой милый Брюлловъ, согласны ли вы докончить этотъ набросокъ и дать мнѣ мой портретъ (въ моемъ далекомъ прошломъ), на которомъ я изображенъ въ національномъ костюмѣ; послѣдній, конечно, не измѣнился. Если бъ васъ посѣтило на то благое вдохновеніе, то я попросилъ бы васъ удержать его на мгновеніе, ибо я уже дѣлаю всѣ необходимыя приготовленія къ своему скорому отъѣзду на родину, а затѣмъ въ Сибирь. Было бы неразсудительно начинать другой портретъ, относящійся къ эпохѣ, бывшей 20 лѣтъ назадъ. И такъ, будьте любезны отвѣтить мнѣ, мой дорогой Брюлловъ, и примите увѣренія въ моей неизмѣнной вамъ преданности. А. Демидовъ.

119.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову.

8-го октября 1851 г. Санъ-Донато.

Милостивый государь, Карлъ Павловичъ! Получивъ на-дняхъ извѣстіе, что ваше здоровье позволяетъ вамъ наконецъ возвратиться въ Римъ и что вы имѣете намѣреніе заняться окончаніемъ моего портрета [1]) спѣшу просить васъ не оставить безъ исполненія этого намѣренія вашего: я наполненъ нетерпѣніемъ увидѣть окончательно это произведеніе ваше, которое, кажется, займетъ такое важное мѣсто въ ряду всего того, что вами сдѣлано. По полученіи отъ васъ этого портрета, онъ останется нѣсколько времени у меня въ Санъ-Донато, а потомъ я намѣренъ послать его на парижскую выставку, которая скоро откроется, а потомъ на постоянную вѣнскую, послѣ чего я предложу Іордану [2]) сдѣлать съ него большую гравюру. Мнѣ кажется, что ни съ одной изъ вашихъ картинъ не сдѣлано еще гравюръ: есть нѣсколько больше или меньше дурныхъ литографій—вотъ и все, а давно бы, кажется, пора было позаботиться о томъ, чтобъ ваши вещи были у всѣхъ въ рукахъ. Я буду считать себя очень счастливымъ, если мой примѣръ будетъ полезенъ и для дру-

---

[1]) См. письмо А. А. Иванова къ Моллеру отъ 20 окт. 1851 г. («А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка». Спб. 1880, стр. 381).

[2]) Θедоръ Ивановичъ Іорданъ (1800†1883),—извѣстный граверъ.

гихъ.—Почти 20 лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ была на выставкѣ ваша «Помпея», которую вы сдѣлали для меня во время перваго вашего путешествія въ Италію; мнѣ пріятно послать нынче, опять въ Парижъ, картину нынѣшней вашей манеры, тоже написанную для меня опять въ Италіи, только 20 почти лѣтъ спустя;—эта мысль мнѣ пріятна, потому что, помня тогдашнее всеобщее единогласное сужденіе, я могу съ особеннымъ только наслажденіемъ ожидать нынѣшняго приговора Европы, въ которомъ я заранѣе увѣренъ и который тѣмъ больше увеличиваетъ мое нетерпѣніе узнать картину эту оконченною.

Надѣюсь, что и послѣ работъ своихъ вы найдете свободную минуту, чтобы написать мнѣ нѣсколько словъ, и, прося васъ сказать мнѣ цѣну моего портрета, пользуюсь симъ случаемъ, чтобы возобновить вамъ увѣреніе глубочайшаго моего почтенія и совершенной преданности.

120.

В. Дьяконовъ—К. П. Брюллову.

22-го сентября 1848 г. Архангельскъ.

Милостивый государь Карлъ Павловичъ! много есть въ нашемъ русскомъ православномъ царствѣ благоговѣйно поклоняющихся изображеніямъ знаменитаго вашего генія. За великую славу почли бы и мы пріобрѣсть созданное вами произведеніе; но безъ знатности рода и богатства не знаемъ, что можно имѣть равноцѣннаго вашему искусству' чѣмъ достойно возблагодарить? Одно пламенное религіозное усердіе, равно доступное и бѣдному и богатому, поддерживаетъ надежду нашу на возможность исполненія завѣтнаго желанія. Не удивляйтесь, Карлъ Павловичъ, смѣлому предложенію плана, за исполненіе котораго, если цѣнить труды великаго художника, не довольно всего пожизненнаго содержанія нашего.

Ввѣренный мнѣ Архангельскій полубатальонъ военныхъ кантонистовъ подъ кровомъ Матери Божіей, Царицы небесной и заступницы, въ продолженіе гнѣва Божія, тяготѣющаго болѣе уже двухъ мѣсяцевъ надъ всѣми сословіями города Архангельска, избавленъ отъ кары даже и въ семействахъ чиновъ полубатальона, по милости Божіей и Ея ходатайству, не было смертности ни отъ какихъ болѣзней. Относя это событіе несомнѣнно къ чудесному предстательству Матери Божіей, призрѣвшей на молитву дѣтей, движимые единодушно пламеннымъ усердіемъ сердецъ, глубоко проникнутыхъ благодарностію, пожелали выразить эту смиренную нашу благодарность пріобрѣтеніемъ живописнаго образа Покрова Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ вокругъ него на

финифтѣ, на серебряной окладкѣ главныхъ событій изъ ея жизни, ветхозавѣтныхъ о Ней предсказаній и серебряную лампадку, оставя при полубатальонѣ на вѣчныя времена грядущимъ поколѣніямъ, юнымъ отраслямъ воиновъ, на память чудеснаго избавленія. Собранную на это великое богоугодное дѣло лепту и предполагаемый планъ смѣемъ передать вамъ на разсмотрѣніе и совершеніе. Увѣковѣчьте, милостивый государь, Карлъ Павловичъ, и въ нашихъ сердцахъ память и благодарность къ вамъ, какъ истинному благодѣтелю и главному виновнику исполненія нашего завѣтнаго религіознаго обѣта. Вы избранникъ свыше, указанный намъ Пресвятой и Пречистой Виновницей нашего избавленія, будьте священнымъ орудіемъ нашей духовной радости; почтите насъ безсмертнымъ трудомъ вашего творческаго генія. Если же многотрудныя занятія ваши не дозволятъ, то, хотя одного изъ даровитыхъ учениковъ вашихъ научите, Карлъ Павловичъ, какъ лучше расположить украшенія и по указанію устроить мѣсто. На планѣ вычерчена зала, въ которой она должна быть. За смѣлое предложеніе простите мнѣ, главному виновнику, и не передайте на пересуды свѣта моихъ чувствъ и довѣренности къ вамъ. Если же къ прискорбію моему не осуществится мысль моя, по крайней мѣрѣ, вы, Карлъ Павловичъ, удостойте приказаніемъ отвѣтить на мое письмо. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга. Василій Дьяконовъ 2-й [1]).

121.

Н. Е. Ефимовъ [2])—К. П Брюллову.

30-го іюля 1831 г. Torre Annunziata.

Въ минуту возвращенія моего изъ Sorrento въ Torre Annunziata я имѣлъ удовольствіе получить отъ тебя донесеніе, достойное отмѣннаго человѣка и великаго художника. Читая въ ономъ подробное описаніе произведенныхъ тобою работъ и два начерченные тобою ландшафта, я не только понялъ все, но они (ландшафты) служили причиной, что я мысленно переселился на самыя мѣста. Я воображаю, какую привлекательность и интересъ должна представлять картина «Богородичнаго дуба!» да и мудрено ей не быть таковою: кому и гдѣ неизвѣстно уже, что воображеніе и кисть отмѣннаго Брюллова чужды холодной

[1]) Напечатано М. И. Желѣзновымъ въ его книгѣ «Неизданныя письма К. П. Брюллова», 1867, стр. 40—43.

[2]) Николай Ефимовичъ Ефимовъ (1799†1851),—профессоръ архитектуры въ Академіи художествъ.

живописи и безъинтересности... Благодарю тебя за наставленія, сдѣланныя мнѣ словесно о Cajo Gracсho въ Неаполѣ; я имъ хотя и слѣдовалъ, однакожъ, промучась двѣ недѣли болѣзнью и дѣлая частыя путешествія по окрестностямъ, я не произвелъ до сихъ поръ пока ничего, кромѣ плана, фасада и двухъ профилей дома поэта, присовокупивъ къ оному четыре внутренности комнаты съ ихъ живописью и нѣсколько орнаментовъ и два эскиза видовъ; первый—дома Atteona въ Помпеѣ и второй—храма Cererae въ Пестомѣ. A proposito: я не могъ прожить въ Пестомѣ долѣе четырехъ дней по причинѣ заразительнаго тамъ воздуха и отъ неспанья: четыре ночи комары, блохи, тараканы и прочіе звѣрки не давали мнѣ сомкнуть глазъ и закусали меня до такой степени, что я возвратился въ Torre распухшій и весь въ шишкахъ. Можетъ быть, я заѣду въ Пестомъ въ сентябрѣ еще, ибо желательно сдѣлать эскизъ и храма Nettuno, который въ натурѣ несравненно лучше, нежели въ рисункахъ. И такъ, для сего-то храма единственно я долженствую повторить вояжъ не совсѣмъ пріятный, ибо длинная дорога въ Пестомъ слишкомъ дика въ сравненіи съ дорогою въ Solerno и въ прочія окрестности Неапольскія. На (протяженіи) 24 миль, кажется, будто вовсе не живетъ народа: вмѣсто безпрерывныхъ городковъ съ многочисленными жителями, съ миловидными дѣвушками и развѣшанными, какъ бѣлье, макаронами (какъ по дорогѣ въ Solerno), по дорогѣ въ Пестомъ встрѣтишь развѣ двѣ избушки съ мужиками довольно блѣдными и почти безобразными; вмѣсто фруктовыхъ деревьевъ и виноградныхъ гирляндъ, тамъ не растетъ ничего кромѣ травы, на коей отдыхаетъ скотъ; поля почти не засѣяны... короче сказать,—преддверіе въ Пестомѣ порождаетъ уныніе, и городъ самый ему вполнѣ соотвѣтствуетъ, ибо кромѣ двухъ любопытныхъ греческихъ храмовъ и базилики тамъ вовсе ничего нѣтъ интереснаго. Древній тамошній портъ и стѣны, окружавшія городъ, заросли травою и дикимъ миртомъ, глядя на что, поселяется мысль романтическая. Госпожа Радклифъ [1]), живя въ Пестомѣ, нашла бы много для себя пищи, глядя на горы Калабрскія безъ городовъ, на моря безъ судовъ и на песчаный безлюдный берегъ... Но оставимъ сіе: я думаю, что ты давно уже желаешь изъ Caffé greco [2]) отправиться въ свою новую студію. Итакъ, желая, чтобъ ты работалъ картину: «Послѣдняя ночь (sic) Помпеи», замолчу... Весь твой Николай Ефимовъ.

---

[1]) А. Радклифъ (1764†1823), извѣстная англійская романистка,

[2]) Куда было адресовано письмо; въ этой кофейной обыкновенно сходились русскіе художники, проживавшіе въ Римѣ.

122.

Ю. В. Жадовская [1])—К. П. Брюллову.

1-го марта 1849 г. С.-Петербургъ.

Я все надѣялась увидѣть еще разъ, если не васъ, то, по крайней мѣрѣ, вашъ двойникъ, вашъ портретъ у Ф. И. Прянишникова. Къ большому моему горю я не нашла между картинами его вашего портрета. Мнѣ сказали, что онъ находится у васъ, въ мастерской. Не позволите ли мнѣ имѣть несравненное удовольствіе посмотрѣть на вашъ портретъ и... на васъ. Послѣдняго едва смѣю надѣяться. Но надѣюсь, что вы примете препровождаемое стихотвореніе съ такою же благосклонностію, какой былъ порадованъ авторъ.

Ты знаешь ли, мой другъ,—я видѣла Брюллова...
Какъ вспомню, вѣришь-ли, заплакать я готова.
Такъ чувствомъ сладостнымъ душа во мнѣ полна,
Такъ встрѣчей съ геніемъ она потрясена!
Мнѣ не забыть всю жизнь отрадной этой встрѣчи,
Ни мастерской его, ни вдохновенной рѣчи,
И все мнѣ видится чудесныхъ рядъ картинъ
Да онъ, мечты своей и думы властелинъ,
Всѣ образы ему доступны и покорны;
Все дышетъ, движется подъ кистью животворной.
Я видѣла его! Усталый и больной,
Онъ полонъ силою чудесною, святой,
Онъ полонъ свѣтлаго живого вдохновенья.
Я передъ нимъ въ нѣмомъ стояла умиленьи.
Напрасно мой языкъ искалъ рѣчей и словъ:
Я только и могла твердить: Брюлловъ! Брюлловъ [2])!

123.

Ю. В. Жадовская—К. П. Брюллову.

Мартъ 1849 г. Ярославль.

Повѣрите ли, я все думаю о васъ. Ни перемѣна мѣстъ и впечатлѣній, ни пять дней томительнаго, почти непроѣзднаго пути, ни свиданіе съ родными —ничто не можетъ выгнать изъ моей памяти вашего присутствія. Желаніе еще разъ напомнить вамъ о себѣ, еще разъ, хоть на нѣсколько минутъ, ожить передъ вами не даетъ мнѣ покою... И вотъ

[1]) Юлія Валеріановна Жадовская (1826†1883),—писательница.

[2]) Стихотвореніе это находится и въ «Полномъ собраніи сочиненій» Ю. В. Жадовской, т. I. Спб. 1885, стр. 138.

для этого я посылаю вамъ одну изъ моихъ повѣстей въ прозѣ [1]). Вы можете и не читать ея; довольно, если вы прочтете на ней мое имя,— вотъ ужъ она и достигла цѣли. Воспоминаніе о васъ обратилось во мнѣ въ какую-то неизъяснимую болѣзнь, непонятное томленіе. Напрасно я, по нѣскольку разъ въ день, пересказываю роднымъ о свиданіи съ вами, это не облегчаетъ меня Помогите моему недугу, пришлите мнѣ что-нибудь изъ вашей мастерской, что-нибудь: обломокъ кисти, которая была въ вашихъ рукахъ, лоскутокъ бумаги съ чертой карандаша, проведенной вами. Для васъ это легко, а для меня будетъ истинной отрадой. Прощайте! Добрый путь вамъ! Будьте здоровы на радость знающимъ васъ, на славу Россіи.

124.

В. А. Жуковскій—А. П. Брюллову.

Я хочу сдѣлать реформу въ своихъ аппартаментахъ и желалъ бы имѣть на то вашъ совѣтъ, почтеннѣйшій Александръ Павловичъ! Согласитесь ли вы мнѣ пожертвовать для этого нѣсколькими минутами? Напримѣръ, нельзя ли вамъ навѣстить меня въ будущее воскресенье поутру послѣ девяти часовъ? Думаю, что это и для васъ удобнѣе: въ другіе дни и вы, и я заняты. Увѣдомьте, дожидаться ли васъ въ воскресенье. Вамъ искренно преданный Жуковскій.

(Понедѣльникъ).

125.

В. А. Жуковскій—К. П. Брюллову.

Любезный Карлъ Рафаеловичъ! Я ѣду въ четыре часа. Не можете ли вмѣстѣ отобѣдать у меня? Приходите вмѣстѣ съ вашимъ братомъ Александромъ Брамантовичемъ. Да нельзя ли притащить съ собой и барона Клода Фидіасовича? [2])—Жуковскій.

Жду васъ въ три часа. Если не найдете меня дома, то найдете у меня сигары.

На оборотѣ: Карлу Павловичу то-есть великому Рафаеловичу Брюллову.

---

[1]) При письмѣ приложена повѣсть „Непринятая жертва", напечатанная впослѣдствіи. (См. „Полн. собр. сочин." Ю. В. Жадовской, т. I, Спб. 1885, стр. 293—321).

[2]) Т. е. скульптора барона Петра Карловича Клодта.

126.

А. И. Зауервейде [1]—К. П. Брюллову [2].

10-го іюля 1836 г. С.-Петербургъ.

Дорогой другъ! Возвратясь въ Петергофъ, я обождалъ прибытія государя и тотчасъ поспѣшилъ къ нему. Я высказалъ, что я чувствовалъ въ глубинѣ души, и нашъ чудный государь, безъ всякаго колебанія, счелъ справедливымъ назначить вамъ 8.000 руб. и дозволилъ мнѣ отнестись объ этомъ къ министру.

Здѣсь прилагается вамъ копія съ письма, которое я написалъ быстро и въ пылу восторга, письмо это вкратцѣ и приблизительно содержитъ смыслъ всего того, о чемъ я подробно говорилъ съ государемъ. Когда я показалъ письмо полковнику Юрьевичу [3] (постоянному спутнику наслѣдника престола), чтобы тотъ исправилъ неточности въ слогѣ моего письма, мнѣ пришлось испытать большую радость: онъ всталъ, обнялъ меня и сказалъ: «дорогой Александръ Ивановичъ! Въ письмѣ нечего измѣнять, ибо оно написано такъ, какъ можетъ писать только художникъ—въ немъ и одушевленіе, и истина, любовь и преданность отечеству; я прошу только позволенія снять копію съ сего письма, такъ какъ я долженъ показать его наслѣднику»... Когда я на другой день обѣдалъ у наслѣдника, тотъ благодарилъ меня за мой патріотизмъ и изволилъ много говорить со мной о положеніи художниковъ. Днемъ же послѣ государь сказалъ мнѣ, что онъ подписалъ бумагу о томъ, чтобы болѣе ни одного ученика не принимать на казенный счетъ (въ Академію художествъ). Но онъ былъ совершенно удивленъ, услышавъ, что ни одинъ изъ профессоровъ или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто, не былъ приглашенъ на совѣщаніе по этому дѣлу. Мнѣніе государя таково, что сами господа профессора должны знать, на что̀ употребляются деньги, поступающія въ распоряженіе Академіи. Между прочимъ я позволилъ замѣтить его величеству, что если бъ мастерскую господина Брюллова устроить такъ, чтобы въ ней работалъ отмѣнный художникъ, окруженный молодыми художниками и друзьями искусства, то она больше принесетъ Россіи, чѣмъ тѣ 221.000 руб., которыя Академія художествъ получаетъ ежегодно для содержанія учениковъ, учителей,

---

[1]) Александръ Ивановичъ Зауервейде (1782†1844), батальн. живописецъ, почетн. вольный общникъ Академіи художествъ; при императорѣ Николаѣ I былъ учителемъ рисованія при великихъ князьяхъ.

[2]) Подлинникъ этого письма писанъ на нѣмецкомъ языкѣ.

[3]) Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ—полковникъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, помощникъ воспитателя наслѣдника цесаревича.

инвалидовъ, растпрателей красокъ, писцовъ... на-ряду съ профессорами. Чего не скажешь въ пылу воодушевленія!—Безъ конца хотѣлъ бы я съ вами болтать, дорогой другъ, и радуюсь, что близко наше свиданіе. Вашъ истинный цѣнитель и другъ Зауервейде.

127.

Графъ П. Н. Зубовъ [1])—К. П. Брюллову.

8-го октября 1839 г. Москва.

Милостивый государь! Будучи любителемъ живописи и однимъ изъ почитателей вашего выдающагося таланта, я очень хотѣлъ бы имѣть произведеніе вашей умѣлой кисти. Поэтому я былъ бы вамъ очень признателенъ, если бы вы взялись осуществить идею, которая пришла мнѣ на умъ, картиной, представляющей «Невинность, покидающую землю» [2]). Невинность должна быть изображена въ видѣ молодой дѣвушки или сильфиды, уносящейся въ воздухъ; земля, на нижнемъ планѣ картины, въ видѣ толпы мужчинъ и женщинъ, лица которыхъ выражаютъ разныя порочныя страсти, какъ терзанія ревности, зависти, вѣроломство, эгоизмъ, жестокость, лицемѣріе, подлость,—словомъ пороки, выражающіе испорченность нравовъ. Невинность—въ центрѣ картины, толпа—внизу, занимая мѣсто по крайней мѣрѣ четверть картины. Выполнить эту идею вполнѣ достойно вашему генію. Предоставляя выполненіе всецѣло вашему вдохновенію, я прошу только не отступать отъ моей идеи. Я ассигную на нее отъ 10.000 до 12.000 руб. ассигнаціями. Сверхъ того, по окончаніи картины, если вы найдете ее хорошей, я беру на себя отправить ее на выставку въ Парижъ за свой счетъ.

Вотъ каково мое предложеніе, и я прошу васъ, милостивый государь, извѣстить меня, угодны ли вамъ мои условія и могу ли я льстить себя надеждой имѣть произведеніе столь выдающагося таланта, какъ вашъ. Во всякомъ случаѣ это письмо послужитъ вамъ гарантіей моихъ обязательствъ. Изъявляя чувства моего уваженія и глубокаго почтенія, имѣю честь быть вашимъ преданнымъ слугой Платонъ Зубовъ [3]).

---

[1]) Графъ Платонъ Николаевичъ Зубовъ († 1855 года).

[2]) См. объ эскизѣ этой картины въ воспоминаніяхъ Н. А. Рамазанова въ „Москвитянинѣ" 1851 г., т. IV, стр. 113.

[3]) Подлинникъ этого письма на французскомъ языкѣ.

128.

Архимандритъ Игнатій [1])—К. П. Брюллову.

27-го апрѣля (1847).

Дорогой мой Карлъ Павловичъ! Съ сердечнымъ прискорбіемъ услышалъ я о постигшей васъ болѣзни. Такъ далеко я отъ васъ и не могу посѣтить васъ, чего бы такъ желала душа моя! Надѣюсь къ 1-му іюня пріѣхать въ Петербургъ; послѣ необходимыхъ явокъ къ начальству, постараюсь непремѣнно посѣтить васъ. Я лѣчусь, очень слабъ и до сихъ поръ еще не выходилъ изъ комнаты. Сидя писать не могу, а пишу, лежа на постели, и потому пишу карандашомъ. Всегда я принималъ въ васъ сердечное участіе. Душа ваша представлялась мнѣ одиноко странствующею въ мірѣ. Такъ странствую и я, окруженный съ младенчества бѣдствіями. Около меня сформировался кругъ друзей, искренне меня любящихъ, но еще не встрѣчался я съ душою, предъ которою могъ бы я вполнѣ открыться. И это не отъ того, чтобы я былъ скрытенъ; нѣтъ, я очень откровененъ, но душа, предъ которою я могъ бы открыться съ истинною пользою, должна быть способна понять меня, изслѣдовать меня,—должна постичь самое вдохновеніе мое, если есть во мнѣ какое вдохновеніе. Безъ этого откровенность безплодна. Мало этого, откровенность передъ непонимающимъ только наноситъ новую язву душѣ. Въ моемъ земномъ странничествѣ и одиночествѣ нашелъ я пристань вѣрную—истинное Богопознаніе. Не живые человѣки были моими наставниками, ими были почившіе тѣломъ, живые духомъ святые отцы. Въ ихъ писаніяхъ нашелъ я евангеліе, осуществленное исполненіемъ; они удовлетворили душу мою. Оставилъ я міръ, не какъ односторонній искатель уединенія или чего другаго, но какъ любитель высшей науки; и эта наука доставила мнѣ все: спокойствіе, хладность ко всѣмъ земнымъ пустякамъ, утѣшеніе въ скорбяхъ, силу въ борьбѣ съ собою,—доставила друзей, доставила счастіе на землѣ, какого почти не встрѣчалъ. Вы знаете, какъ я живу въ монастырѣ! Не какъ начальникъ, а какъ глава семейства.—Нѣсколько лѣтъ, какъ разстроилось мое здоровье. По мѣсяцамъ, по полугодамъ не выхожу изъ комнаты; но религія вмѣстѣ съ этимъ обратилась для меня въ поэзію и держитъ въ непрерывномъ чудномъ вдохновеніи, въ бесѣдѣ съ видимымъ и невидимымъ мірами, въ несказанномъ наслажденіи. Скуки не знаю; время

---

[1]) Игнатій (въ мірѣ Дмитрій) Брянчаниновъ (1805†1867), въ то время архимандритъ Сергіевской пустыни; впослѣдствіи епископъ кавказскій и черноморскій, извѣстный духовный писатель.

сократилось, понеслось съ чрезвычайною быстротою,—какъ бы слилось съ вѣчностію; вѣчность какъ бы уже наступила. Тѣхъ, которыхъ угнетаетъ скорбь, пригоняетъ къ моей пристани, приглашаю войти въ мою пристань, въ пристань Божественныхъ помышленій и чувствованій. Они входятъ, отдыхаютъ, начинаютъ вкушать спокойствіе, утѣшеніе, и дѣлаются моими друзьями. Вашей душѣ надо войти въ эту пристань! Она слышитъ по какому-то тайному предчувствію, что ей суждено найти успокоеніе въ этой пристани; а сердце мое къ вамъ отворено, давно отворено. Давно видѣлъ я, что душа ваша въ земномъ хаосѣ искала красоты, которая бы ее удовлетворила. Ваши картины—это выраженія сильно жаждущей души. Картина, которая бы рѣшительно удовлетворила васъ, должна бы быть картиною изъ вѣчности. Таково требованіе истиннаго вдохновенія. Всякая красота, и видимая и невидимая, должна быть помазана Духомъ, безъ этого помазанія на ней печать тлѣнія; она (красота) помогаетъ удовлетворить человѣка, водимаго истиннымъ вдохновеніемъ. Ему надо, чтобы красота отзывалась жизнію, вѣчною жизнію. Когда жъ изъ красоты дышетъ смерть, онъ отвращаетъ отъ такой красоты свои взоры. Поправляйтесь, дорогой мой Карлъ Павловичъ! Желаю по пріѣздѣ моемъ увидѣть васъ здоровымъ, укрѣпившимся. Еще надо бы вамъ пожить, пожить для того, чтобъ ближе ознакомиться съ вѣчностію, чтобъ предъ вступленіемъ въ нее стяжать для души вашей красоту небесную; въ душѣ вашей всегда было это высокое стремленіе. Объятія Отца Небеснаго всегда отверзты для принятія всякаго, кто только захочетъ прибѣгнуть въ эти святыя, спасительныя объятія. Прощайте; до свиданія, котораго жажду. Архимандритъ Игнатій.

129.

Ѳ. И. Іорданъ [1]—А. П. Брюллову.

3-го марта 1854 г. Флоренція.

Любезнѣйшій Александръ Павловичъ! Чувствую себя вполнѣ предъ вами виновнымъ, что до сего времени не отвѣчалъ на любезное ваше письмо отъ 23-го декабря; занятія и прескучная итальянская, особенно флорентійская зима были тому причиною. Надѣюсь, что генералъ Саблуковъ получилъ должный отъ меня оттискъ Преображенія, о чемъ писалъ я немедленно Н. И. Уткину [2]); пишу объ ономъ во-первыхъ, ибо о дѣлѣ требуется говорить неотлагательно. Вполнѣ увѣренъ, что

---

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ. (См. о немъ прим. къ письму № 119).

[2]) Николай Ивановичъ Уткинъ (1780†1863),—профессоръ гравированія, въ то время хранитель эстамповъ въ Эрмитажѣ.

*

мои строки найдутъ какъ васъ, любезнѣйшую вашу супругу, такъ и любезное ваше семейство пользующимися отличнымъ здоровьемъ и среди полнаго или по силѣ возможности благополучія, чего отъ души желаю. Здѣшняя зима съ окончаніемъ карнавала, кажется, простилась до будущаго января мѣсяца, давъ во все время два снѣжныхъ дня съ морозомъ въ 3°. Карнавалъ послѣ смутнаго времени 1848 г. со своими масками и ночными маскарадами болѣе не позволяется; но за то, говорятъ, въ Римѣ повеселились, гдѣ онъ былъ довольно блистательный. Одно развлеченіе для здѣшней аристократіи и для гостей имѣлось у нашего богача А. Н. Демидова, который 23-го февраля въ своемъ дворцѣ di San-Donato далъ наивеликолѣпнѣйшій bal masqué, гдѣ все дышало неимовѣрнымъ богатствомъ костюмовъ, большею частію тосканскихъ Большая часть здѣшней знати была въ древнихъ костюмахъ своихъ знаменитыхъ прадѣдовъ, которые, кажется, годами лежатъ въ комодахъ и ждутъ какого-нибудь маскарада, дабы въ нихъ отличиться. Странная участь! Прадѣды ихъ засѣдали въ нихъ въ важныхъ совѣтахъ дѣлъ республики, внуки же, какъ наряженые, танцуютъ въ нихъ французскій кадриль! Теперь все кончилось, насталъ постъ, и народъ пустился слушать проповѣдниковъ. Нашъ же Демидовъ, слѣдуя патріотическому духу своего отца, который въ тяжкій для Россіи 1812 годъ пожертвовалъ отечеству крестьянами и деньгами, такъ и сынъ его Анатолій писалъ императору, что, предчувствуя, что 1854 годъ для Россіи будетъ годомъ историческимъ, когда все жертвуетъ и все въ Россіи спѣшитъ быть полезнымъ для отечества, то и онъ къ подножію трона его императорскаго величества жертвуетъ всѣмъ, какъ жизнію, такъ и своимъ достояніемъ, на что получилъ весьма лестный отзывъ; почему въ Санъ-Донато все готовится къ отъѣзду и на будущей недѣлѣ (А. Н. Демидовъ) отправится въ дорогу на святую Русь, что со временемъ окажется здѣсь весьма чувствительнымъ, ибо некому замѣнить выдачу его милліоновъ, тѣмъ болѣе здѣсь бѣдности конца нѣтъ; вина не видать здѣсь болѣе 5-ти лѣтъ, хлѣбъ и масло вздорожали. Царствующій герцогъ, который былъ и есть наидобрѣйшій человѣкъ и который былъ ангеломъ для бѣдности, теперь же послѣ неблагодарнаго 1848 года, въ который годъ онъ испыталъ всѣ слѣдствія гнусной неблагодарности, сдѣлался глухъ и неприступенъ къ народу. Господа же теперь заперлись въ своихъ богатыхъ чертогахъ и, боясь ежедневно повторенія 1848 года, ничего не покупаютъ и не заказываютъ, вслѣдствіе чего, повторяю, бѣдности конца нѣтъ, и вечеромъ, сидя въ кафе, не видите другаго удовольствія, какъ перемѣну лицъ нищихъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ. Почему и говорю, что отъѣздъ А. Н. Демидова есть довольно грустное происшествіе для Флоренціи. Война здѣсь мутитъ всѣ головы, и всѣ ждутъ важныхъ событій, но я вполнѣ съ вами согла-

сенъ, что худой миръ лучше всякой ссоры. Что касается до меня, то все продолжаю жить на моей безподобной, хотя несносно высокой квартирѣ, гдѣ пользуюсь удивительнымъ воздухомъ и свѣтомъ, гдѣ днемъ занимаюсь, вечеромъ имѣю удивительный видъ захода солнца; потомъ прогулка, за оной въ кафе (гдѣ сидимъ и смотримъ на молчаливыхъ тосканцевъ, т. е. художниковъ, чему даже старикъ Боссе удивляется, какъ могу сидѣть я среди народа просто безсловеснаго), которое для меня весьма интересно, ибо даетъ случай преспокойно думать объ оставленныхъ друзьяхъ въ Россіи. Не знаю, вѣрить ли слуху, что рѣдкій отецъ и достойный художникъ, любезный нашъ сотоварищъ Андрей Михайловичъ Болотовъ [1]) будто бы скончался. Боже мой! сколько слезъ и слезъ достойныхъ какъ осиротѣвшаго семейства, такъ и вамъ, котораго, кажется, вы искренно любили; покойнаго же расположеніе къ вамъ было сопряжено съ истиннымъ уваженіемъ, чему я неоднократно былъ личный свидѣтель и что̀ меня душевно радовало. Признаюсь, столь ранняго отхода въ вѣчность человѣка въ свѣжихъ годахъ я никакъ не предполагалъ. Вѣчная память доброй его душѣ!

Изъ Рима давно не получалъ извѣстій; надѣюсь, что вашъ братецъ былъ уже въ Неаполѣ и повеселился на римскомъ карнавалѣ, что̀, можетъ быть, примирило его съ Римомъ, которымъ онъ все какъ-то оставался недовольнымъ. Про Николая Ѳедоровича [2]) не говорю ни слова; я увѣренъ, что все его восхищаетъ и онъ трудами будетъ стараться оправдать себя предъ достойнымъ своимъ дяденькою. Вотъ все, мой неоцѣненный Александръ Павловичъ, что могъ вамъ сказать на сей разъ; не сердитесь пустотѣ содержанія письма, ибо живу отшельникомъ внѣ всякихъ новостей, но за то будьте увѣрены въ истинѣ искреннихъ моихъ чувствъ душевнаго къ вамъ уваженія и сердечной признательности, которыя чувства будутъ жить со мною по гробъ.

Если есть лишнее время и съ онымъ хотя малое расположеніе души, припомните меня, какъ стараго своего сотоварища, и подарите меня въ пустынной и странствующей моей жизни хотя двумя строками: будьте увѣрены, что онѣ будутъ читаны съ несомнѣнною радостью, ибо нѣтъ для меня другаго сотоварища, котораго я началъ чтить, такъ сказать, съ самой колыбели; и вашу дружбу я чту наградою свыше за всѣ мои труды.

Итакъ, добрый Александръ Павловичъ, не забывайте старика Іордана. Весь и навсегда вашъ Ѳ. Іорданъ.

---

[1]) Андрей Михайловичъ Болотовъ (1808†1854),—архитекторъ.

[2]) Н. Ѳ. Брюлло сынъ Ѳедора Павловича Брюлло.

130.

Ѳ. И. Іорданъ—А. П. Брюллову [1]).

11-го (23-го) апрѣля 1854 г. Флоренція.

. . . Здѣсь во Флоренціи лѣто стоитъ во всемъ блескѣ, только вовсе безъ дождей; всюду молятся и всюду процессіи, но все по-старому: и сухо, и пыльно. Нищимъ конца нѣтъ, и всѣ боятся неурожая и того болѣе нашей войны, которая оставитъ Тоскану безъ хлѣба, ибо Тоскана цѣлую треть года живетъ хлѣбомъ Одессы; теперь его не имѣется, почему онъ и вздорожалъ, а безъ нашего хлѣба плохо Европѣ! Всѣ толкуютъ здѣсь о нашемъ патріотизмѣ и удивляются тѣмъ пожертвованіямъ, коими каждое сословіе нашего отечества старается быть полезнымъ. Дай Богъ, чтобъ все оное короновалось должнымъ успѣхомъ. . . . Сильно меня пугаетъ фотографія, которая здѣсь дѣлаетъ большіе успѣхи, и портретисты здѣшніе сидятъ вовсе безъ работы; теперь она караетъ портретистовъ, а потомъ возьмется и за граверовъ, особенно ландшафтныхъ, пока же она дѣйствуетъ плохо и дѣлаетъ картины черными. Нашъ сибирскій богачъ (А. Н.) Демидовъ живетъ теперь въ Вѣнѣ, и его шумный замокъ San-Donato на время пріуснулъ. На-дняхъ скончался здѣсь отъ грудной болѣзни нашъ графъ Балашовъ [2]), который своимъ богатствомъ служилъ меценатомъ для здѣшнихъ художниковъ, и его потеря ощутительна для многихъ. Кости его повезли къ намъ домой.—Я весьма часто думаю о несчастномъ А. М. Болотовѣ, который такъ скоро отошелъ въ вѣчность. Мнѣ говорили, что вы потерпѣли неправосудіе по случаю смерти А. И. Мельникова [3]), но надѣюсь, что вы все это выдержали, какъ истинный философъ, найдя себѣ утѣшеніемъ ваши безпрекословныя достоинства какъ рѣдкаго профессора и примѣрнаго супруга и отца семейства, владѣя необыкновеннымъ талантомъ, можно сказать, съ младенческихъ лѣтъ... Говорю это вамъ, какъ вашъ товарищъ временъ счастливыхъ, временъ Дмитрія Мироныча Ушакова [4]). Боже мой! какъ посмѣешься, а все-таки было удивительное время! Разумѣется, юность, а въ дни юности все смѣется...

И такъ прощайте... Весь вашъ Іорданъ.

---

[1]) Письмо начинается многословными благопожеланіями всякаго добра семейству А. П. Брюллова.

[2]) Александръ Александровичъ Балашовъ (род. 7-го апрѣля 1812 года, умеръ 14-го апрѣля 1854 г.)—капитанъ, затѣмъ коллежскій ассесоръ. Іорданъ ошибочно называетъ его графомъ.

[3]) См. письмо № 15.

[4]) Д. М. Ушаковъ—преподаватель рисованія въ Академіи художествъ и гувернеръ.

131.

Баронъ П. К. Клодтъ [1]—А. П. Брюллову.

Любезный Александръ Павловичъ! Не имѣю словъ выразить вамъ мою благодарность за портретъ моей жены, который я нашелъ очень похожимъ, только я не полагалъ, что она такъ полна. Я всегда, какъ вы знаете, былъ нѣжнымъ мужемъ; но только теперь вполнѣ чувствую, какъ велика моя привязанность къ ней; только подлѣ нея я могу назваться счастливымъ, а безъ нея мнѣ вездѣ скучно и грустно; я здѣсь могъ бы пользоваться всѣми удовольствіями, но не имѣю ни къ чему охоты, все мнѣ въ тягость и всѣмъ скучаю. Ласка и уваженіе здѣшнихъ лучшихъ художниковъ, конечно, мнѣ очень пріятны, но не могутъ замѣнить мнѣ ласкъ жены и дѣтей. Ничто не можетъ сравниться съ тихою семейною жизнью. Съ какимъ удовольствіемъ смотрю я здѣсь на дѣтей и въ каждомъ ищу сходства съ моими! Не могу дождаться времени, когда я ихъ всѣхъ снова увижу. Что мнѣ въ томъ, что я обѣдаю у короля и принцевъ? Хотя и лестно, но скучно; лучшія яства и вина я бы промѣнялъ на черный хлѣбъ и квасъ. Я былъ въ Дрезденѣ, осматривалъ галлерею и разныя рѣдкости, но кромѣ ужаснѣйшей зѣвоты все это никакого впечатлѣнія на меня не сдѣлало. Я рѣшительно къ путешествію не способенъ. Объ одномъ даже самъ теперь сожалѣю, что, будучи въ Дрезденѣ, не съѣздилъ въ такъ называемую Саксонскую Швейцарію. Но я былъ такъ нерасположенъ къ дальнѣйшему вояжу, что не могъ рѣшиться. Чрезвычайно бы хотѣлъ застать васъ и жену еще на дачѣ, потороплюсь, сколько можно. Скажите Шуберту, что Гумбольдтъ его благодаритъ за карты. Кланяюсь всему вашему семейству и остаюсь душевно преданный П. Клодтъ.

132.

А. А. Козловъ [2]—К. П. Брюллову.

29 сент. 1851 г., С.-Петербургъ.

Многоуважаемый Карлъ Павловичъ! Еще на-дняхъ какъ бы видѣлся съ вами: былъ въ вашей квартирѣ... Взглянувъ на то мѣсто, гдѣ стояла ваша кровать, я живо представилъ себѣ васъ, нашъ бостонъ,

---

[1]) Баронъ Петръ Карловичъ Клодтъ (1805†1867),—извѣстный скульпторъ.

[2]) Александръ Алексѣевичъ Козловъ (1816†1884),—живописецъ и рисовальщикъ, ученикъ Ѳ. А. Бруни.

ваши энергическія разсужденія и разсказы, музыку органа, всю честную компанію и многое другое, что такъ услаждало насъ. Ваше отсутствіе унесло для многихъ (и для меня) пріятнѣйшіе вечера. Гдѣ вы теперь—Богъ вѣсть. Что вы подѣлываете? Что вы не безъ работы, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: это—ваше мученье и наслажденіе, ваша привычка—мыслить и творить, но что именно вы производите—это намъ неизвѣстно. Дай Богъ вамъ здоровье каменное и да не сокрушатъ его бури житейскія. По словамъ пріѣхавшаго къ намъ Ѳедорова, вы отправляетесь въ Витербо [1]) принимать ванны. Авраамъ Ивановичъ Мельниковъ [2]) вамъ кланяется и совѣтуетъ отправиться принимать ванны близъ Неаполя, неподалеку отъ развалинъ храма Юпитера.

Не знаю, чѣмъ поинтересовать васъ, чѣмъ наэлектризовать вашу пылкую любознательность? Съ вами говорить не легко: чего вы не испытали, чего не перечувствовали, не перечитали?! Васъ трудно удивить... Есть (много новаго), но такого, о чемъ должно помолчать, чтобъ васъ не опечалить, а многое важное вы знаете по газетамъ. На-дняхъ мы похоронили А. Е. Егорова [3]). Вѣчная память! дѣльный былъ старикъ—это вы знаете лучше насъ [4]). Желѣзная дорога [5]) назначена къ открытію для поѣздокъ публики съ 1-го ноября; императоръ со всей фамиліей уже ѣздилъ по ней въ Москву и возвратился благополучно; а между тѣмъ на дорогѣ было несчастіе: отъ столкновенія поѣздовъ погибло пять человѣкъ—все машинисты и рабочіе (публики было мало); когда будутъ положены вторые рельсы, то никакихъ бѣдъ не будетъ. Какую пользу принесетъ Россіи эта дорога, о томъ вы сами лучше смекаете, вамъ и книги въ руки. Согласитесь, что у насъ въ короткое время совершились чудеса: дивный мостъ охватываетъ станъ Невы чуднымъ поясомъ, Исаакій коронуетъ городъ, желѣзная дорога дружитъ двѣ столицы—голову и сердце Руси, Эрмитажъ пріютилъ геніальныя произведенія, и, въ заключеніе всего, Россія, во-время поддержавъ монархическое начало сосѣдей, показала всю свою нравственную и матеріальную силу. Отрадно царю, что дожилъ онъ до совершенія такихъ доблестныхъ, тріумфаторскихъ подвиговъ! Славная работа перу будущаго историка его царствованія.

Все прочее у насъ все то же, что было и при васъ. Опера у насъ составляется дивная: Гризи, Персіани, Маріо, Ровкони-де-Мерикъ и другіе знаменитые пѣвцы и пѣвицы. Въ Академіи (художествъ) по обыкновенію

---

[1]) Витербо—городъ въ 66 м. отъ Рима, знаменитый минеральными источниками, наз. въ древности „Aquae Cajae".

[2]) См. о немъ прим. къ письму № 15.

[3]) См. о немъ прим. къ письму № 5.

[4]) А. Е. Егоровъ былъ учителемъ К. П. Брюллова.

[5]) Николаевская желѣзная дорога.

готовятся къ годичной выставкѣ. Ученическія программы, говорятъ, будутъ хороши; жаль только, что васъ-то нѣтъ у насъ... Въ числѣ новостей Академія уже получила превосходную копію работы Бориспольца [1]) съ картины Тиціана «Убіеніе св. Петра»; онъ (Борисполецъ) почти потерялъ зрѣніе и проситъ пособія у академіи. Въ новомъ Эрмитажѣ картины всѣ размѣщены красиво и толково; народно-публичнаго открытія еще не было. Строеніе это вамъ извѣстно, картины также, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пріобрѣтенныхъ нынѣ въ Голландіи и Венеціи, взъ числа коихъ есть произведенія высокихъ достоинствъ и славныхъ мастеровъ. Ѳ. А. Бруни нарочно былъ посыланъ для надзора при покупкѣ всѣхъ этихъ картинъ, и, говорятъ, съэкономилъ въ казну [2]). Въ залахъ Новаго Эрмитажа (такъ приказано его называть) для произведеній русской школы находятся двѣ небольшія неудобно освѣщенныя залы, въ одной изъ нихъ помѣщена ваша «Помпея» (т. е. «Послѣдній день Помпеи»), а подлѣ нея «Мѣдный Змій» (Ѳ. А. Бруни), небольшой промежутокъ занятъ картиной «Моленіе о чашѣ» (Ѳ. А. Бруни), что̀ весьма некстати. Обѣ картины Бруни усердно покрыты лачкомъ, а вашъ chef-d'oeuvre и не собрались помыть и похолить на новосельи; но по пословицѣ: золото чистое и въ грязи золото; впрочемъ, вѣроятно, когда-нибудь соберутся и ее покрыть лакомъ. Другихъ русскихъ картинъ весьма немного, и то очень неважныя, за исключеніемъ «Магдалины» Иванова [3]); а могли бы набрать отличную галлерею русскую, ежели бы было приказано изъ дворцовъ и кабинетовъ царскихъ (sic); въ настоящемъ же видѣ галлерея русской школы въ Эрмитажѣ вообще уступаетъ галлереѣ Ѳ. И. Прянишникова. Ѳедору Антоновичу (Бруни), какъ директору Новаго Эрмитажа, отдѣлывается цѣлый этажъ въ маленькомъ дворцѣ, подлѣ Зимняго дворца, лицомъ на Неву, и, вѣроятно, скоро Ѳ. А. достигнетъ сана «превосходительнаго», что̀ въ особенности, какъ мнѣ кажется, порадуетъ его супругу... Н. А. Лукашевичъ опредѣленъ въ качествѣ помощника Бруни при Эрмитажѣ; говорятъ, содержанія ему 1.000 руб. въ годъ и квартира; онъ человѣкъ толковый и по наукамъ и по искусству. Года черезъ два Бруни вый-

---

[1]) Платонъ Тимоѳеевичъ Борисполецъ (1794†1880),—живописецъ-любитель изъ офицеровъ; ученикъ К. П. Брюллова. Здѣсь говорится о его копіи съ картины Тиціана „Мученье св. Петра", которую онъ исполнялъ по заказу Академіи за 2500 р., въ 1848—1850 г. Работая надъ ней, онъ сильно испортилъ себѣ зрѣніе, которое быстро стало еще болѣе ухудшаться. За границей онъ оставался до 1857 г. (См. о его пребываніи за границею въ эти годы въ книгѣ „А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка". Спб. 1880, стр. 279).

[2]) Съ 1849 года Ѳ. А. Бруни былъ хранителемъ картинной галлереи Императорскаго Эрмитажа.

[3]) Картина Александра Андреевича Иванова (1806†1858), оконченная имъ въ Римѣ въ 1835 году.

детъ изъ Академіи, а Неффъ [1]) давно уже хлопочетъ въ профессора Академіи и на квартиру Бруни, но ему не удается, а то онъ могъ бы быть вреденъ учащимся, а по неумѣнію рисовать былъ бы смѣшной профессоръ. И этотъ неважный артистъ въ чести у нашей знати! Печальная новость: скончался архитекторъ Ефимовъ-Римскій [2]), какъ его называли въ отличіе отъ Египетскаго [3]). Другихъ новостей не знаю, ибо мнѣ не позволено судьбою видѣть и испытывать столько, сколько бы желалъ и могъ, и мои занятія требуютъ долгосѣдства: копѣйка достается мнѣ трудомъ нелегкимъ, и я все еще графъ Лито [4]), какъ вы меня прозвали, кажется, и всегда имъ буду. Налитографировалъ я и издалъ вашу «Діану и сатира» [5]) «Спасителя во гробѣ» [6]), затѣмъ пойдетъ «Ангелъ молитвы». «Діану» мнѣ сначала цензура запретила, а потомъ, при усиленныхъ искательствахъ и на основаніи благосклоннаго пріема эстампа императоромъ, мнѣ дозволила, но съ уговоромъ— не выставлять въ окна магазиновъ, что̀ очень жаль; такъ что я отъ «Діаны» терплю убытокъ. Отъ «Спасителя» и отъ «Ангела» и отъ васъ ожидаю помощи, послѣднее обстоятельство объясняется далѣе. Когда «Ангелъ» будетъ готовъ, то всѣ три эстампа пришлю вамъ на рецензію. Какъ бы ни было хорошо сдѣлано, а все-таки наши изящныя картины, эстампы идутъ плохо, кромѣ народныхъ картинъ, съ подписями и безъ оныхъ. Касательно вашей «Осады Пскова» я по дозволенію вашему сдѣлалъ контуръ съ нея и остановился потому, что, сообразивши дѣло точнѣе, увидѣлъ, что мнѣ нужно сдѣлать съ картины копію масляными красками, а потомъ уже эстампъ. И вслѣдствіе-то сего смѣю вамъ снова выразить мою всепокорнѣйшую просьбу о дозволеніи снять мнѣ копію съ вашей «Осады Пскова» и литографировать съ нея и акватинтомъ. Сдѣлайте милость облагодѣтельствуйте же симъ дозволеніемъ почитающаго васъ А. Козлова... и не замедляйте этимъ рѣшеніемъ; мнѣ теперь было бы удобно приняться за это дѣло, ибо покуда есть деньги. Картина, хотя и не докончена, но для эстампа въ неболь-

---

[1]) Тимоѳей Андреевичъ Неффъ (1805†1876),—историческій живописецъ и портретистъ; въ званіе профессора Академіи возведенъ въ 1849 году, опредѣленъ на штатное мѣсто профессора 2-й степени въ 1855 году. Особенной извѣстностью изъ его работъ пользуются образа въ Исаакіевскомъ соборѣ,

[2]) Говорится о Николаѣ Ефимовичѣ Ефимовѣ, профессорѣ архитектуры. бывшемъ пенсіонерѣ Академіи художествъ и жившемъ долгое время въ Римѣ. Онъ скончался 11 сент. 1851 года на 52 году жизни.

[3]) Подъ Ефимовымъ Египетскимъ слѣдуетъ разумѣть Дмитрія Егоровича Ефимова (1811†1864), профессора архитектуры и изслѣдователя египетской архитектуры.

[4]) т. е. литографъ.

[5]) „Эндиміонъ и Діана“ печ. Дарленгъ.

[6]) Литогр. Борель, печ. Дарленгъ.

шомъ видѣ она достаточно и совершенно выполнена. Вашимъ дозволеніемъ вы мнѣ дадите возможность продолжать изданіе вашихъ и другихъ русскихъ картинъ и тѣмъ поспособствуете извѣстности ихъ по нашей огромной Россіи и за границей и поддержите туго развивающуюся въ нашемъ народѣ любовь къ искусству. Впрочемъ, вы сами это все лучше меня разумѣете. Я же, кажется, въ моемъ предпріятіи не ошибаюсь и посильную пользу художеству приношу. Началъ я свое дѣло случайно, но теперь мнѣ трудно перемѣниться, т. е. перемѣнить литографію на живопись. Могу сказать, что, занявшись литографіей и изданіями, я принесъ жертву искусствамъ нашимъ: до меня никто не издавалъ (да и не издаетъ) столь постоянно, и признаюсь—я борюсь съ большими затрудненіями. Но я слуга искусству живописи и хочу быть полезнымъ, не будучи знаменитымъ. Я страстно люблю свое настоящее дѣло и употреблю всѣ возможныя мѣры, чтобы ходъ его усилить и улучшить. Пособите мнѣ своимъ дозволеніемъ и тѣмъ придадите мнѣ бодрости въ моемъ предпріятіи. Жду со страхомъ. Чуть было не забылъ: я издалъ еще двѣ литографіи съ вашихъ акварельныхъ рисунковъ, находящихся у графа (П. К.) Ферзена: «Свиданіе» и «Исповѣдь» [1]). Этими рисунками я началъ (приводить въ исполненіе) идею изданія вашего альбома: я думаю постепенно собрать, по возможности, если не всѣ, то многія ваши акварели, и, налитографировавъ, такимъ образомъ, составить дивный и разнообразный по содержанію альбомъ. Очень было бы хорошо, если бы вы потрудились мнѣ написать, сколько вы помните, названія вашихъ рисунковъ и у кого они находятся [2]); это указаніе ваше мнѣ очень пособило бы и ускорило мое предпріятіе къ постепенному исполненію...

В. И. Григоровичъ—вашъ нелицемѣрный почитатель,—слава Богу, здоровъ и вамъ кланяется, съ нимъ часто мы толкуемъ о васъ и вашихъ произведеніяхъ. Какъ новость въ нашемъ литературномъ мірѣ, прилагаю при семъ стихи, писанные Ознобишинымъ [3]) къ портрету вашему, бывшему на выставкѣ. Стихи эти приняты съ особеннымъ восторгомъ большинствомъ; мнѣ кажется только, что имя Зорянки тутъ некстати и невѣрно.

Портретъ.

Люблю блуждать съ безпечною толпою
Средь шумныхъ залъ, гдѣ взоромъ напоказъ

---

[1]) „Прерванное свиданіе" и „Исповѣдь итальянки".

[2]) Въ книгѣ М. И. Желѣзнова: «Неизданныя письма К. П. Брюллова» 1867, приложенъ фототипическ. снимокъ съ собственноручнаго (Брюллова) списка только портретовъ, исполненныхъ Карломъ Павловичемъ, но и этотъ списокъ далеко не полный.

[3]) Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ (1804†1878).

Петрополь снесъ богатою рукой
Плоды искусствъ—завидный свой алмазъ!
Любуюсь тамъ завѣтной стариною,
Въ рядахъ картинъ роскошныхъ тонетъ глазъ;
Но полный думъ стою въ собраньи этомъ
Я каждый разъ передъ однимъ портретомъ.
То не лицо прелестной итальянки
Съ распущенной, роскошною косой,
Его не кисть волшебника Зорянки
Душевною проникла красотой.
Нѣтъ! Наскоро наброшенный изъ рамки
Выходитъ онъ—болѣзненно худой;
Средь впалыхъ щекъ едва румянецъ рдѣетъ
И, мнится, грудь страдальца леденѣетъ.
Какъ Прометей могучій властью рока,
Во цвѣтѣ лѣтъ прикованный къ скалѣ,
Склонился онъ усталый, но упрека
Нѣтъ на устахъ, ни гнѣва—на челѣ.
Открытый взоръ пронзаетъ даль глубоко,
Онъ думою паритъ не на землѣ,
Восторгъ власы кудрявые вздымаетъ
И смерть подъ нимъ невидимо летаетъ...
Уже рука безъ силы опустилась,
Но блѣдный ликъ такъ важенъ, веселъ, тихъ,
Какъ будто мысль въ немъ дивно прояснилась:
„Я вѣчно живъ въ созданіяхъ моихъ!
Не даромъ грудь призваньемъ свѣтлымъ билась:
Удѣлъ искусствъ высокій я постигъ
Пусть жребіемъ сужденъ мнѣ рокъ суровый,—
Гляжу на смерть, какъ на вѣнецъ лавровый“!
Ты будешь жить, художникъ нашъ великій!
„Помпеи день“ зарей твоею былъ,
Твоихъ святыхъ такъ дивно дышатъ лики,
Италіи насъ съ небомъ ты сроднилъ,
И ждутъ тебя Россіи плескъ и клики,
Когда съ одра возстанешь полный силъ
И, кисть схватя рукою бойкой снова,
На судъ вѣкамъ отдашь „Осаду Пскова“ [1]).

Авторъ подарилъ мнѣ автографъ сего стихотворенія, оно еще до сихъ поръ не напечатано, ибо авторъ былъ въ Англіи и недавно лишь пріѣхалъ. Мнѣ пріятно знать, что я отчасти способствовалъ автору воодушевиться вашимъ геніемъ: я съ нимъ разсуждалъ о васъ и вашихъ твореніяхъ и показывалъ «Осаду Пскова» и многія другія произведенія. Что еще вамъ сказать новаго? О бывшей выставкѣ художествъ и рѣдкихъ вещей въ пользу кассы Общества посѣщенія бѣдныхъ и о сель-

[1]) Картина эта осталась не доконченной.

ской выставкѣ вы вѣроятно знаете по газетамъ. Герцогъ нашъ [1]), говорятъ, поправился.

133.

В. А. Корниловъ [2])—К. П. Брюллову.

22-го апрѣля 1841 г. Николаевъ.

Спѣшу отблагодарить и отвѣтить Карлу Павловичу. Чертежъ мѣста для образа былъ начерченъ правильно. Такая уже у насъ, моряковъ, глупая архитектура! Изъ прилагаемаго вы увидите всѣ подробности, а если и за этимъ не поймете, то спросите у какого-нибудь морскаго: вѣдь къ вамъ всякій народъ показывается. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, рама должна быть прямоугольная, въ ширину не болѣе 16½ вершковъ, въ вышину не болѣе 17½ вершковъ. Дѣло въ томъ, что удобенъ ли этотъ размѣръ для «Тайной вечери», которая обыкновенно занимаетъ болѣе мѣста въ ширину, чѣмъ въ высоту? А весьма бы желалось поставить на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ» приличный образъ. Лучшее, что̀ я могу въ этомъ случаѣ придумать, это — обратиться къ Карлу Павловичу, чтобъ онъ самъ рѣшилъ, какъ знаетъ. Конечно, если только вы удѣлите секунду изъ вашихъ дорогихъ минутъ вашему старому пріятелю, то кораблю его будетъ чѣмъ похвастаться и кромѣ пушекъ. «Тайная вечеря» дотого идетъ къ названію корабля, что стоитъ даже для нея придумать въ верху (дабы уменьшить или пополнить пустоту) какую-нибудь рѣзьбу или всевидящее око. Впрочемъ, дѣлайте, что найдете лучшимъ; мое дѣло — доставить вамъ размѣръ мѣста и пожелать всякаго добра отъ душевно преданнаго вамъ навсегда В. Корнилова.

134.

В. А. Корниловъ—К. П. Брюллову.

23-го декабря 1845 г. Севастополь.

Любезный другъ Карлъ Павловичъ! Извините, что отвлекаю васъ отъ занятій, дорогихъ для всякаго добраго русскаго, но... «бей, да выслушай!» Начальникъ мой адмиралъ Лазаревъ [3]), также человѣкъ русскій и къ тому человѣкъ души чистой и ума практически образован-

---

[1]) Максимиліанъ Лейхтенбергскій—президентъ Академіи художествъ.

[2]) Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ († 6-го октября 1854 г.),—впослѣдствіи вице-адмиралъ, защитникъ Севастополя.

[3]) Михаилъ Петровичъ Лазаревъ (1788 † 1851),—адмиралъ, гл. командиръ Черноморскаго флота.

наго, зная наше съ вами хлѣбосольство, просилъ меня обратиться къ извѣстной всѣмъ вашей готовности содѣйствовать всякому предпріятію, предназначенному упрочить славу нашего времени. Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что по подпискѣ, ходившей еще при покойномъ государѣ по всей православной Руси, набрана сумма для сооруженія храма въ память св. Владиміра на мѣстѣ принятія имъ святой вѣры, въ Херсонесѣ Таврическомъ.

Сумма эта, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была препровождена къ адмиралу Лазареву какъ начальнику города Севастополя, построеннаго въ сосѣдствѣ развалинъ древняго Корсуня, съ приглашеніемъ взять на себя всѣ распоряженія по этому благочестивому и истинно-русскому дѣлу. Теперь все готово къ исполненію: мѣсто избрано, проектъ церкви г. К. (А.) Тона утвержденъ государемъ императоромъ и, вѣроятно, скоро приступятъ къ работѣ. Адмиралъ Лазаревъ, озабочиваясь, чтобъ храмъ Владиміра, предназначенный напоминать намъ, русскимъ, эпоху такой великой важности для будущаго Россіи, былъ вполнѣ достоинъ своей благой цѣли, несмотря на извѣстныя ему ваши огромныя занятія, счелъ необходимымъ прибѣгнуть какъ къ современному намъ генію живописи хотя бъ за совѣтомъ на счетъ внутренняго убранства церкви. Не набросаете ли вы эскизъ и потомъ не пріищете ли художниковъ, которые бы подъ вашимъ руководствомъ взялись украсить своею живописью иконостасъ и прочее. Адмиралъ Лазаревъ полагаетъ, что весьма бы кстати было помѣстить въ храмѣ св. Владиміра важнѣйшіе его подвиги, какъ царя-крестителя Россіи, именно: собственное его крещеніе въ Корсуни и потомъ крещеніе имъ народа въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ, на Крещатикѣ. Послѣднее мѣсто адмиралъ самъ видѣлъ и разсказываетъ про мѣстность съ такимъ восторгомъ, что вы бы за это одно нарисовали бы ему самому картину. Адмиралъ самъ бы писалъ вамъ, но, зная наши отношенія, желаетъ узнать предварительно ваши о всемъ этомъ мысли. Надо предупредить васъ, любезный другъ, что сумма, собранная для этого православнаго русскаго дѣла, весьма ограниченна, и потому слѣдуетъ экономничать. Не могу вамъ сказать теперь, сколько именно можетъ быть отдѣлено на живопись, но если вы, посмотря проектъ (который былъ напечатанъ съ другими чертежами К. (А.) Тона), мнѣ напишете, около чего, полагаете, можетъ стоить живопись, задуманная вами и исполненная художниками по вашему выбору, то я не замедлю васъ увѣдомить, по силамъ ли это намъ будетъ. (Впрочемъ, есть въ виду новая подписка по всей Россіи). Прощайте! Будьте здоровы и не полѣнитесь отвѣчать душевно вамъ преданному В. Корнилову.

135.

Н. В. Кукольникъ [1]) К. П. Брюллову.

Секретно. Эстафета.

Сегодня по проискамъ и интригамъ Монферрана назначенъ осмотръ Лемерова фронтона, въ надеждѣ, что русская академія будетъ несправедлива къ иностранному художнику. Причиной ссоры Монферрана съ Лемеромъ было неудовольствіе послѣдняго за отливку его фигуръ на фабрикѣ Берда. Монферранъ съ Оленинымъ восхваляли фабричную работу, вѣроятно, имѣя къ тому свои поводы, а Лемеръ говорилъ, чтобы у Берда не отливать, а поручить работу (П. К.) Клодту, единственному человѣку, который разумѣетъ дѣло; вслѣдствіе того сегодня осмотръ. Не откажись участвовать въ этомъ визитѣ и потихоньку сообщи обстоятельства моей записки, кому разсудишь. Не просятъ протекціи, а только присутствія, потому что авось при тебѣ не рѣшатся рѣзко дѣлать несправедливость и не оглядываться. Твой Несторъ.

136.

Н. В. Кукольникъ—А. П. Брюллову.

Драгоцѣннѣйшій Александръ Павловичъ! Я все собирался къ тебѣ въ Павловскъ, но дѣла мои передъ отъѣздомъ все складываются такъ отвратительно, что я никакъ не могу выкроить времени, чтобы отправиться къ тебѣ и провести вечерокъ, какъ слѣдуетъ; а между тѣмъ время уходитъ, и я боюсь, чтобы мой protégé не потерялъ на этомъ, а потому, прилагая его къ сему письму, по принадлежности препровождаю. Повторяю тебѣ вкратцѣ, что уже имѣлъ случай излагать изустно, что этотъ сынъ Израиля не только красный, но и прекрасный юноша съ большими способностями и душевными хорошими качествами. Ты имъ будешь доволенъ, а мнѣ остается отъ всей души поблагодарить за дружеское твое ко мнѣ расположеніе. Итакъ, съ головой, руками и ногами передаю моего Льва Александрова Бахмана въ полную твою собственность.

Скажи, сдѣлай милость, что это такое—картина Иванова? Мистификація что-ли? Или я уже дотого устарѣлъ, что ничего не понимаю, или картина въ самомъ дѣлѣ плоха. Мучительно нехорошо: ни компози-

---

[1]) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (1809 † 1868),—извѣстный писатель, одинъ изъ раннихъ пріятелей К. П. Брюллова.

ціи, ни колорита. Кого ни встрѣчу, прошу вывести раціонально изъ печальнаго, можетъ быть, заблужденія. Ужъ не поможешь ли мнѣ при свиданіи? Всею душою и всегда твой Несторъ.

137.

Н. В. Кукольникъ—А. П. Брюллову.

5-го января 1860 г. Таганрогъ.

Любезный другъ Александръ Павловичъ! Много воды ушло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались [1]). Я полагаю, что въ Питерѣ уже и забыть успѣли, что былъ когда-то на бѣломъ свѣтѣ Кукольникъ. Ну, да что дѣлать? всему есть свое время. Наше, т. е. мое, прошло. До сихъ поръ не раскаяваюсь, что бросилъ Содомъ и Гоморру и переселился на самый конецъ Россіи. Бываю и тутъ по лѣтамъ боленъ, но не скучаю. Теперь братъ, я самъ архитекторъ! Знай нашихъ! Строю домъ, сирѣчь, жилище для Кукольника на старость. Прошу только Бога, чтобы передъ отходомъ съ этого свѣта какъ-нибудь устроить жену. Что-то вы всѣ подѣлываете въ Питерѣ? Ни отъ одной живой души изъ художественнаго міра ни вѣсточки. Помнишь ли художническій обѣдъ?—Всѣ хотѣли, обѣщали нарисовать мнѣ на память въ альбомѣ; я приготовилъ богатое вмѣстилище—и оно осталось пусто: ни одного рисунка! Я это пришилъ къ моимъ воспоминаніямъ, которыя, какъ приведу въ порядокъ, положу въ то хранилище съ улыбкой... Что твоя исторія архитектуры? Не думаю, чтобъ ты былъ настолько вѣтренъ и бросилъ начатый полезный трудъ. Я не смѣю разсчитывать на отвѣтъ, хотя, признаюсь, много бы ему порадовался.—Что дѣлаетъ мой Бахманъ? хорошо ли занимается? Будь такъ добръ, прикажи вручить ему прилагаемую писулю.... A rivedercі—Весь твой Н. Кукольникъ.

P. S. Адресъ мой весьма простъ: Н. В. Кукольнику въ Таганрогъ.

138.

Ф. Ц. Лагарпъ [2])—А. П. Брюллову [3]).

1-го (13)-го января 1827 г. Лозанна.

Милостивый Государь! Вотъ письма, которыя вы такъ любезно со-

---

[1]) Н. В. Кукольникъ оставилъ Петербургъ въ 1856 году.

[2]) Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ (1754-го ум. въ Лозаннѣ въ 1838 г.),—воспитатель императора Александра I-го.

[3]) Подлинникъ письма на французскомъ языкѣ.

глашаетесь передать. Я былъ очень радъ лично познакомиться съ вами [1]) и прошу васъ принять отъ меня самыя лучшія благопожеланія успѣха въ путешествіи вашемъ и увѣренія въ моемъ совершенномъ уваженіи. Вашъ покорнѣйшій слуга Фридрихъ Цезарь Лагарпъ.

139.

А. П. Лоди [2])—К. П. Брюллову.

25-го января 1849 г. С.-Петербургъ.

Спѣшу воспользоваться счастливымъ случаемъ побесѣдовать съ тобой, мой милый неоцѣненный Карлуша! Ну что, каково идетъ твое здоровье, поправляется ли? мадера divina дѣйствуетъ ли на твое здоровье? Дай-то Богъ, чтобъ по Его великому назначенію удалось въ жизни еще разъ повидаться съ тобою, а больно хочется! Пріѣзжай скорѣе, да держись, ибо, если я тебя сомкну въ могучія объятія свои, то съ радости такъ давну, что всю мадеру выжму. Видитъ Богъ одинъ мои чисто искреннія дружескія намѣренія и вѣрно услышитъ мою просьбу! Я, чай, тебѣ тамъ на чужбинѣ часто икается, ибо не проходитъ дня, чтобы я не вспомнилъ о тебѣ или въ кругу домашнихъ или же въ кругу друзей и знакомыхъ. Тутъ въ голову приходятъ всѣ наши дружескія бесѣды, шалости и молодеческій кутежъ. Что ни говори завистники счастья и клевреты человѣчества, а вѣдь мы съ тобой и всей нашей братіей давно провели нашу молодость. Весело лилась и запивалась, запивалась и запѣвалась жизнь артистическая, чортъ возьми! все было анъ аванъ и анъ артистъ! Очарованный воспоминаніями милой и беззаботной молодости, я до сихъ поръ все моложусь, несмотря на огромную лысину и пробивающуюся сѣдину, и, право, все такъ хочется до гроба жить молодымъ. Чортъ меня возьми, если бы я вздумалъ уны-

---

[1]) Объ этомъ знакомствѣ А. П. Брюллова въ записной книжкѣ его сохранились слѣдующія строки: „проѣзжая черезъ Лозанну, имѣлъ я случай познакомиться съ Лагарпомъ. Его скорбь по случаю смерти государя Александра—его питомца—показала все благородство души его,—онъ любилъ его чрезвычайно“. Ниже читаемъ:... „Въ Женевѣ видѣлъ я знаменитаго графа Каподистрія, и если вѣрить чувствамъ перваго впечатлѣнія, то онъ долженъ быть отличнѣйшаго сердца человѣкъ“.

[2]) Андрей Петровичъ Лоди,—былъ, но очень недолгое время, членомъ русской оперной труппы; артистъ. По словамъ Ю. К. Арнольда, въ это время Лоди, хотя и «потерялъ свой прежній прекрасный теноръ, превратившійся тогда уже въ баритонъ, но умѣнье его владѣть голосомъ и пѣвческая опытность при немъ остались“ (Воспоминанія Ю. К. Арнольда. Вып. III, М. 1893, стр. 15).

вать духомъ! Пусть голова покроется инеемъ, пусть морщины садятся ins Mordalion (нельзя же спорить со временемъ! пусть его подтачиваетъ физику), а духъ-то непоколебимъ; будемъ барбарусами, милый Карлуша, не поддавайся обстоятельствамъ; они сильно дѣйствуютъ на временщиковъ, а ты персона знатная такая, талантливая и безсмертная; ну тутъ толковать-то нечего, въ тебѣ вообще говоря, есть много хорошаго. Въ томъ лишь бѣда, что прежде обѣдалось два раза въ день и побольше; блиновъ уплеталась дюжина, да и еще съ хвостомъ, а теперь половины не одолѣешь. Что жъ дѣлать? Такъ и быть: будемъ вдвое, втрое меньше пить! Н. В. Кукольникъ уѣхалъ на Донъ раскапывать каменные уголья, коихъ вспышку онъ заливаетъ лихимъ донскимъ. Глинка въ Варшавѣ лѣчится виномъ аллопатически, а лѣкарствами гомеопатически, и ему хорошо. Яненко [1]) по-прежнему, more maiorum, всегда пьяненко. Даргомыжскій [2]) пищитъ, сочиняетъ мелочные дуэты и силится убѣдить міръ, будто бы его талантъ далеко выше М. И. Глинки. Степановъ [3]) лѣпитъ свои каррикатуры, твой помощникъ путейскій испускаетъ вздохъ злодѣйскій, что лишенъ удовольствія тебя видѣть и пользоваться твоимъ менторствомъ. Всѣ они тебѣ кланяются и въ восторгѣ отъ радостныхъ извѣстій, что ты поправляешься. Августѣйшая покровительница искусствъ и всего изящнаго, вѣроятно, тебя холитъ и лелѣетъ, и ты на Мадерѣ живешь, какъ въ раю: ни холодъ, ни снѣгъ не сжимаютъ тебя въ тиски, какъ на сѣверѣ.

Больше не имѣю времени писать спѣшу отдать письмо адъютанту Платону Ивановичу Паншину [4]), котораго тебѣ рекомендую, какъ любезнѣйшаго и достойнѣйшаго малаго и при томъ добраго товарища. Извини, если написалъ нескладно; теперь, изволишь видѣть, время дичи, и потому я поролъ всякую дичь, все, что ни взбрело въ голову. Прощай, милый Карлуша; не забывай убитаго горемъ артиста Андрея, который любитъ тебя всей душой и проситъ хоть двумя строками увѣдомить его о твоемъ житьѣ-бытьѣ. Увѣренъ, что ты будешь такъ добръ, не откажешь въ радушномъ пріемѣ моему ученику Паншину и при томъ meinem doppelt Schuller, ибо я его училъ сначала исторіи, а потомъ, какъ онъ началъ изобрѣтать свои исторіи, то я его сталъ учить пѣнью. Андрей Lody.

---

[1]) Яковъ Θедосѣевичъ Яненко (1800†1852),— академикъ портретной живописи.

[2]) Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій (1813†1869),—извѣстный композиторъ.

[3]) Николай Александровичъ Степановъ (1810†1887),—извѣстный рисовальщикъ-каррикатуристъ и писатель.

[4]) Платонъ Ивановичъ Паншинъ,—въ то время поручикъ гусарскаго полка, адъютантъ генералъ-лейтенанта П. П. Ланскаго.

140.

Княжна Е. В. Львова [1])—К. П. Брюллову.

21-го января 1849 г. Вѣна.

Я не ошиблась, милостивый государь Карлъ Павловичъ: вашъ рисунокъ доставилъ истинное наслажденіе государынѣ великой княжнѣ Екатеринѣ Михайловнѣ. Она любуется имъ, показываетъ его тѣмъ, которыхъ считаетъ достойными цѣнить произведеніе ваше, и благодаритъ васъ искренно за удовольствіе, которое вы ей сдѣлали. Я сообщила ея императорскому высочеству о намѣреніи вашемъ исполнить картину эту масляными красками, и государыня великая княжна впередъ уже воображаетъ, какъ это будетъ хорошо, и нетерпѣливо будетъ ждать исполненія. Дай Богъ вамъ въ добрый часъ начать, чтобъ скорѣе привести къ концу. Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь готовая къ услугамъ кн. Е. Львова.

141.

Княжна Е. В. Львова—К. П. Брюллову.

6-го марта 1849 г.

Великой княжнѣ Екатеринѣ Михайловнѣ угодно побывать нынче у васъ, милостивый государь Карлъ Павловичъ, и ея императорское высочество поручаетъ мнѣ спросить васъ, можете ли вы принять ее сегодня около двухъ часовъ по полудни. Е. Львова.

142.

Княжна Е. В. Львова—К. П. Брюллову.

25-го марта 1849 г.

Великая княжна Екатерина Михайловна посылаетъ вамъ букетъ цвѣтовъ. Онъ долженъ вамъ доставить предвкушеніе весны, за которою вы ѣдете, милостивый государь Карлъ Павловичъ! Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ еще разъ пожелать вамъ счастливаго пути и совершеннаго выздоровленія.

---

[1]) Княжна Екатерина Владиміровна Львова (1807†1880), — камеръ-фрейлина.

*

143.

М. А. Маркусъ [1])—К. П. Брюллову.

(1849 г.).

Любезный и почтенный Карлъ Павловичъ! Порученіе ваше я исполнилъ. Въ медицинскомъ спискѣ г. Дохтуровъ Михайло помѣщенъ медико-хирургомъ. Что же касается до его службы и пр., то я обратился въ медицинскій департаментъ и надѣюсь вамъ еще сегодня сообщить о немъ свѣдѣнія. Желая душевно, чтобы вы нашли въ немъ свѣдущаго и попечительнаго врача, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятнаго спутника, я всюду провожать васъ буду моими мыслями, и если я могу вамъ здѣсь въ чемъ-либо быть полезнымъ, то прошу васъ не отказать мнѣ въ этомъ удовольствіи [2]). Вспоминайте, хоть иногда, обо мнѣ въ часы, которые, какъ говоритъ божественный Данте, наводятъ тоску на странствующихъ по морю и терзаютъ сердце тѣхъ, кто сказалъ: «прости!» милымъ друзьямъ. Я никогда васъ не забуду и надѣюсь увидѣть васъ, когда Богу угодно будетъ васъ возвратить цѣлымъ и невредимымъ въ отечество, гдѣ ореолъ безсмертной славы ожидаетъ труды вашихъ искусныхъ рукъ [3]). Я постараюсь быть у васъ сегодня утромъ, чтобы еще разъ насладиться тѣмъ произведеніемъ кисти и дружбы вашей [4]), которое останется вѣчнымъ памятникомъ въ моемъ семействѣ. Вамъ сердцемъ преданный Маркусъ.

144.

Ѳ. А. Моллеръ [5])—К. П. Брюллову.

15-го іюня 1845 г. Римъ.

Почтеннѣйшій Карлъ Павловичъ! Постоянная благосклонность ваша ко мнѣ и добро, которое вы мнѣ оказывали съ первой минуты, какъ я

---

[1]) Михаилъ Антоновичъ Маркусъ (1790†1865),—докторъ медицины; писатель.

[2]) Слѣдующая часть письма писана на итальянскомъ языкѣ.

[3]) Остальная часть письма писана на русскомъ языкѣ.

[4]) К. П. Брюлловъ писалъ портретъ М. А. Маркуса.

[5]) Ѳедоръ Антоновичъ фонъ-Моллеръ (1812†1874 г.),—историческій живописецъ. За картину „Ап. Іоаннъ, проповѣдующій на островѣ Патмосѣ“, о которой говорится въ этомъ письмѣ, возведенъ въ 1857 году въ званіе профессора.

имѣлъ счастіе съ вами познакомиться, обнадеживаютъ меня, что вы не оставите меня вашими совѣтами въ предпріятіи, для меня столь же важномъ, сколь многимъ оно превышаетъ силы мои.—Не знаю, вспомните ли вы, что еще передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга говорилъ я вамъ о намѣреніи писать картину Іоанна Богослова, проповѣдывающаго христіанство среди вакханаліи; намѣреніе это хочу я теперь привести въ исполненіе, но не прежде, какъ получивъ отъ васъ на то разрѣшеніе и выслушавъ ваше сужденіе о композиціи, съ которой прилагаю при семъ прорись. Не считаю также излишнимъ сдѣлать здѣсь выписку текста моего сюжета изъ Четьи-Миней, изъ которыхъ я его почерпнулъ. «При семъ изыде Іоаннъ на торжища, идѣже собрася вмалѣ не весь градъ къ нему, да слышатъ слово Божіе. И се нѣкая жена паде на нозѣ его съ плачемъ молящая, дабы исцѣлилъ бѣснуемаго сына ея, за него же врачемъ едва не все имѣніе свое истощи. Святый же повелѣ, да приведутъ его къ нему и яко посланный бѣсноватому сказаша: «зоветъ тя Іоаннъ!»—абіе бѣсъ изыде отъ него и пришедъ ко святому здравъ, вѣрова во Христа и съ матерію своею крестися. Въ томъ же градѣ бысть нарочитый храмъ идола Діонисія, его же идолопоклонницы нарицаху свободнымъ отцомъ, въ его праздникъ собирающеся тамо мужи и жены съ брашнымъ и питіемъ, ликоваху и упившеся беззаконіе веліе творяху въ честь скверному Богу своему. Тамо Іоаннъ во время праздника ихъ пришедъ, обличаше о таковомъ скверномъ ихъ празднованіи: жрецы же, ихъ же тамо множество бѣ, емше его бити и извлекши внѣ, повергоша связана, сами же паки къ скверному дѣлу обратишася. Святый же Іоаннъ помолися Богу, да не потерпитъ имъ такого беззаконія: и абіе капище отъ основанія падеся и вся жрецы поби, прочіе же людіе трепетни молиша святаго, да не и оныхъ погубитъ съ прочими». Въ эскизѣ, который я вамъ посылаю, хотѣлъ я изобразить вакханалій. Вдали люди, занятые убираніемъ винограда и выжиманіемъ изъ него сока; другіе же пляшутъ вокругъ Пріапа. Потомъ веселая полупьяная толпа наряженыхъ сатирами и фавнами и проч. стремится при звукѣ тамбуриновъ, трубъ и флейтъ въ храмъ Вакха съ дарами, коими обставляютъ подножіе идола, передъ которымъ совершается жертвоприношеніе. Посреди картины Іоаннъ Богословъ; направо за нимъ ученикъ его Прохоръ съ Евангеліемъ въ рукахъ; налѣво на колѣняхъ женщина съ сыномъ своимъ, вновь принявшимъ вѣру христіанскую. Святой жестомъ, одной рукой останавливаетъ все шествіе. Молодые кинефоры, бросающіе цвѣты и дары, поэтъ, углубившійся въ размышленія, актеры съ масками на головахъ и молодой человѣкъ, бросающій кувшинъ съ виномъ и попирающій ногами маску свою. Всѣ эти лица болѣе или менѣе уже

почувствовали дѣйствіе божественной рѣчи святаго, который въ то же время съ жаромъ увѣщеваетъ жреца, грозно спорящаго съ нимъ о молодой невѣстѣ, павшей на колѣни передъ святымъ, совершенно увлеченной его рѣчью. Одной рукой срываетъ она съ головы вѣнокъ, другой же отталкиваетъ отъ себя жениха своего, умоляющаго ее послѣдовать за нимъ въ храмъ, чтобы вмѣстѣ принесть дары идолу. (Обрядъ, который совершался обыкновенно во время вакханалій и незадолго до бракосочетанія молодыхъ, которые при этомъ случаѣ произносили нѣкотораго рода обѣты). Налѣво отъ этой группы, на ступеняхъ храма, молодой фригіецъ расположился пировать, но, пораженный внезапно словами божественнаго старца, вырывается онъ изъ объятій вакханокъ и отталкиваетъ отъ себя полную чашу вина, подносимую ему одною изъ нихъ; выше—озлобленные жрецы прерываютъ жертвоприношеніе и съ ножемъ и веревками готовы устремиться на святаго; между ними и вакханки съ змѣями въ рукахъ.—Изъ прорисей, которыя я вамъ посылаю, эскизъ, означенный № 1, есть первая моя мысль, обработанная и развитая съ нѣкоторыми измѣненіями въ № 2, на которомъ пока лишь думаю основаться, съ перемѣною однако жъ группы молодаго человѣка въ фригійской шапкѣ съ вакханками такъ, какъ показано въ № 3. Теперь, почтенный мой наставникъ и благодѣтель, прошу васъ покорнѣйше обратить вниманіе ваше на слабый мой трудъ и почтить его хоть нѣсколькими строчками, въ коихъ потрудитесь сообщить мнѣ ваши замѣчанія и не щадя меня высказать мнѣ ваше мнѣніе, я же, съ своей стороны, могу васъ увѣрить, что каждый изъ вашихъ совѣтовъ будетъ принятъ съ величайшей благодарностью и исполненъ съ благоговѣніемъ. Вы меня крайне обяжете, если также возьмете на себя трудъ рѣшить важный и чрезвычайно трудный для меня вопросъ, въ ростъ или полроста производить мнѣ эту картину, вопросъ, который приводитъ меня въ крайнее затрудненіе. Въ пользу того и другаго много можно бы сказать. Нѣтъ однако жъ сомнѣнія, что картина въ естественную величину имѣетъ свои неотъемлемыя преимущества; но въ этомъ случаѣ пугаютъ меня собственная моя медленность и огромныя трудности, которыя встрѣчу я въ работѣ, столь много превышающей мои силы. Еще одна просьба: сдѣлайте одолженіе, не показывайте никому моихъ эскизовъ; они слишкомъ гадко нарисованы; если бы я не былъ увѣренъ въ вашемъ снисхожденіи, я бы не осмѣлился послать вамъ эти прориси, которыя частью даже не мною сдѣланы. Когда онѣ вамъ не будутъ болѣе нужны, то возвратите ихъ, пожалуйста, моимъ родителямъ. Прощайте, почтеннѣйшій Карлъ Павловичъ! Дай Богъ вамъ здоровья и всѣхъ благъ земныхъ. Будьте веселы и дѣятельны, и не забывайте отвѣтомъ преданнаго вамъ всею душою благодарнаго ученика вашего Ѳ. Моллера.

145.

Графъ В. А. Мусинъ-Пушкинъ [1] — К. П. Брюллову.

19-го сентября 1843. С.Петербургъ.

Любезный Карлъ Павловичъ! Я съ удовольствіемъ узналъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, что здоровье ваше поправилось. Ежели посѣщеніе стараго знакомаго, васъ весьма любящаго, можетъ быть для васъ пріятно, напишите строчку, или скажите черезъ подателя: «да», и онъ явится васъ обнять. Вамъ преданный гр. В. Мусинъ-Пушкинъ.

146.

Графъ В. А. Мусинъ-Пушкинъ—К. П. Брюллову.

11-го октября 1843 г.

Любезный Карлъ Павловичъ! Въ послѣдній разъ я вамъ прислалъ «Святую фамилію» Тиціана; не знаю, какъ она вамъ понравилась; сегодня посылаю Доменикина,—картина также не дурна, хотя она, кажется, не совершенно кончена. Я такъ былъ занять всѣ эти дни, что не могъ заѣхать къ вамъ. Какъ вы себя чувствуете? Вчера давали въ оперѣ «Пуритане» [2] и отлично, пѣли безподобно. До свиданія! Я надняхъ васъ непремѣнно увижу. Искренно васъ любящій гр. В. Мусинъ-Пушкинъ.

147.

Князь М. А. Оболенскій [3]—К. П. Брюллову.

8-го декабря 1846 г. Москва.

Милостивый государь Карлъ Павловичъ! Знакомый вамъ Филиппъ Осиповичъ Будкинъ [4]) порадовалъ меня извѣстіемъ, что портретъ мой вами уже совершенно оконченъ. Не могу скрыть пламеннаго желанія видѣть какъ можно скорѣе ваше произведеніе, двойникъ столько же

---

[1]) Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ (1798†1854),—въ то время чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ.

[2]) «I puritani», опера Беллини.

[3]) Князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій (1805†1873),—археологъ, директоръ Архива иностран. коллегіи.

[4]) См. о немъ прим. къ письму № 87.

мой, сколько и вашъ, мой—потому, что вы такъ мастерски изобразили меня, окруженнаго всѣми предметами любимой мною древности; вашъ—отъ того, что въ немъ выразился въ полномъ блескѣ геніальный талантъ художника совершенно въ новомъ родѣ. Это произведеніе будетъ истиннымъ подаркомъ не только для меня и моего семейства, но и для всѣхъ москвичей, любителей искусства и русскихъ древностей, такъ же, какъ «Послѣдній день Помпеи»—верхъ искусства и вмѣстѣ торжества изученія классическихъ римскихъ древностей, а «Взятіе Пскова» будетъ образцовымъ воспроизведеніемъ жизни древней Руси. Оправдайте наше ожиданіе, вышлите поскорѣе портретъ. Сколько было бы радости, если бъ поспѣлъ онъ, если не къ Рождеству, то хотя къ Новому году.—Въ ожиданіи этого пріятнаго подарка, остаюсь душевно преданный вамъ кн. Михаилъ Оболенскій.

148.

В. А. Оленина [1])—К. П. Брюллову.

(1834 г.)

Получила я ваше приглашеніе через Антонину Блудову [2]), почтеннѣйшій и любезнѣйшій Карлъ Павловичъ! получила его въ Царскомъ, гдѣ чуть-чуть не отправилась въ Елисейскія поля, но на счастье моей бѣдной дѣвочки и на горе другимъ, еще на время осталась между вами, которыхъ люблю душевно и признаюсь вамъ, что нисколько не сожалѣю, что развязка моей пьесы была выздоровленіе. Ежеминутныя имѣю доказательства, что Богъ меня не оставляетъ: Имъ Однимъ живу, Однимъ Имъ дышу.—Напрасно пеняете вы мнѣ, что я къ вамъ не ѣзжу, потому что вѣрно изъ насъ я все-таки лучше васъ. Сколько разъ была я у васъ, а вы у меня ни разу; я же, несмотря на мои занятія, имѣла время поѣхать къ любезнѣйшему Карлу Павловичу. Но если я васъ не вижу, то по крайней мѣрѣ читаю о васъ и посылаю вамъ копію стиховъ, которые вѣрно напомнятъ вамъ пріятнѣйшія минуты вашей жизни.

1.

Spirito siblime, ad inusata via
Ergesti il volo: in te pittura estesse

---

[1]) Варвара Алексѣевна Оленина (1802†1877),—старшая дочь А. Н. Оленина, была замужемъ за Г. Н. Оленинымъ. (См. письмо № 67).

[2]) Графиня Антонина Дмитріевна Блудова (род. въ 1812 г., ум. въ 1891 г.), камеръ-фрейлина, благотворительница. (См. о ней «Крит.-біограф. словарь» С. А. Венгерова, т. III, стр. 404—407.

L'antica posse, e fece in te palese
Che le angustie dell'arte il genio obblia.
É veritade, è storia, è fantasia
Quello che il tuo pennel magico rese!..
Come il balen, come il vulcansaccese,
A tal che d'ambo il vario lume dia?
Tema, pietade, amor, rabbia e spavento
Sui volti hai pinto, e tanti affetti uniti
In me destasti a togliermi l'accento.
Ed Italo non sei? E strani liti
Hanno prodotto in te si gran portento?
É ver, ma Italia a tua maestra additi.

2.

Excidii praesaga feri transcurrere coelum
Fulmina; sub pedibus terram subitoque moveri,
Undantem et late Vesevum effervere in agros,
Quassari atque ipsam, video, considere et urbem.
Ecce ruit praeceps, comitumque oblita suorum,
Turba, per insolitos discurrit devia calles!
Diffugit ecce senes, juvenis, divumque sacerdos,
Sponsa, maritus, equi, mixti cum milite, currus!
Tale magisterium, tanta vis insita rebus,
Ut quicumque oculus valet dignoscere verum,
In tabula, Brulloffe, tua nihil amplius optet;
Tempus et ad Mortem, quae secum immota superstat
Pompejanae urbis tumulo, iam destruo, clamat:
„Falce ego nequidquam, frustra tu falce trucidas!" [1]).

Уфъ, какъ устала! Затѣмъ прощайте. Будьте здоровы и счастливы. Христосъ воскресе! Хоть бы вы мнѣ строчку написали, какъ-то: «Благодарю васъ, помню васъ, а все-таки... къ вамъ не поѣду. К. Брюлловъ». Вотъ и письмо. Преданная вамъ Варвара Оленина.

149.

А. Н. Оленинъ [2])—К. П. Брюллову.

14-го мая 1840 г.

Чѣмъ мнѣ возблагодарить любезнаго и досужаго Карла Павловича Брюллова (истинно, можно сказать, знаменитаго живописца нашего

[1]) Первое стихотвореніе—сонетъ „Sull'ammirabile quadro: La caduta di Pompeja"—принадлежитъ перу Cesare di Castelbarco; второе — писано монахомъ Joannes Baptista Rosani. Оба эти стихотворенія были перепечатаны изъ итальянскихъ газетъ въ 1834 г. въ „Библіотекѣ для Чтенія" (т. I, отд. III стр. 137—138).

[2]) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. (См. о немъ прим. къ письму № 15).

времени) за показаніе мнѣ геніальнаго его рисунка, незабвенной «Осады Пскова»! Спасибо, нѣсколько разъ сряду! Чѣмъ же я его возблагодарю?—Ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что можетъ, хотя мало толико, способствовать къ вѣрнѣйшему изображенію сего важнаго для нашей исторіи событія!—Итакъ, кланяюсь Карлу Павловичу прилагаемыми при семъ тремя прорисями, изображающими:—№ 1-й въѣздъ Маринки въ Москву 1606 года. Сіи картины (оригинальныя) находятся въ городѣ Коневѣ, принадлежавшемъ нѣкогда фамиліи Мнишекъ. Екатерина Великая, проѣзжая черезъ этотъ городъ въ Тавриду, приказала съ нихъ списать копіи, увидѣвши ихъ въ костелѣ.—По доставленіи ихъ сюда, она велѣла ихъ спрятать въ кладовыхъ Эрмитажа.—Я приказалъ съ нихъ сдѣлать копію tale quale, однимъ словомъ, faximile въ уменьшенномъ видѣ.—Карлъ Павловичъ, въ семъ № 1-мъ увидите военный костюмъ венгерцевъ тогдашняго времени, съ миссюркой или прилбицею, т. е. шишакѣ съ желѣзною кольчугою, какъ нынѣшніе черкесы.—Полякъ въ латахъ европейскихъ и съ чубомъ на бритой головѣ.— Налеты, или конница, съ серебряными крыльями и военачальникъ верхомъ въ шлемѣ и латахъ.—№ 2, заимствованъ изъ огромнаго плана, гравированнаго въ 1636 году и поднесеннаго королю польскому Владиславу.—Сей планъ изображаетъ осаду и взятіе Смоленска въ 1609 году. Между разныхъ фигуръ, украшающихъ сей планъ, представлены налеты въ большомъ видѣ, въ шишакахъ европейскихъ, въ кольчугахъ и наручняхъ, или локотникахъ, съ булавою.—Наконецъ въ № 3-мъ изображенъ польскій латникъ, котораго военная сбруя XVII-го вѣка принадлежала покойному живописцу Орловскому [1]). Вотъ, любезный Карлъ Павловичъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!—Какое было бы мое восхищеніе, если бъ эта малая капля могла привести въ волненіе неизмѣримое море живописныхъ вымысловъ знаменитаго нашего живописца; еслибъ она могла (несмотря ни на какія обстоятельства, препятствія и затрудненія) довершить полуготовую его картину, ибо рисунокъ его я принимаю за полуготовое дѣло! Знаменитый художникъ не живетъ и не трудится единственно для своего времени, но для будущихъ вѣковъ. Аминь. А. О.

---

[1]) Александръ Осиповичъ Орловскій (1777†1832),—художникъ батальной и жанровой живописи.

150.

П. А. Оленинъ [1])—К. П. Брюллову.

1-го декабря 1848 г. с. Машукъ Тверск. губ.

Не могу вамъ описать всего моего огорченія при извѣстіи о постигшей васъ тяжкой болѣзни вашей. Въ то же время я хотѣлъ вамъ писать, дорогой Карлъ Павловичъ, но дошедшіе до меня слухи, что вы будто уѣхали въ страны, болѣе благословенныя климатомъ своимъ, лишили меня удовольствія переписаться съ вами и изъяснить вамъ все принимаемое мной участіе въ вашемъ положеніи. Главный виновникъ моего молчанія—И. П. Вольскій [2]), котораго я просилъ, во время его проѣзда черезъ наши края, извѣстить меня о положеніи вашемъ; но онъ съигралъ со мной въ молчанку; видно, не люба ему живопись чернилами. Братъ жены моей, прибывшій изъ Петербурга, сказалъ мнѣ такую вѣсть, отъ которой я пришелъ въ восхищеніе, что будто бы вы хотите пріѣхать ко мнѣ,—я и жена моя умоляемъ васъ исполнить благое намѣреніе ваше. Клянусь вамъ громами пана Юпитера, что я васъ согрѣю моею дружбою лучше всякаго горячаго климата; теплота души моей еще довольно сильна, чтобы согрѣть человѣка, давно, давно любимаго. Вы, Карлъ Павловичъ, — слава моей отчизны. Итакъ... направляйте путь свой въ губернію Тверскую, гдѣ ожидаетъ васъ, въ смиренной обители своей Машука, человѣкъ, давно привыкнувшій васъ любить. Увѣряю васъ, что вы пріѣздомъ своимъ осчастливите мое смиренное убѣжище, и родственное и дружеское чувство васъ ожидаетъ на брегахъ Тверцы. Ежели вамъ тяжело будетъ отвѣчать мнѣ, найдите какого-либо scrivano publico и продиктуйте ему нѣсколько строкъ къ любящему васъ, преданному—Петру Оленину.

151.

В. Д. Олсуфьевъ [3])—К. П. Брюллову.

21-го іюля 1846 г. Петергофъ.

Милостивый государь Карлъ Павловичъ! Государь наслѣдникъ желаетъ подарить государынѣ цесаревнѣ для альбома ея император-

[1]) Петръ Алексѣевичъ Оленинъ (1795†1852),—инженеръ-полковникъ, почетный членъ Академіи художествъ, портретистъ.

[2]) Иванъ Петровичъ Вольскій (1817†1868),—академикъ Академіи художествъ, археологич. рисовальщикъ.

[3]) Василій Дмитріевичъ (впослѣдствіи графъ) Олсуфьевъ (1796†1858),—оберъ-гофмейстеръ.

скаго высочества ко дню ея рожденія (27-го іюля) акварельный рисунокъ, почему я имѣю честь обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою, буде у васъ имѣются готовыя произведенія вашего геніальнаго искусства, таковыя мнѣ доставить съ подателемъ сего письма для представленія государю цесаревичу.—Вы симъ премного обяжете имѣющаго честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. В. Олсуфьевъ.

152.

Графъ В. А. Перовскій [1])—А. П. Брюллову.

(Начало 1825 г. Римъ).

Любезный Александръ!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Вотъ тебѣ письмо. Я тебѣ писать обѣщался, но не думалъ, что буду писать такъ скоро, и вотъ что подало мнѣ поводъ ускорить это намѣреніе.

На другой день по прибытіи моемъ въ Римъ, получилъ братъ твой Карлучіо (т. е. Карлъ Павловичъ) два предписанія изъ Общества (поощренія художниковъ); одно, на твое имя—прилагаю здѣсь въ подлинникѣ; другое, адресованное на имя брата—въ копіи. Такъ какъ Карлучіо сверхъ своей природной ненависти къ письму имѣетъ теперь еще и занятія, то и невѣроятно, чтобы скоро собрался писать тебѣ, а потому и рѣшился я предупредить его, присовокупляя нѣсколько отеческо-дружескихъ совѣтовъ, которымъ ты послѣдуешь, если захочешь.

Общество (поощренія художниковъ) требуетъ отъ тебя: во-первыхъ, проекты большаго для столицы театра; это—какъ самъ знаешь—дѣло небездѣльное; Общество требуетъ проектъ сей къ будущему январю, и мнѣ кажется, что это дѣло н е в о з м о ж н о е; я думаю, что на сей пунктъ предписанія ты долженъ отвѣчать въ слѣдующемъ смыслѣ: напиши, что ты займешься немедля сею задачею, будешь стараться разрѣшить ее самымъ удовлетворительнымъ образомъ, но что, къ сожалѣнію твоему, ты не видѣлъ еще театровъ миланскихъ, парижскихъ и проч.; что единый способъ достигнуть требуемаго совершенства въ подобныхъ зданіяхъ есть—сравнивать удобства и недостатки, выгоды и невыгоды уже существующихъ, дабы избѣгнуть ихъ въ предпринимаемомъ; что предписаніе Общества, посланное 31-го января, получилъ ты только 15-го (27-го) апрѣля, Общество же требуетъ проекты къ буду-

---

[1]) См. о немъ примѣч. къ письму № 29.

щему январю, слѣдовательно, остается тебѣ только шесть мѣсяцевъ на все производство сей работы, а потому и надѣешься, что если замедлишь оною, замедленіе твое будетъ приписано ничему другому, какъ только желанію и старанію исполнить достойнымъ образомъ данное тебѣ порученіе; во-вторыхъ, Общество думаетъ, что ты уже въ Римѣ, и ждетъ отчета о твоемъ времени и намѣреніяхъ; въ-третьихъ, касательно свѣдѣнія, требуемаго Обществомъ въ разсужденіи позолоченныхъ стеколъ, употребляемыхъ въ древней мозаикѣ, скажи: «во время бытности моей въ Римѣ, имѣлъ я случай о таковыхъ стеклахъ говорить съ людьми свѣдущими: искусство наводить стекло сверхъ позолоты нынѣ совершенно потеряно; въ среднихъ вѣкахъ оно еще было извѣстно, тогда внутренность и даже фронтоны многихъ церквей украшались подобными стеклами; для внутренняго купола собора св. Петра, на коемъ изображены изъ мозаики святые, по золотому полю, употреблены стекла изъ другихъ церквей, уже уничтоженныхъ. Впрочемъ, по возвращеніи моемъ въ Римъ, постараюсь собрать по сему предмету возможныя свѣдѣнія и не премину доставить ихъ почтенному Обществу»... Вотъ, любезный Александръ, мои совѣты. Я увѣряю тебя, что меня обрадовало крайне видѣть, что Общество имѣетъ о тебѣ и о братѣ истинное понятіе и отдаетъ вамъ должную справедливость. Брату, какъ видишь, продолженъ срокъ заграничной жизни неопредѣленно; нѣтъ сомнѣнія, что то же сдѣлаютъ и для тебя: займись теперь театромъ, банями, но прежде всего видомъ храма въ Сициліи: какъ бы онъ ни былъ незначущъ, но принесетъ удовольствіе,—я тебѣ за это порукой. У брата видѣлъ я прекрасную недоконченную картину для Львова: «Эрминія, приходящая къ пастухамъ» [1]); двѣ картинки (маленькія) для Нессельродши—восхитительны! Словомъ, и ты и онъ такіе ребята, что мнѣ жаль, что я не отецъ вашъ или, по крайней мѣрѣ, не Общество. На-дняхъ начнетъ Карлъ «Аѳинскую школу». (С. Ѳ.) Щедринъ мнѣ сдѣлалъ два вида: «Тибръ» и «Альбанское озеро», и тотъ и другое—совершенство! (К. А.) Тонъ кончилъ реставрацію храма Фортуны, теперь остается ему только въ него войти. Моллеръ лежитъ больной: у него рожа на рожѣ...

P. S. Поздно узналъ я, что братъ твой передъ симъ получилъ другое на твое имя предписаніе, которыя при семъ прилагаю [2]); отвѣчай на оба вмѣстѣ. В. Перовскій.

---

[1]) „Эрминія у пастуховъ".

[2]) При письмѣ приложена лишь копія отношенія Общества къ К. П Брюллову отъ 31-го января 1825 г. (см. № 50).

153.

Графъ В. А. Перовскій—А. П. Брюллову.

(1825 г. С.-Петербургъ).

Любезный Александръ! Я получилъ холодное и почти грозное письмо твое. Ты на меня гнѣваешься, какъ смѣлъ подозрѣвать тебя въ лѣни, какъ смѣлъ сомнѣваться въ твоей дѣятельности. Оправданіе мое—въ твоихъ дѣяніяхъ и въ неисполненіи твоихъ обѣщаній: ты долженъ былъ прислать мнѣ въ Вѣну рисунки для Общества, и рисунковъ этихъ я до сихъ поръ не получалъ, не знаю даже, сдѣлалъ ли ты ихъ. Я знаю, что тебѣ было много работы, но всѣ твои работы расходятся по рукамъ, а сюда доходитъ ихъ очень мало. Желая тебѣ добра, желаю также здѣсь установить о тебѣ мнѣніе, которое самъ имѣю насчетъ васъ обоихъ, а въ этомъ ты мнѣ долженъ помогать присылкою, хоть изрѣдка, твоего рукодѣлья. Мой портретъ соррентскій, въ соломенной шляпѣ, попалъ на выставку Общества и заслужилъ одобреніе всѣхъ, а онъ—не лучшее твое произведеніе; посему можешь заключить, что тебѣ будетъ не трудно возбудить здѣсь общее восхищенье твоимъ истинно прекраснымъ талантомъ. (П. А.) Кикина я еще не видалъ: его въ Петербургѣ нѣтъ и неизвѣстно мнѣ, кто заступитъ его мѣсто; объ этомъ увѣдомлю тебя въ свое время. Когда будешь писать въ Римъ, то напиши, пожалуйста, (С. Ѳ.) Щедрину, что, къ крайнему моему огорченію, при развертываніи уложенныхъ имъ картинъ, нашелъ я виды Тибра совершенно испорченными; бумага въ иныхъ мѣстахъ такъ крѣпко прилипла къ краскамъ, что на краскахъ подѣлались морщины, которыхъ исправить нельзя, тѣмъ болѣе, что не хочу картину, написанную съ натуры, отдать поправлять живописцу, который, можетъ быть, ни Тибра, ни Рима никогда не видывалъ.

. . . Ежели бы мнѣ не совѣстно было мучить тебя, то попросилъ бы тебя продолжать рисовать въ мою пользу все то, что мы вмѣстѣ видѣли въ Сициліи [1]), и прибавить къ тому нѣсколько костюмовъ неапольскихъ и римскихъ. То, что у меня есть твоей работы, видѣлъ государь [2]), великіе князья и пр. и пр., и всѣ хвалили. Прибавлю одно, что не потерплю, чтобы ты для меня работалъ дешевле, чѣмъ другимъ. Прощай! Цѣлую тебя и люблю по прежнему, т. е. очень. В. Перовскій.

---

[1]) См. письмо № 29.

[2]) В. А. Перовскій былъ въ то время флигель-адъютантомъ.

154.

Графъ В. А. Перовскій—А. П. Брюллову.

6-го октября 1836 г. Оренбургъ.

Любезнѣйшій Александръ! Вспомни старую дружбу нашу и займись пожалуйста безъ отлагательства составленіемъ проекта по прилагаемой программѣ. Я затѣялъ строить здѣсь [2]) караванъ-сарай; это дѣло меня весьма интересуетъ. Хочется начать съ наступленіемъ весны; ради Бога, не мѣшкай. Я увѣренъ твердо въ твоемъ знаніи и вкусѣ, но крѣпко сомнѣваюсь въ прилежаніи: ты мнѣ обѣщалъ много, да сдержалъ мало. Не въ поощреніе тебѣ, а просто къ свѣдѣнію, скажу тебѣ, что постройка караванъ-сарая есть затѣя не моя частная, а казенная, а потому труды по составленію смѣты, перечерченію плановъ и проч. будутъ вознаграждены по-надлежащему. Задача довольно трудная, быть можетъ, по ограниченности мѣста, но если бы сажени слишкомъ стѣснили твое зодческое воображенье, то дѣлай какъ знаешь, а я постараюсь пріискать мѣсто по твоему плану. Обнимаю тебя.

Можешь ли ты приготовить дѣло въ шесть недѣль послѣ полученія этого письма? Ты бы меня обязалъ чрезвычайно. Душевно тебѣ преданный Василій Перовскій.

155.

Графъ В. А. Перовскій—А. П. Брюллову.

3-го ноября 1836 г. Оренбургъ.

Шеміотъ [3]) передалъ тебѣ мое письмо, просьбу и программу на построеніе въ Оренбургѣ башкирской войсковой канцеляріи и проч. Съ тѣхъ поръ я вздумалъ, что было бы безсовѣстно стѣснять твой талантъ въ подобномъ предпріятіи, назначая ему число саженъ, на которыхъ онъ имѣетъ право развернуться. Я рѣшилъ этотъ домъ строить за городомъ; мѣста—сколько душѣ твоей угодно; одного только не теряй изъ виду: мечеть должна быть по означенному на планѣ направленію. Матеріалы

---

[1]) Т. е. въ Оренбургѣ. В. А. Перовскій съ 1833 г. былъ назначенъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. (См. о немъ статью П. Л. Юдина: „Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ“ въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., кн. V и VI).

[2]) Станиславъ Викентьевичъ Шеміотъ († 1866 г.),—въ то время начальникъ 2-го отдѣла канцеляріи министра финансовъ.

здѣсь дешевы, но чрезвычайно дороги рабочіе и особенно мастера; въ этомъ отношеніи прошу тебя соблюсти возможную экономію. Еслибъ ты потрудился дѣло устроить такъ, чтобы въ бытность мою въ Петербургѣ могъ я представить планъ государю въ началѣ января, то я бы тебя отъ всей души поцѣловалъ точно такъ, какъ теперь обнимаю. В. Перовскій.

156.

Н. А. Рамазановъ [1])—К. П. Брюллову.

10-го января 1852 г. Москва.

Узнавъ отъ И. И. Великанова [2]) ваше желаніе, Карлъ Павловичъ, получать вѣсти отъ прежде близкихъ къ вамъ, я пользуюсь случаемъ и прошу Козьму Терентьевича Солдатенкова [3]) передать вамъ эту цидулку. Много вы насъ журили, какъ тунеядцевъ, но вотъ наступила и пора дѣятельности настоящей, художнической. (К. А.) Тонъ отдалъ всѣ скульптурныя рыботы по храму Спаса [4]) Логановскому [5]), крича, что это единственный скульпторъ въ мірѣ. Я было повѣсилъ носъ, но вспомнивъ ваши слова ко мнѣ: «не думай, чтобы, работая по заказамъ Тона, ты могъ сдѣлаться художникомъ», я одушевился и одушевился не ракетнымъ образомъ, но потребностью создать что-нибудь хорошее и приступилъ къ статуѣ Татьяны изъ «Онѣгина» Пушкина. Благословите хоть одной изъ вашихъ кистей!—Не проходитъ дня, чтобъ мы не вспоминали васъ! Сколько бы вамъ разсказать слѣдовало, а еще болѣе отъ васъ выслушать! Но мы раздѣлены такимъ пространствомъ, что невольно... выпьешь третій стаканъ пуншу. У насъ холодно, и печь едва-ли не замѣняетъ солнце Аполлона. Правда, что въ Троицкомъ трактирѣ подаютъ удивительныя русскія блюда, однако почти атласный поросенокъ не можетъ замѣнить, даже вмѣстѣ со сметаной, ни одной статуи въ Ватиканѣ... У меня отъ московской жизни начало было пучить брюхо такъ, что оно мѣшало къ станку подойти, но теперь, слава Богу, похудѣлъ настолько, чтобы работать здраво и отъ души пожелать вамъ спокойствія души и здоровыхъ силъ. Вашъ Рамазановъ.

---

[1]) Николай Александровичъ Рамазановъ (1815†1867),– профессоръ ваянія въ Москвѣ, писатель, оставившій нѣсколько воспоминаній о К. П. Брюлловѣ (см. выше).

[2]) Иванъ Ильичъ Великановъ (ум. въ 1874 г.),—коммерціи совѣтникъ; поставщикъ итальянскаго мрамора.

[3]) Владѣлецъ извѣстной художественной галлереи въ Москвѣ.

[4]) Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

[5]) Александръ Васильевичъ Логановскій (1810†1855),—въ то время профессоръ скульптуры.

157.

Графиня Е. П. Ростопчина [1])—К. П. Брюллову.

Давно уже страхъ быть докучливою борется во мнѣ съ неодолимымъ желаніемъ придти поклониться новому диву, совершающемуся подъ вашею кистію, почтенный Карлъ Павловичъ! И наконецъ по женскому обычаю любопытство превозмогаетъ, и я покорнѣйше прошу васъ о дозволеніи постучаться у вдохновеннаго пріюта, гдѣ вы мыслите, творите и оживляете столь много прекраснаго и чуднаго. Мы васъ не задержимъ, не затруднимъ; дайте только взглянуть на «Осаду Пскова», подышать всѣмъ высокимъ, всѣмъ изящнымъ, васъ окружающимъ,—и мы съ благодарностію и вѣчнымъ воспоминаніемъ скажемъ вамъ задушевное спасибо за нѣсколько минутъ, у васъ проведенныхъ. Просящіе—все люди, которыхъ чувство и воображеніе сродни вашему таланту: Екатерина Андреевна Карамзина [2]) съ семействомъ и я съ моимъ мужемъ [3]); къ тому же наша общая очаровательница Полина Віардо [4]) поручила и завѣщала мнѣ посмотрѣть на ея портретъ, вами писанный. Съ живѣйшимъ желаніемъ получить отъ васъ отрадное слово, я остаюсь при моемъ искреннемъ восторженномъ удивленіи къ вамъ, ваша почитательница графиня Евдокія Ростопчина.

158.

О. И. Сенковскій [5])—А. П. Брюллову.

(1829 г.).

Любезный Александръ Павловичъ! Не хочешь ли, чтобы я написалъ статейку о Зимнемъ дворцѣ и о твоихъ подвигахъ? [6]) Разумѣется, ты долженъ спросить объ этомъ у царя черезъ (кн. П. М.) Волконскаго.

---

[1]) Графиня Евдокія Петровна Ростопчина (урожд. Сушкова),—писательница (1811†1858).

[2]) Екатерина Андреевна Карамзина (урожд. княгиня Вяземская)—вторая супруга исторіографа (род. въ 1780 г., ум. въ 1851 г.).

[3]) Графъ Андрей Өедоровичъ Ростопчинъ.

[4]) Паулина Віардо-Гарсіа—извѣстная артистка.

[5]) Осипъ Ивановичъ Сенковскій (1800†1858),—извѣстный писатель. Сестра жены его—Александра Александровна (урожд. баронесса Ралль) была замужемъ за А. П. Брюлловымъ.

[6]) А. П. Брюлловъ былъ въ то время занятъ работой по возобновленію жилаго помѣщенія Зимняго дворца послѣ пожара 1837 года.

Или еще лучше такъ: напишемъ статью, и ты представишь ее царю черезъ Волконскаго; одобритъ—хорошо, не одобритъ—тоже хорошо; но я думаю, что одобритъ, когда мы напишемъ ее умно да ловко. Дѣло вѣдь стоитъ того, чтобы вся святая Русь знала, какъ великій зодчій работалъ и что сработалъ. Б(иблiотека для) Ч(тенiя) выйдетъ на будущей недѣлѣ и то, что въ ней сказано, разойдется во всѣ концы Россіи.

Сенковскій.

159.

Графъ С. С. Уваровъ [1])—А. П. Брюллову.

23-го декабря 1852 г. Москва.

Съ удовольствіемъ узналъ я, любезный Александръ Павловичъ, что вы благополучно и возобновленно возвратились восвояси. Извѣщаю васъ. что мраморныя и бронзовыя работы къ памятнику Жуковскаго производятся здѣсь неотлагательно и будутъ окончены къ будущей веснѣ, Вслѣдствіе сего, надѣясь, что вы не забыли объ обязанностяхъ, возложенныхъ на васъ званіемъ Порѣцкаго архитектора, я буду имѣть удовольствіе принять васъ съ супругою въ любимомъ моемъ Тускулумѣ, гдѣ мнѣ столь пріятно будетъ поговорить о Римѣ. Мое здоровье, хотя не цвѣтущее, сроднилось съ московскимъ воздухомъ болѣе, нежели съ петербургскимъ. Вы на сей разъ найдете въ Порѣчьи значительное умноженіе художественныхъ произведеній, преимущественно скульптуры. Все это даетъ мнѣ надежду, что вы проведете нѣсколько пріятныхъ часовъ въ моемъ уединеніи, вами любимомъ. Итакъ, увѣряясь, что вы не забыли объ обѣщаніи посѣтить меня на берегахъ Москвы, возобновляю вамъ увѣреніе въ радушномъ пріемѣ, который васъ встрѣтитъ. Весь вашъ графъ Уваровъ.

160.

Графиня О. П. Ферзенъ [1])—К. П. Брюллову.

22-го марта 1835 г. Неаполь.

Любезнѣйшій Карлъ Павловичъ! Мы надѣемся, и вѣрно не тщетно, что вы пріѣдете съ нами проститься, имѣя намѣреніе предпринять столь долгое путешествіе. Пріѣздомъ вашимъ докажете мнѣ, что мои просьбы

---

[1]) Графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (1786†1855)—министръ народнаго просвѣщенія.

[2]) Графиня Ольга Павловна Ферзенъ (урожд. Строганова),—жена графа П. К. Ферзена (ум. 1837 г.).

всемогущи надъ вами, въ чемъ вы меня столь пріятно увѣряли. Вы не можете себѣ представить, какъ мы желаемъ вашего присутствія: самъ Неаполь намъ покажется свѣтлѣе. Все у насъ въ домѣ готово васъ принять; пріѣзжайте отдохнуть и насъ обрадовать. Мы не проѣзжаемъ больше черезъ Римъ и, такимъ образомъ, будемъ лишены удовольствія васъ видѣть, такъ какъ вы направляете вашъ путь на востокъ, а мы на сѣверъ. Мы ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ и надѣемся, что вы согласитесь посвятить три или четыре дня вашимъ старымъ пріятелямъ.

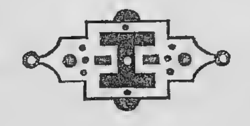
Графиня Ольга Ферзенъ.

161.

Я. Ѳ. Яненко [1])—К. П. Брюллову.

29-го января 1828 г. Римъ.

Stimatissimo signore Alessandro! При сей вѣрной окказіи, смѣю и я засвидѣтельствовать вамъ свое глубочайшее почтеніе. Я надѣюсь, что вы не забыли еще бывшаго вашего товарища Яненко. Я отъ береговъ знаменитой рѣки Лены, протекающей по восточной части Сибири, близъ границъ Далай-Ламы, пріѣхалъ къ водамъ Тибра, чтобы видѣть остатки древней столицы міра. Думаю пробыть съ годъ въ Италіи, проѣхать Францію, побывать въ Англіи и послѣ двухлѣтняго отсутствія изъ Петербурга возвратиться въ объятія своего семейства. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Яненко.

---

[1]) См. о немъ письмо № 139.

ВОЗЗВАНІЕ

ОТЦЫ И БРАТІЯ, БЛАГОДѢТЕЛИ И РЕВНИТЕЛИ ВѢРЫ ХРИСТОВОЙ!

Во имя Господа Іисуса Христа Спасителя нашего, заповѣдавшаго намъ творить добро бѣднымъ и несчастнымъ, мы обращаемся къ Вашему усердію, къ Вашему доброму расположенію—помогите намъ Вашею христіанскою любовію—исполнить доброе дѣло.

По благословенію и указанію извѣстнаго старца Оптиной пустыни отца Амвросія, освящена была, усерднымъ его почитателемъ Преосвященнымъ Веніаминомъ, 8 Сентября 1889 года, домовая церковь въ Общинѣ Бирюченскаго уѣзда Воронежской губерніи. Основательница этой обители—нынѣшняя настоятельница ея,—монахиня Валентина, бывшая Вѣра Николаевна Шидловская, рожденная Шабельская, затратила на устройство общежитія болѣе ста тысячъ рублей, при чемъ домашняя церковь во имя Святителя Николая устроена временно въ бывшемъ жиломъ домѣ, который и малъ, и ветхъ, и требуетъ замѣны новымъ, такъ какъ обитель крайне нуждается въ сооруженіи болѣе обширнаго храма. 160 сестеръ и богомольцы въ дни праздничные не могутъ помѣститься въ теперешней домовой церкви. Починъ пожертвованія для сего сдѣланъ отцемъ Іоанномъ Сергіевымъ-Кронштадскимъ. Обитель эта названа Николо-Тихвинской по указанію старца Амвросія. Помогите же и Вы, добрые христіане, прочно обезпечить обитель эту—помогите по своему усердію, по расположенію своего добраго сердца, безъ всякаго огорченія и принужденія, помня то, что предъ Господомъ Спасителемъ нашимъ не будетъ забыта и самая малая жертва Ваша.

При обители этой предположены къ устройству еще слѣдующія учрежденія: школа для дѣтей сосѣднихъ селъ, больница для бѣдныхъ, богадѣльня для убогихъ—вотъ гдѣ много работы и труда для головы и рукъ найдутъ обитательницы общежитія, а чтобы души свои онѣ могли спасти въ молитвѣ,—Вы, православные благодѣтели, воздвигните для нихъ храмъ Божій. Отрѣшившіяся отъ мира житейскаго сестры-инокини вознесутъ въ немъ за Васъ и за тѣхъ, кого укажете, горячія молитвы Господу Богу.

Пожертвованія просятъ высылать на имя Настоятельницы матушки Валентины, по слѣдующему адресу: Елецъ-Валуйской жел. дороги, ст. Волоконовка, Обитель «Николо-Тихвинская». Жертвователей просятъ подробно указывать какъ свой адресъ для препровожденія квитанцій въ полученіи денегъ, такъ и имена лицъ, за коихъ должны будутъ возноситься молитвы во вновь устроенномъ храмѣ.

10 руб

